АЛЕКСЕЙ ФЁДОРОВ

ИЗБРАННОЕ

(несерьёзные воспоминания БИ)

Южный Иолотань – Циньдао – Чифу - Санкт-Петербург

2012 - 2021

Моим родителям с сыновней любовью…

Дорогой мой читатель! В этих записках, лишенных какой-либо серьёзности и элементарного здравого смысла, я не претендую ни на исчерпывающее и детальное изложение исторических фактов, ни на особый вычурно-художественный стиль изложения. На этих страницах я хочу вспомнить **то, что было, и то, чего не было; то, что происходило со мной и не со мной**; и, в первую очередь, отдать дань своего искреннего и глубокого уважения замечательным людям, которые вырастили и воспитали меня, которых мне посчастливилось повстречать на своем пути; людям, память о которых я пронесу с собой до конца своих дней. На этих страницах я не хочу предстать пред Вами, мой дорогой читатель, ни Ангелом во Плоти, ни Порождением Ехидны; мне очень хотелось избежать занудного перечисления фактов и описания событий по типу – «16 февраля 1980 года по накладной № 29 я получил на вещевом складе совершенно новые ботинки и перчатки». Кроме того, я хотел бы отговорить чрезмерно вдумчивого читателя от того, чтобы он начал проводить исторические параллели и пытаться отыскать в некоторых комических персонажах реальные личности той, уже такой далёкой, Эпохи. Даже не пытайтесь – обречено на провал! Я - художник, и именно так я все увидел.

Вот и получилась эдакая незатейливая эклектика…

«СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС»

«Железные громы туннелей рванули в уши, и сразу, за тростниковым болотом Черной речки, брызнуло светом, вспыхнуло синевой. Мерцающая, ликующая, бесконечная, она дымилась зноем. Белым полымем раскаленных стен, столпившихся на обожженном известняке голых скал, манящей легендой, сказочным миражом полыхнул в глаза Севастополь», - Борис Лавренёв, «Синее и белое».

Он одинаково красив в мартовском цветении миндаля на Историческом бульваре и в южной ночи, тихо опускающейся на эспланады Приморского бульвара; в торжественной меди корабельных оркестров, играющих «Подъем флага», и в печальных стонах корабельных горнов, знаменующих его спуск; в бесконечно-белоснежном потоке бескозырок, плавно стекающих к причалам Минной стенки в сумерках воскресных вечеров,

и в мерной поступи гарнизонных патрулей; в скромных мазанках Нахаловки, что прилепились к склонам Троицкой балки, и в величественных венсановских колоннадах Голландии; в строгих контурах равелинов, ревниво охраняющих вход в бухту, и в серых стенах зданий, изувеченных ядрами и посеченных осколками; в каштанах на улице Суворова и в полыни, буйно растущей вкруг города… Город, дважды стёртый с лица земли носителями «европейских» и «общечеловеческих» ценностей. Город, дважды восставший из пепла как птица Феникс! Воистину единственный и воистину неповторимый – второго такого города не сыскать, даже не пытайтесь!

Город, в который хочется возвращаться вновь и вновь. Возвращаться для того, чтобы еще раз пройтись по тихим улочкам Корабельной стороны, чтобы взобраться на Малахов Курган и лишний раз прочитать эти умные слова – «8 Septembre 1855, Unis pour la Victoire, Reunis par la Mort. Du soldat c`est la gloire, Des braves c`est le sort»… Да и вообще!

«Отстаивайте же Севастополь!», - вице-адмирал В.А. Корнилов.

ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ…

Мы жили в том самом доме, одном из немногих домов, уцелевших при бомбардировках и артобстрелах Севастополя. В том самом доме, что расположен прямо перед входом на Малахов курган…

Отца перевели с крейсера «Кутузов» для дальнейшего прохождения службы на берег и назначили в должность командира взвода курсантов-электриков сильного тока в электромеханическую школу 7-го учебного отряда ЧФ. После корабельной службы, изобиловавшей бесконечными выходами в море, стрельбами главным калибром, сдачами задач К-1 и К-2 и пр., служба на берегу оказалась неземным раем – 7-ой учебный отряд располагался в Лазаревских казармах, что были в десяти минутах неспешной ходьбы от дома. В первый же день службы отец пришёл на обед домой, чем очень обрадовал маму – раньше бывало, что они не виделись неделями.

На второй день он вновь пришёл домой, как и накануне - в обеденный перерыв. А на третий день мама спросила его – «Серёжа, скажи, а что, ты теперь каждый день будешь приходить домой обедать?».

***

Отец остался со мною «на хозяйстве», а мама задерживалась в госпитале на дежурстве. Я мирно играл с кубиками - сам не знаю, как случилась беда, но мой мизинец попал в дверную щель и намертво застрял там. Отец попытался было мне помочь, но неосторожно повернул дверь не в ту сторону, и дверь, со всей дури, сдавила мой палец. Я взорвался криками отчаяния и боли и повалился на пол, обливаясь безутешными слезами. Палец был похож на готовый к употреблению вареник с вишнями. Мама, возвращаясь из госпиталя, вышла из троллейбуса на остановке у Малахова кургана и начала переходить через площадь, когда увидела бегущего навстречу ей отца. Он был без шапки, в расстёгнутой шинели и расшнурованных ботинках - с безумным выражением крайнего ужаса на лице. «Что случилось?», - с тревогой спросила она. Отец смог сказать маме только одно слово – «Ребёнок…». «Ребёнок жив?» - «Да…» - «Ну, тогда зашнуруй ботинки, застегни шинель, надень шапку и пошли домой…». Теперь, когда кто-либо с ужасом говорит мне о том, что произошло что-то ужасное и непоправимое, я нежно беру его за пуговицу, добро смотрю ему в глаза и всегда вежливо спрашиваю: «А ребёнок-то жив?».

***

Чем замечательна военная-морская служба? Она, как любил говорить отец, замечательна тем, что полна неожиданностей. Но это ещё не всё!

Понять действия, мысли и язык военных моряков дано не каждому – если обычный человек с аппетитом ест, то наш брат исключительно «принимает пищу»; если нормальный человек утром просыпается в своей теплой от сна постели, то мы «поднимаемся по подъему с отбрасыванием одеял»; если хорошего человека кормят пахнущей дымком костра

рыбацкой ухой, то нас потчевали исключительно «супом рыбным на мясном бульоне»; мы не можем просто навести порядок в квартире – мы обязаны «приступить к большой приборке - подголячить палубу и скатить её из обрезов», при этом отсутствие ватервейсов и шпигатов никого не волнует; мы не можем просто гулять и дышать свежим воздухом… Нет, не каждому дано понять глубинный смысл всего этого! Даже вдумчивое прочтение «Капитального ремонта» не поможет – через всё это нужно пройти. И, желательно, строевым шагом.

Меня, годовалого, мама вывезла в коляске по улице Островского - подышать свежим воздухом. Навстречу шёл наш донельзя легендарный сосед - инженер-капитан 2-го ранга Фетисов, высокий – под два метра ростом, статный, усатый, с неизменной серебряной "подводной лодкой" на кителе. Красавец-мужчина, одним словом!

А маме моей тогда было 27 лет, и Фетисов, при виде молодой красивой женщины, несколько приосанился, галантно поздоровался и захотел сказать что-то очень доброе, нежное и, я не побоюсь того слова, интимное. Фетисов, переполненный по горловины люков самыми искренними чувствами, гаркнул (т.е. спросил громким командным голосом) - "Находитесь на прогулке?!". Я проснулся и заплакал, может с тех пор и пошла у меня страсть к военно-морской службе?

***

Интересен тот непреложный биологический факт, что загадочный феномен под названием «утренняя эрекция» отмечается у особей мужского пола, начиная с двухлетнего возраста. А может и раньше. Я не знаю, вернее – уже не помню. Мне было около двух лет. Меня уложили спать. Через два-три часа после того, как я "пошёл на погружение", к моей детской кроватке подошли родители - простыни подправить, меня со спины на бок перевернуть или соску изо рта вытащить. Мама подняла одеяло... Отец посмотрел на спящее дитя, мгновенно оценил обстановку и сказал: "Ах ты, мой хороший! Всё эти девки тебе покою не дают!".

***

Телевизоров-дуроскопов ту давнюю пору ещё и в помине не было, но был доступен

фильмоскоп – эдакое допотопное устройство с ручным приводом. И были диафильмы с субтитрами. Отец покупал для просмотра диафильмы с ярко выраженным профессиональным содержанием – «Батальон четверых» по Л. Соболеву, «Матросик» по К. Станюковичу и прочие военно-морские изыски, привившие мне ещё в раннем детстве восторженную любовь к «бескам», «голландкам», «гадам», «гюйсам» и прочим «слюнявчикам». А вот мама пыталась привить мне любовь к вечным ценностям. И однажды она купила «Сказку о Золотом Петушке». Помните, там была ещё и Шмаханская Царица? Так вот, в этом диафильме Шамаханская Царица была на удивление хороша, как я сейчас понимаю. Эдакая, понимаете ли, «пи пополам в квадрате». Помните?

«Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу.
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ…»

Я лежал со сломанной ногой, всё болело, и я начал капризничать. Успокоить меня было крайне сложно – не помогали на «барбариски», ни мамины уговоры. И мама, движимая искренней материнской заботой, спросила меня: «Лёшенька, мой хороший, скажи мне, что ты хочешь?». И я сквозь горькие слёзы ответил ей: «Хочу Шамаханскую Царицу!». Сидевший рядом отец только и промолвил озабоченно: «Интересно, а что с ним станется к двадцати годам?».

***

Моя мама (кстати, очень красивая женщина, сам не знаю, в кого я уродился - ну, не Ален Делон, скажу вам всем честно!) с самых первых дней работы в военно-морском госпитале

пользовалась заслуженным успехом у мужской половины постоянного состава этого богоугодного заведения. Всегда со смехом говорила - "Меня так часто в кино приглашали и ещё куда. Комплименты говорили. Голову морочили фантазиями разными! Отец в море неделями был. А я всё отказывалась. Кажется, я так много интересного в жизни пропустила!".

В 1971-м мама очень серьёзно заболела – результат облучения при отказе рентгеновского аппарата. Более чем серьёзно заболела. В декабре ей сказали, что дела её совсем плохи, и ей нужно собираться в «раковый корпус». И тогда мама сказала мне - " Не знаю, сколько мне осталось. Месяца два-три. Знай и помни одно - если со мною произойдет самое плохое, ты должен быть готов выбираться в жизнь самостоятельно. Отцу будет не до тебя. Не потому, что он - плохой человек, нет! Просто так устроена жизнь, и каждый её должен будет устраивать сам. Будь к этому готов. Тебе через полгода школу заканчивать. Тебе одна дорога - в училище. Там ты будешь накормлен, одет, помыт в бане и наукам обучен. О тебе, при поступлении, должен будет кто-либо похлопотать, чтобы срывов не было. Ты должен пойти в 110-ю поликлинику флота, найти там полковника медицинской службы Василия Петровича Н. и сказать ему, что ты - мой сын. Он сделает всё для того, чтобы ты поступил в училище. Он знает о тебе... Понял?".

Слава Богу, не пришлось мне делать этого! Всё обошлось. Прошло много лет. Я как-то напомнил маме об этом разговоре и спросил её - "Только честно мне скажи - кто мой отец?". Мама рассмеялась и сказала - "Не ломай голову, твой отец — это твой отец!"...

Однажды маме на приём привели матроса-"селюка" с Западной Украины, безнадёжно больного шизофренией. А в "историю болезни" таких больных подшивают всё, что может иметь отношение к их болезни - их рисунки, письма и т.д. И мама прочитала письмо, которое написала этому матросу его жена-"селючка". Суть письма была в следующем - "У нас трое детей. Я так ждала тебя с флота, чтобы хоть как-то вздохнуть свободнее. Денег нет и не предвидится. Ждала тебя три года, и теперь узнаю, что ты вернёшься домой инвалидом. Я не знаю, что делать. Дома - ни копейки, остаётся одно - умереть. Мне и детям...". Вечером того дня мама пришла домой и повинилась перед отцом, сознавшись ему в том, что она отправила жене этого матроса почтовым переводом всю свою зарплату. И, при этом, она не указала обратный адрес. Она просила у отца ПРОЩЕНИЯ! Мой отец

всегда был сильным человеком и волевым командиром – я ему в подмётки не гожусь. Видели бы вы его в тот момент - он был растерян, если не сказать большего. Таким я его никогда не видел... Никогда, даже на похоронах мамы! Я горжусь своей матерью! Всегда любил её искренней сыновней любовью, люблю сейчас и никогда не изменю этой любви!

***

Ранней осенью 1973-го мне, ещё не отличнику учёбы, но уже командиру отделения, присвоили звание "младший сержант". На ноябрьские праздники в Ленинград, проездом на Рижское взморье, прибыли мои родители. По этому случаю мне выписали "сквозную" увольнительную - до вечера следующих суток. Прямо в вагоне севастопольского поезда отец осмотрел мой "образцовый внешний вид" и остался доволен увиденным - похоже, что его порадовали сержантские нашивки на моих погонах. Но не могло же всё быть хорошо – при более детальном изучении вопроса оказалось, что стрелки на брюках были заглажены не так!!! И тут началось - "Вот, в 1948-м я гладил лучше! Вот когда на «Адмирале Макарове» ..." и т.д.

Родители остановились в военной гостинице, что на ул. Садовой, но не в здании гауптвахты, где "сидел" за многочисленные нарушения воинской дисциплины М.Ю. Лермонтов, а в отдельном двухэтажном здании - очень хороший номер, в котором я был очень рад предоставленной мне возможности провести хоть одну ночь вне стен казармы и помыться нормальным образом. Сверхскоростные помывки в 3 часа ночи в городской бане, что была на пл. Пролетарской Диктатуры, к желаемому результату не приводили - времени едва хватало на то, чтобы постирать тельняшку и носки. Хороший номер с телевизором и неспешная помывка, а тут ещё мама прикупила в "Севере" пирожные...

Ну, не могло всё быть в жизни хорошо! Отец начал опять обсуждать проблему, связанную с моими брюками - "надо погладить, т.к. завтра мы приглашены в гости; надо погладить, т.к. образцовый внешний вид требует того; надо погладить потому, что я так сказал. Вот я на крейсере «Адмирал Макаров» так гладил…". И тут в процесс воспитания будущего офицера флота деструктивно вмешалась мама: "Серёжа, чем вот так нудиться, ты возьми и сам погладь брюки ребёнку! Именно так, как ты их гладил в 1948-м на крейсере "Адмирал Макаров". Не надо заниматься морализаторством!". Отец ещё несколько минут вяло посопротивлялся - "Да чтобы я, капитан 1-го ранга, гладил брюки нижнему чину...", но

завел-таки будильник «на пораньше». Следующим утром отец вошёл в номер с моими идеально поглаженными брюками и с крайне озабоченным выражением на лице. Я сразу понял, что произошло нечто непоправимое. Отец сел перед телевизором и сказал только - "Куда катится флот? Я отказываюсь это понимать!". Что оказалось - отец наводил стрелки на моих брюках, как тут в "гладилку" вошел офицер с погонами капитана 1-го ранга на рубашке. Вошёл, осмотрелся, вынул из кармана брюк "гюйс" - синий форменный воротник с тремя белыми полосками и горестно промолвил: " И Вы тоже...". А потом они ещё долго обсуждали вопрос о том, как всё оно было справедливо в 1948-м году на крейсере "Адмирал Макаров", что стоял на бочках на Кронштадтском рейде, и о том, куда катится флот...

***

Родители возвращались из отпуска поездом в Севастополь. Я ехал с ними – удачно карта легла! Утром следующего дня начался "воспитательный процесс" - "Ешь с хлебом... Размешай сахар... Покажи носовой платок... Причешись... Причешись... Причешись..." И всё это так методично! Я порылся в карманах формы и расчески там не нашёл, в чем и сознался решительно - "Я потерял расческу!". Это все было настолько интересно, что все остальные невинные пассажиры того вагона останавливались около открытой двери нашего купе и с интересом впитывали этот неиссякаемый поток воспитательного красноречия под названием «Педагогическая поэма». Поезд миновал Инкерман...

В коридоре вагона уже толпился народ, тут и я собрался к выходу, надел шинель и вышел из купе. Отец стоял в коридоре вагона в шинели, застегнутой на все пуговицы, и с интересом рассматривал корабли, стоявшие у причалов Северной – от его глаза не могло ускользнуть даже малейшее нарушение правил организации корабельной службы и распорядка дня.

Я засунул руку в карман шинели и, о Боги, я вытащил оттуда свою некогда бесследно пропавшую расческу, у которой было выломано до половины зубьев, показал её отцу - "Вот, нашёл!". В ответ мне на весь коридор презрительно прозвучало - "Лучше бы ты её потерял!"... От смеха весь вагон повалился на пол в пароксизмах экстаза.

***

Моими любимыми книгами являются романы Валентина Пикуля «Три возраста Окини-сан» и Леонида Соболева «Капитальный ремонт». Любовь к «Капремонту» передалась мне по наследству – это была настольная книга моего отца. Он мог начать цитировать её с любого места, при этом цитирование сопровождалось довольно-таки профессиональными комментариями, основанными на безукоризненном знании и понимании всех статей Корабельного Устава. В начале второй части романа один из персонажей говорит – «Обед без вина - всё равно, что любовь деревенской бабы, вкусно, полезно, но скучно…». Похоже, что отец, увлёкшись красочными описаниями больших приборок, артиллерийских команд и прочей голубой флотской мути, эту цитату не запомнил. Или просто не обратил на неё внимания. Не тот у него был уровень восприятия истины и объективной реальности! Мама пригласила нас к воскресному столу – всё было отменно! Отец попросил у неё налить рюмочку хорошего крымского вина. Тут я и сказал – «Мама, мне тоже, пожалуйста! Ведь обед без вина - всё равно, что любовь деревенской бабы, вкусно, полезно, но скучно…». Отец снял очки, помолчал и многозначительно сказал – «Да уж… Изрёк наш оракул!».

***

Мне очень повезло с родителями... Их диаметрально противоположные педагогические подходы к перманентному процессу моего воспитания органично дополняли друга. Отец был суров, но справедлив. А мама была Божьим Человеком - природа щедро наделила её женским умом и отменным чувством юмора. Как-то раз майские праздники подарили нам четыре выходных дня - невероятное по тем временам событие в жизни старшего лейтенанта!!! Как и положено, я клятвенно пообещал прийти к родителям и провести все выходные с ними, разве что кровью не расписался. Не получилось... Затяжной прыжок начался 30-го апреля в коктейль-баре на пл. Революции и плавно, вернее - вихляющей походкой пьяной портовой шлюхи, переместился на Максимову дачу, где мы гоняли мяч и просто валяли дурака, смешивая в адскую смесь "Столичную" и "Портвейн Таврический крепкий", который в наших кругах назывался в ту пору «Мухомор».

В ночь с 3 на 4 мая я-таки решил пойти в отчий дом - чувство голода дало знать о себе лёгким головокружением. В окне горел свет... Все эти дни и ночи мама ждала меня. Когда я вошёл, она сказал с упрёком - "Я тебя ждала три дня. Спать не ложилась. Я тебя очень прошу... Пожалуйста, остановись. Ведь всё это твои девки? Ты только подумай, какой пример ты подаёшь отцу!".

Как-то раз мама сказала длинную фразу, которую я запомнил на всю оставшуюся жизнь - "Лёша, где тебя опять носило? Всю ночь звонили твои девки - тебя искали... Нет, я ничего против них не имею, ведь они любят тебя - моего сына! Одна из них - такая хорошая воспитанная девочка - даже в три часа ночи скажет "здравствуйте!".

***

В те самые далёкие героические годы, когда в магазинах можно было купить лишь уксус и «Беломор», у моих родителей были друзья – Вадим и Лариса Пономарёвы. Лариса Михайловна Пономарёва работала врачом-инфекционистом, когда в Краснознамённый военно-морской госпиталь поступил новый загадочный прибор под названием

«ректоскоп» для проведения антигуманных опытов над людьми. И опыты эти назывались ректороманоскопия - метод медицинской диагностики, при котором производится визуальный осмотр слизистой оболочки прямой кишки. Исследование осуществляется с помощью специального прибора - ректоскопа. Он представляет собой трубку, которая содержит в себе осветительный прибор и устройство подачи воздуха. Воздухом раздувается полость прямой кишки, затем система подачи воздуха отсоединяется и устанавливается окуляр. Когда я был курсантом, опыты эти находились в зените своей славы, и называлась эта процедура просто – «смотреть телевизор».

А тогда это было чем-то новым и прогрессивным. Но Лариса Михайловна всячески уклонялась от этого действа - я так понимаю, что жене инженера-капитана-лейтенанта Вадима Николаевича Пономарёва негоже было залезать матросам в прямую кишку, других объяснений я найти так и не смог. Её постоянно ругали на всяких утренних совещаниях в госпитале, инкриминируя ей активное нежелание осваивать новую технику. Собрались друзья на празднование Нового Года. Обычно они писали другу-другу разные шутливые новогодние пожелания, старались писать в стихах. И отец написал доктору Ларисе Михайловне Пономарёвой такой вот стих:

«Ректоскопом не владеет,
В ж.... просто так глазеет,
Желаем ей, чтоб в Новом Годе
Больной не ... при обходе!»

Ответ на это послание пришёл лет через двадцать. В части на Фиоленте, где служил отец, праздновался его 50-летний юбилей. Зачитали помпезный приказ по части, телеграмму от Главкома ВМФ, что-то пришло из штаба флота, что-то из штаба соединения. Потом наступил момент вручения неформальных верительных грамот. Один из таких документов – поэму, написанную капитаном 2 ранга-инженером Хоменко, отец принёс домой. Читая эти «вирши», я катался по полу в припадках истерического смеха. А были в поэме слова такие – много времени прошло, многое я уже забыл, но главное осталось в памяти:

«.... Свой юбилей... отмечает Фёдоров Сергей...
Твоя энергия и живость известны многим на площадке «два»!
В тебе отсутствует сомливость, когда ты у расчётного руля...”

Где найти тот самый легендарный расчётный руль? Что такое «сомливость»? Я так и не

узнал. Похоже, что это – нечто среднее между «сонливостью» и «подверженностью сомнениям». А вот дальше следовало такое:

«Желаем мы, чтоб ты, как Райкин,
Глаголом жёг сердца людей.
И на мозги им реже капал,
Упоминая матерей!»

Это был мой праздник, ибо "капал" отец более чем методично, не признавая пресловутых полутонов. Если белое, то, как форменка, если чёрное - то, как суконные брюки первого срока носки. Отец был в состоянии добиться всего - порядка в тумбочках, чеканного строевого шага, маразматического знания и понимания всех статей Уставов, застёгнутых пуговиц на бушлатах. Так "капал", что иногда доводил своих подчинённых до нервных срывов и гипертонических кризов, но исполнения своих приказов добивался всегда. Это был настоящий офицер.

Флот... Только очень недалёкий человек при упоминании этого слова может представить себе торжественную медь корабельных оркестров, играющих «Захождение» или «Подъём флага»; залихватский свист боцманских дудок; «... в полдень главным калибром отстреляли успешно» (с); прорыв Фареро-Исландского рубежа противолодочной обороны и прочую голубую муть... На деле все было гораздо сложнее!

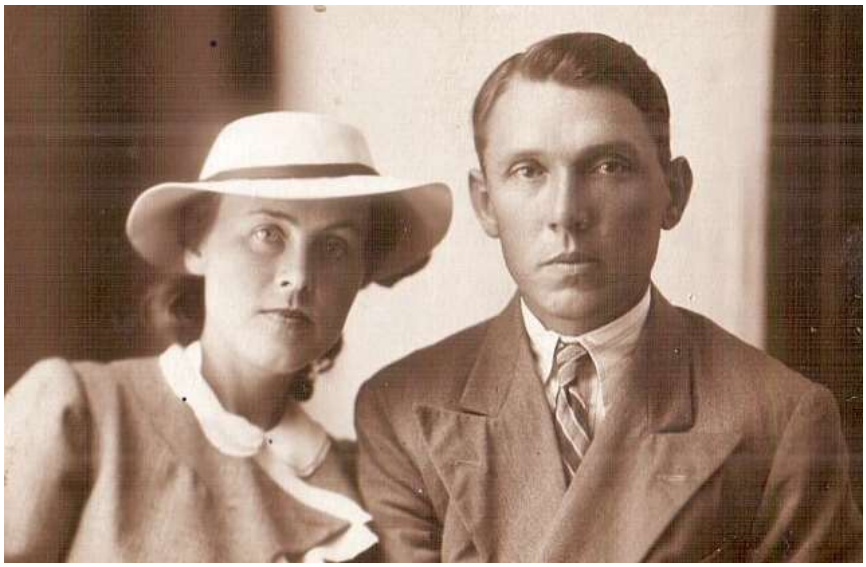
***

Саратов, как известно, находится далеко от моря, хотя он и дал России много настоящих моряков. Флотская форма в Саратове была редкостью, в знаках различия мало кто разбирался. Про флот знали, как я понимаю из рассказов Станюковича, лишь то, что матросы безостановочно пьют водку и дерутся. Отец приехал в первый летний отпуск и в курсантской форме пошел с мамой погулять в городской сад Липки. А вечером бабушке и деду позвонили доброжелатели и сказали - «Что творится!!! Беда!!! Сегодня вашу Юлю видели на улице вместе с матросом!!!».

Отец никогда не помышлял о военно-морской карьере. Он видел себя ученым-экспериментатором в области физики высоких напряжений. Но жизнь распорядилась иначе…

Мои прадед и прабабушка – Василий и Анна Муравлёвы были очень хорошими и по-настоящему правильными людьми – сами посмотрите.

Бабушка моя - Зинаида Васильевна – была учительницей музыки и французского языка в одной из средних школ Саратова (кстати, одним из её учеников был Олег Табаков, который называл моего отца не иначе как «Красавец-мужчина»), а мой дед – Михаил Васильевич – был зоотехником. Они распрощались 26 августа 1941 года – именно тот самый снимок…



А 18 декабря 1941 года в бою на северной окраине совхоза «Красный Октябрь», что у станции Войбокало под Волховом, бывший зоотехник - красноармеец М.В. Муравлёв, действуя штыком и гранатами, отправил на тот свет 11 «евроинтеграторов» и «санкционеров». С фронта он не вернулся.

Мечты отца об учебе в университете так и остались мечтами, и в августе 1947 года он поехал поступать в ВВМИУ им. Дзержинского, будучи совершенно не готовым к тому, чтобы столкнуться на своём пути со всевозможными «тяготами и лишениями военно-морской службы». Прибывших в училище мальчишек-абитуриентов построили на плацу, и к ним подошёл их старшина роты - старшина 1 статьи Юрий Дмитриевич Кялин - огромного роста, с внушительными кулаками, лужёной глоткой, нашивкой за ранение, награждённый орденом и двумя медалями. Отец, грешным делом, подумал, что им старшиной назначили лучшего из лучших, но как же он ошибался! На деле оказалось, что Юра, как впоследствии

называл его отец, успешно «завалил» несколько экзаменов весенней сессии, и его лишили летнего отпуска в числе других «академиков»-фронтовиков; а чтобы он особо не расслаблялся, его пригрузили обязанностями старшины роты абитуриентов. Юра встретил «салажат» сурово, его первыми словами были – «Запомните раз и навсегда, на флоте есть три священных места – строй, гальюн и тумбочка дневального!». С самых первых дней своего «кандидатства» отец хлебнул горя в полной мере, там было все – и мат в три этажа, и строевой шаг, и приборки в гальюнах. Бабушка Зинаида рассказывала – «Приеду к нему в училище, спрашиваю – «Сыночка, ну как ты?», а он мне в ответ – «Мамочка, забери меня отсюда!». А я не могу – кормить не чем, одеть не во что… Еду от него в трамвае и плачу…». И тогда отец сделал решительный ход – преднамеренно допустил грубые ошибки на письменном экзамене по математике, на следующий день его должны были отчислить из училища. А вечером того же дня он пошел сдавать устную математику; экзаменатор остался очень доволен услышанным и решил посмотреть письменную работу - «Ничего не понимаю! Как это может быть – с такими знаниями и написать такую ересь?». Отец ему всё и объяснил. За письменный экзамен ему поставили «отлично», и преподаватель сказал на прощание – «Всё образумится! Иди учись!». И отец начал учиться, хотя долгое время его не оставлял вопрос – «Неужели все пять лет будет так?». А в ноябре 1947 года прибыл уже кадровый старшина роты курсантов-электриков – главный старшина Назим Гейдарович Гаджибеков – отличник учебы, превосходный гимнаст и строевик; его дед одним из первых получил в Азербайджане высшее экономическое образование, были среди его родных и Нарком Финансов АзССР, и Ученый Секретарь Академии Наук АзССР. Я и сам не знаю, как такое могло случиться, но в один из дней, по окончании чистки оружия, отец забыл вставить затвор в трехлинейную винтовку Мосина, и Назим Гейдарович стремительно раскрутил маховик репрессий.

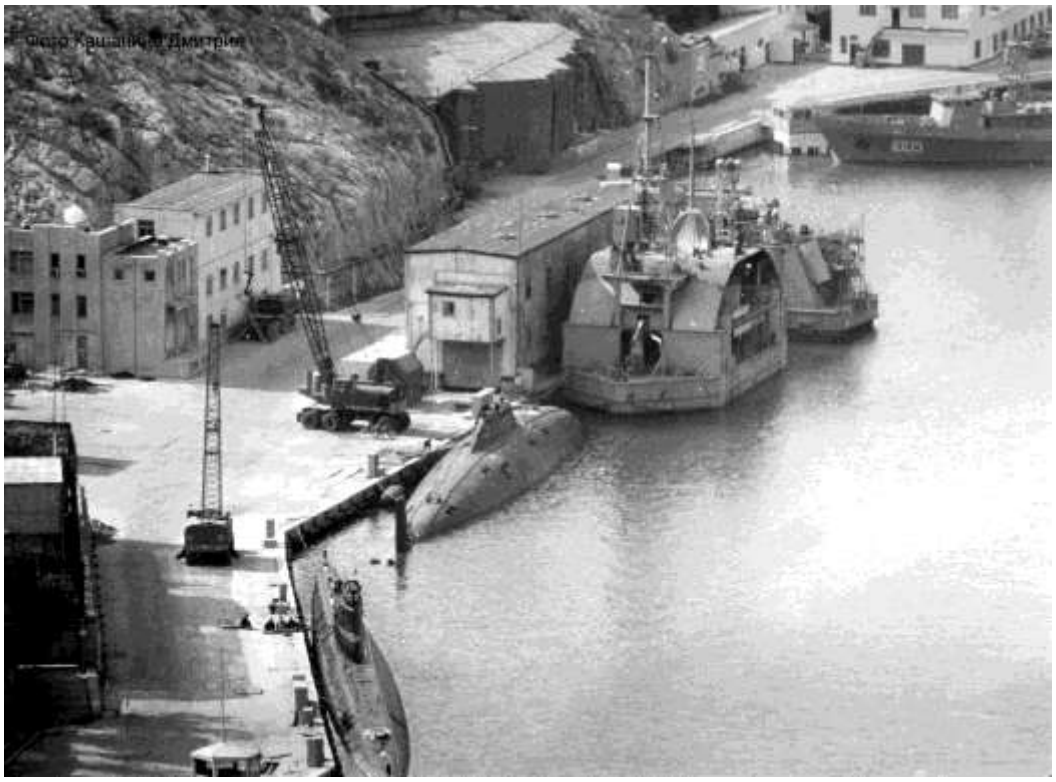
Я застал уже то время, когда они были хорошими друзьями – вместе успешно служили на строящихся крейсерах в Николаеве, позже на 50-й дивизии крейсеров и в Техническом Управлении флота в Севастополе, вместе отмечали праздники, но при любых обстоятельствах отец обращался к своему бывшему старшине только на «Вы» и по имени-отчеству. Такой вот «Капитальный ремонт»!

Отец уверенно шел по стезе корабельно-инженерной службы, чем он очень гордился. После электромеханической боевой части легкого крейсера была служба в электромеханической школе 7-го учебного отряда ЧФ и, как венец всех празднеств, последующее назначение в отдел электрооборудования кораблей Технического Управления ЧФ, где отец вновь встретил многих своих друзей по «Дзержинке»; именно в это время он добрался и до Албании – до базы подводных лодок Дукати, что находилась на брегах залива Паша-лиман. Я подозреваю, что именно в Техупре он и собирался завершить свою флотскую службу. Но, как отец сам любил говаривать, «военно-морская служба тем и прекрасна, что она полна неожиданностей». В один из дней отца неожиданно вызвали в «кадры» Техупра и предложили поехать для собеседования по вопросу дальнейшего прохождения службы в воинскую часть, что находилась на Фиоленте. Где-то и когда-то отец встречал в переписке номер этой части, но, чем эта часть занималась, и кому подчинялась, история умалчивала. «Кадровик» тоже молчал, как рыба об лёд.

На проводившего с отцом собеседование заместителя командира части капитана 1 ранга Андрея Георгиевича Яйло, в прошлом - командира одной из бригад подводных лодок 14 дивизии, произвели неизгладимое впечатление ВВМИУ им. Дзержинского, служба на крейсере и в учебном отряде, ладно сидевшая на отце форма и его неизменная строевая выправка. Яйло принял решение запросить в кадрах личное дело отца и направить представление о его назначении на Фиолент. На вопросы отца о том, чем занимается часть, и чем ему предстоит в ней заниматься, Яйло ответил коротко: «Вы ведь инженер-электрик? Ну так, к закону Ома Вы будете иметь некоторое отношение. Всё остальное узнаете после того, как состоится назначение». Самое интересное было в том, что согласие отца на перевод никто не спрашивал. Отец начал выяснить, какая же тайна кроется за всем этим, и каким-то образом узнал, что его посылают служить на замену хорошо ему известного «дзержинца»-электрика инженера-капитана 2 ранга Тимура Арслановича Валиева.

У Тимура Арслановича Валиева – отличника учёбы и в «Дзержинке», и в Академии, грамотнейшего корабельного инженера-электрика и т.д. – не заладились семейные отношения, по причине чего «мудрец и звездочёт» начал увлекаться «огненной водой», что, впрочем, не мешало ему успешно служить за семью печатями тайны фиолентовской

«конторы». А ведь в ту пору мы исправно ходили на выборы, где единогласно голосовали за кандидатов в депутаты от нерушимого блока коммунистов и беспартийных! Хотя, стоит сказать, демократическое голосование у людей военных всегда и везде принимало несколько извращённые и фантастические формы – выборы «де-юре» начинались в шесть часов утра воскресения, а заканчиваться «де-факто» они должны были уже к восьми часам утра, и об этом нерушимом единстве советского народа политработники всех мастей и рангов гордо докладывали в вышестоящие политорганы. Тимура Арслановича назначили председателем фиолентовской участковой избирательной комиссии и торжественно вручили ему ключи от избирательного участка и сейфов с печатями и бюллетенями. Ранним воскресным утром колонны ликующих матросов единодушно прибыли на избирательный участок, двери которого оказались закрытыми – председателя на месте не оказалось. Его разыскивали по всему Севастополю с собаками и миноискателями… Председатель прибыл на участок в районе полудня – его несколько помятый внешний вид и запах коньячных испарений говорили о многом. О происшедшем ЧП, а ведь именно оно и произошло, пришлось докладывать в Особый отдел и в Политуправление флота. Дело дошло до Командующего флотом, который, как и положено начальнику такого ранга, думал не долго, но решил мудро: «Откуда Валиев прибыл служить на Фиолент? Из Техупра? Вот и отправьте Валиева назад в Теухпр, пусть они там с ним сами разбираются и занимаются его воспитанием. А на его место назначьте любого не пьющего инженера-электрика из Техупра». Вот так отец и занялся вопросами бросковых испытаний баллистических и крылатых ракет с подводным стартом.



Прошли годы… Тимура Арслановича Валиева благополучно уволили с флота в запас, и он уехал к себе на родину – в солнечный Ташкент, где он написал несколько научных трудов о помехоустойчивости систем передачи данных с дискретным накоплением, защитил докторскую диссертацию, стал главным научным сотрудником Института кибернетики Академии наук Узбекской ССР и был назначен членом Президентского Совета Узбекской

СССР; на центральном ташкентском мусульманском кладбище «Минор» с 2002 года лежит надгробная плита с уникальным для этого города изображением морского якоря... В декабре 1982 года умер Андрей Георгиевич Яйло, и председателем комиссии по его похоронам был назначен отец, и в этом я не нашёл ничего удивительного – отец, несмотря на «инженерные молотки» зарекомендовал себя на Фиоленте отменным строевиком и знатоком Уставов; по этой простой причине его регулярно назначали начальником эшелона новобранцев для Черноморского флота, поручали командовать офицерами на строевом смотре, он был неизменным проверяющим гарнизонных караулов, а оттуда и до председателя похоронной комиссии было рукой подать. То были несколько дней и вечеров запойного творчества, ибо отец подошёл к похоронным делам более чем серьёзно: вечерами ему звонили то начальник почетного караула, то военный дирижёр, то начальник автотракторной службы – эти «гробокопатели», как называл всех их отец, сдавали зачеты на знание и понимание своих ритуальных обязанностей. Во время похорон к отцу подошёл Заместитель Командующего флотом вице-адмирал В.А. Самойлов – некогда товарищ Яйло по службе в подплаве – подошел и на полном серьёзе сказал: «Товарищ Фёдоров! Если бы я был уверен в том, что мои похороны будут организованы так же четко, то я предпочел бы умереть прямо сейчас!». Судеб морских таинственная вязь…

***

Отец был очень серьёзным человеком. Более чем серьёзным, хотя с чувством юмора у него всё было в норме. Как-то раз родители ехали поездом из Ленинграда в Севастополь. К ним в купе ввалился какой-то моряк из "загранзаплыва". Может быть "торгаш", а может быть и "тюлькин флот" - вам всем известно былое пренебрежительное отношение военных моряков к этой категории водоплавающих особей. На голове у пришельца красовалась отменная "океанская" фуражка, а сам пришелец был пьян в хлам - он дышал отработанным алкоголем, так же, как некогда «фонил» радиоактивным излучением чернобыльский реактор, вышедший из повиновения и провозгласивший «незалежность» и «самостийность». Потом он снял ботинки, и … бррррррррррр... без комментариев! Спел "Бригантину" и затерялся в широтах дальнего флибустьерского моря, где некогда поднимались те самые паруса, куда позже ставшие легендарными. Он отвратительно храпел всю ночь, а утром встал, молча выпил стоявший на столике кефир и сошел с поезда где-то в районе Ново-Алексеевки. То был кефир, который отец заблаговременно купил себе на утро, вот была у отца такая нездоровая привычка - выпить утром стаканчик кефира. Откуда бы это?

Прошло сколько-то там времени – год, а может быть и больше. Утром в воскресение отец начал "нудиться": "Опять порядка нет - вещи лежат не на местах. Алексей, поправь одеяло! Нужно утром навести порядок и в течение дня поддерживать его. Это плохо, когда вещи не кладут на место! Все безобразия начинаются с мелочей! Почему ты с вечера не гладишь брюки? Опять в туалете не потушили свет!!!". И так далее - программа воскресных нравоучений с годами не менялась. Тут мама и сказала - "Помнишь, мы ехали в поезде вместе с моряком дальнего плавания? Так вот, ты вышел покурить, а моряк мне и сказал - "Юля! Ты - молодая и красивая тётка!!! А твой Серёга - старик!". Вот, что люди про тебя говорят!". Отец несколько растерянно посмотрел по сторонам, вспомнил событие, подумал и сказал: "Да пусть этот придурок говорит, что хочет! Но зачем он выпил мой кефир?".

«ТАК СКАЗАНО В УСТАВЕ!»

Отец был убежденным «уставником». Он знал практически наизусть все четыре Общевоинских Устава и Корабельный Устав. Мало того, что знал – он их понимал и принимал близко к сердцу. «Так сказано в Уставе», - таков был его лозунг.

В конце 1951 года, возвращаясь в «Дзержинку» из зимнего отпуска, отец о чем-то задумался и не отдал честь какому-то пехотному капитану. Капитан оказался офицером московской комендатуры и, ничтоже сумняшеся, «записал» отца. Январь и февраль 1952 года «Дзержинка» в полном составе отсидела карантин по гриппу, после чего все достойные моряки были отпущены в увольнение, а отца вывели из строя увольняемых – начальник училища инженер-контр-адмирал Красиков своим приказом объявил отцу один месяц «неувольнения». При этом, как оказалось, были нарушены все возможные и невозможные требования Дисциплинарного Устава – наложить взыскание следовало не позднее десяти суток после совершения проступка, а «привести приговор в исполнение» – в течение последующих тридцати суток. А тут уже март на дворе… Так и оставшись не уволенным, отец поставил перед собой чернильницу, помакнул перо в чернила и начал писать «челобитную» Военно-Морскому Министру Адмиралу Флота Н.Г. Кузнецову – жалобу на начальника училища. В это время в кубрик, где сидел поборник уставных требований, вошел помощник командира роты электриков старший лейтенант Валов. «Что пишешь? А… Жалобу на начальника училища… Всё верно! Сомнений в том, что Красиков нарушил Устав, нет и быть не может. Только вот мой тебе совет – порви эту подмётную бумажку и, кроме того, выкинь чернильницу и перо куда подальше. Через полгода тебе предстоит распределение…». То был истинно мудрый человек. На том и порешили.

Годы шли, но привитые отцу ещё в «Дзержинке» правила хорошего поведения, оставили в его сознании неизгладимые борозды. И это, я считаю, было хорошо! А было вот что.

В августе 1971-го года отцу присвоили очередное воинское звание инженер-капитан 1-го ранга. Отмечалось это эпохальное, я не побоюсь того слова, событие три дня - разные категории гостей (кому пить нельзя, кому есть нельзя, кому вообще ничего нельзя...). В последний день «отмечания» я собрался сходить со своими друзьями Саней и Вадимом в кино - "Ошибку резидента" в очередной раз посмотреть. Не то, чтобы мы хотели ещё раз увидеть козни западных разведок – больно уж нам по душе был вор-рецидивист Бекас -

Михаил Ножкин с его бессмертной песней «А на кладбище всё спокойненько…». Ребята пришли, мы вместе доели какие-то объедки с барского стола. А за стеной в это время уже шло к своему логическому завершению бурное действие. Вышел отец, несколько утомлённый тремя днями «отмечания», увидел, что мы куда-то собираемся. Ну как тут обойтись без него? И он решил подсказать нам, с высот своего и без того высокого звания, как мы должны себя вести - "Вы знаете, что вести себя нужно прилично? Руки в карманах не держать. Семечки не есть. Дорогу переходить по переходу и по сигналу светофора. Не нужно толкаться, не нужно размахивать руками и не нужно кричать на всю улицу - "Ё… твою мать!!!". Вот...". Мы втроём застыли в состоянии кататонического ступора – восковые фигуры. Рядом стояла мама, она и сказала - "Мальчики, не пугайтесь - ничего страшного! Это Сергею Михайловичу опять привиделось, что он инструктирует матросов перед увольнением".

… Николаев, 181-я бригада строящихся кораблей, береговая казарма 5-го военного городка, в которой жила команда строящегося крейсера «Михаил Кутузов». Морозный декабрьский день 1953 года неумолимо клонился к вечеру, в тот вечер отец стоял в наряде - дежурным по береговой казарме. Дежурный по казарме инженер-лейтенант Фёдоров обходил кубрики и бытовые помещения. Телевизоров тогда и в помине не было - матросы с шумом «забивали козла», тихо подшивали подворотнички и гладили рабочее платье… Делом, так сказать, занимались. Ничто не предвещало беды. Отец зашел в Ленинскую комнату и видел матроса, который с интересом читал какую-то книгу. Что за книга-то такая интересная? Как оказалось, при внимательном рассмотрении, это был Корабельный Устав ВМФ СССР. Непонятно… Вечером матрос читает Устав! Отец удивился им увиденному. Откровенно говоря, я бы тоже малость удивился – ну, не может такого быть! Служивые меня поймут. Отец спросил у матроса его фамилию и записал в записную книжку его боевой номер (комбинация цифр на белой ленточке, пришитой по верхнему обрезу нагрудного кармана «голландки», позволяющая однозначно установить место человека в сложной корабельной иерархии). На следующее утро отец зашел к НМС крейсера майору м/с Алексею Ивановичу Денисенко и поделился с ним своими сомнениями. Корабельные Эскулапы и Гиппократы внимательно осмотрели и выслушали матроса, после чего направили его в Николаевский военно-морской госпиталь. В данном случае крейсерская медицина была бессильна. Из госпиталя матрос был направлен в стационар областного психоневрологического диспансера, откуда и был тихо и мирно демобилизован с флота с диагнозом «шизофрения». А на ближайшем служебном совещании командир крейсера капитан 1-го ранга Любичев сказал: «Товарищи офицеры! Учитесь тому, что такое бдительность, у командира электротехнической группы инженера-лейтенанта Фёдорова!».

Прошли годы… Севастополь, мыс Фиолент… Морозный декабрьский день 1981 года неумолимо клонился к вечеру, в тот вечер отец временно исполнял обязанности командира части. ВрИО командира части капитан 1-го ранга-инженер Фёдоров обходил казарменные помещения. 471-я отдельная местная стрелковая рота – порядок… Кадровая команда – замечаний нет… Техническая команда – ажур полный! Ничто не предвещало беды. И тут в ленинской комнате технической команды отец увидел двух матросов, которые с интересом читали какую-то книгу. Что за книга-то такая интересная? Как оказалось, при внимательном рассмотрении, это была работа плешивого и картавого импотента, помешанного на убийствах священников и детей, она называлась «Все на борьбу с Деникиным!». Непонятно… Вечером матросы читают Ленина???

В этот раз отец уже ничему не удивился. Он немедленно прибыл на КП части и вызвал туда оперативного дежурного, дежурного по части, старшину команды и прочих власть предержащих, коим им была поставлена предельно короткая и ясная задача – «БДИТЬ!». На вопрос о том, что случилось, ответ был прост – «Несколько минут назад я видел, что матросы читали книгу Ленина. Как бы чего не вышло».

“ИЗЛИШНИЕ ДОНЕСЕНИЯ ВРЕДНЫ, А ПОТОМУ - ЗАПРЕЩАЮТСЯ!»

Даже не знаю, с чего начать этот пассаж ...

Была когда-то у меня изданная в 1939 году интересная книжечка в красной обложке, называлась она «Корабельный Устав Рабоче-Крестьянского Военно-морского флота СССР». И были в той книжке замечательные слова: «Излишние донесения вредны, а потому запрещаются». Кто автор? Николай Герасимович Кузнецов! С той самой поры я хорошо знаю ответы на вопросы – кому докладывать? когда докладывать? что докладывать? И главное - как докладывать? От меня не то, что лишнее донесение не поступит, от меня вообще никогда ничего и никуда не поступит.

Есть на флоте такое красивое слово – «флагман», что означает «первый», «главный», «ведущий». Есть на флоте флагманский штурман, флагманский артиллерист, флагманский специалист по реактивному оружию, флагманский механик и много других не менее значимых «флагманов». А флотские медики пошли ещё дальше, они изобрели и официально узаконили созвездие своих «флагманов» – флагманский хирург флота, флагманский терапевт флота и т.д. Наибольшее впечатление на моего отца производил титул «флагманский гинеколог Черноморского флота»! Не так уж и много было в ту пору женщин-военнослужащих (кстати, в те годы мы называли когорту этих славных воительниц словом «ЖОПКА» - «Женское Общество Помощи Красной Армии»), и деятельность «флагмана» сводилась исключительно к обслуживанию адмиральских жён. Как сказал отец: «На такой должности можно служить до девяноста восьми лет!». А вот хороший знакомый моих родителей Александр Сергеевич Прокольчев закончил военно-морскую службу в должности флагманского патологоанатома Краснознамённого Черноморского флота.

Про таких как хирург Александр Сергеевич на флоте говорят: «Его служба прошла как хорошо смазанный оргазм!». Он служил доктором на штабном корабле «Ангара» - бывшей яхте командующего подводным флотом Германии кросс-адмирала Карла Дёница “Aviso Hella”. Отец, перегруженный крейсерской службой - большими сборами и большими приборками, стрельбами главным калибром на ходу «обе полный назад» и прочими вкусными флотскими вещами – тайно, как я это понимаю, завидовал «Сане». Служба на «Ангаре» так и осталась несбыточной мечтой для многих.

После «Ангары» Александр Сергеевич служил начальником полевого госпиталя Черноморского флота – никакой медициной и хирургией там не пахло по определению; медицину заменили планы мобилизационного развертывания, физическая подготовка, чистка оружия, строевые занятия, какие-то передвижные души и вошебойки, человек сорок мичманов и матросов с их причудами. А после этого Александр Сергеевич обосновался в уютном морге.

Начальник полевого госпиталя подполковник мед. службы Прокольчев был приглашен на празднование Нового Года. В 00:15 он должен был принять доклад от дежурного по госпиталю - доклад о том, что матросы не перепились до белой горячки и не поубивали друг друга; после этого ему предстоял доклад «наверх» - Оперативному Дежурному санотдела Черноморского флота. Однако в праздничном угаре Александр Сергеевич несколько перестарался и был малость «уставшим». Доклад-то он принял, но далее мама отозвала отца в сторонку и сказала: «Нельзя Сане в таком состоянии звонить «оперативному». Зачем ему неприятности? Серёжа, позвони ты». Нет проблем! Отец подошел к телефону, набрал номер и сказал: «Докладывает капитан 2 ранга Фёдоров. В части Прокольчева, кроме Прокольчева, пьяных нет!». Занавес…

«ПЛЕННИКИ МЕЛЬПОМЕНЫ»

Мельпомена - в древнегреческой мифологии муза трагедии, ставшая символом театрального искусства. Одна из девяти дочерей Зевса и Мнемосины, мать сирен от Ахелоя. Мельпомена изображалась в виде женщины с повязкой на голове и в венке из листьев винограда или плюща, в театральной мантии, с трагической маской в одной руке и мечом или палицей в другой - символом неотвратимости наказания человека, нарушающего волю богов.

В детском садике на Нижних Остряках, где постигал свои первые науки Серёжа, было решено поставить на сцене сказку «Машенька и три медведя» - неотвратимо надвигался смотр-конкурс юных талантов на первенство Ленинского районо Севастополя (районного отдела народного образования). Роли были распределены исподволь - на роль Михаила Потаповича любезно пригласили Серёжу. И воспитательницы, и заведующая детским садиком нарадоваться не могли – Серёжа подошел к роли крайне серьёзно: он громко рычал, вращал глазами, топал ногами и, в состоянии, близком к припадку, картинно кричал: «Кто??? Кто ел моей ложкой и не положил её на место???». Ничто не предвещало беды, но… За три дня до «прогона» Михаила Потаповича «пробило на корпус» - он категорически отказался участвовать в репетициях и выкрикивать бессмысленные монологи о ложках и тарелках. Никакие уговоры на упершегося в борьбе за свои права Михаила Потаповича не действовали. Постановка была на грани срыва.

Воспитательница Леопольдина Хачиковна предложила срочно заменить в главной роли Серёжу и предложила на эту роль детсадовского истопника – бывшего старшину команды котельных машинистов дивизиона движения БЧ-5 с крейсера «Ворошилов» отставного мичмана Спиридона Магомедовича Залкинда. Горе-истопник эпизодически бывал трезв, но он нём ходили будоражащие воображение воспитательниц и нянечек слухи о том, что он частенько заманивал мальчиков из старшей группы в свою каморку, что находилась под лестницей. Дети сторонились его, как чёрт ладана. Магомедыч выучил-таки роль, но на одну из репетиций он прибыл в состоянии лёгкого алкогольного недоумения и вместо тезиса о ложке задумчиво сказал: «Опять клапанчук засрался, мать его за ногу… Мне бы спиртяжки на промывку…»; именно по этой причине он был предусмотрительно снят с пробега.

На помощь пришла заведующая детским садиком – она предложила на роль Михаила Потаповича мальчика из младшей группы. Как-то раз я увидел этого ангела – слипшийся комок светлых волосёнок, полинявшая от многочисленных стирок фланелевая рубашонка с изображенными на ней вишенками и застиранные детские колготки бледно-салатового цвета с неустранимо-выразительными волдырями на коленях. Но во всем нужно видеть главное, а не эти приснопамятные волдыри! Заведующая всё видела и понимала правильно – дедушка новоявленного актёра, некогда капитан 1 ранга, до своей почетной отставки и последующего устройства на работу в отделение дошкольных заведений районо исправно служил в Политуправлении Черноморского флота, где руководил складом балалаек и мандолин. На том и решили.

Зал был украшен глиняными горшками, из которых сиротливо торчали ростки вечнозелёной секвойи, сикомора и баобабов; в партере незримо витал экзотический запах распыленного освежителя воздуха для туалета. Ко мне подошёл представительный седовласый джентльмен в элегантном волосато-клетчатом твидовом однобортном пиджаке, на котором гордо красовался ромбик об успешном окончании Военно-политической академии им. Ленина: «Рад… Рад видеть Вас, коллега!». При этих словах я несколько напрягся, но виду не подал. «А моему внуку, вот, главную роль предложили! Главного медведя!!! Два вечера дома отработкой занимались! Смышленый малец у меня растёт – в Киевское политическое думаю его отправить!».

Действие на сцене подошло к кульминации. Уже и Настасья Петровна, и Мишутка выразили своё неудовольствие по поводу съеденной каши и ложках, которые Машенька разбросала по всем углам, когда на сцене появился сам Михаил Потапович в застиранных детских колготках бледно-салатового цвета. Тщедушный Михаил Потапович, ковыряя пальцем в носу, из последних сил жалобно проблеял: «Кто??? Кто ел моей ложкой и не положил её на место???». В ответ ему на весь зал раздался грозный рык восставшего из пепла аутентичного Михаила Потаповича, отстраненного от должности за открытый саботаж. От этого душераздирающего звериного рыка Серёжи самозванец запнулся, заплакал, описался и сел в свою лужу… И тут с галёрки раздался не менее выразительный рык: «Куда ты смотришь, старая дура? Что у тебя здесь творится?? Совсем нюх потеряла???». Бывший балалаечник в волосатом твидовом пиджаке повернулся в сторону заведующей и тоном, не предвещавшим ничего хорошего, прокричал: «Вот хрен тебе моржовый в обе руки, а не первое место на смотре-конкурсе! Я с тебя, швабра, семь шкур спущу! Ни гвоздей, ни олифы на ремонт не получишь!!!». Понятное дело, некоторые истинно флотские

междометия и метафоры, которыми изобиловала речь счастливого обладателя волосатого твидового пиджака, я опускаю из чисто педагогических соображений.

Родители, хватая в охапку своих детей, с криками ужаса устремились к выходу из театра абсурда. В дверях образовалась давка, подобная той, что погубила не один десяток пассажиров «Титаника». По полу катились рассыпавшиеся яблоки и марокканские апельсины. Под чьим-то беспощадным сапогом жалостно хрустнуло упавшее на пол «бериевское» пенсне Леопольдины Хачиковны. Чья-то мама истошно кричала: «Не дёргайте меня за волосы !!!» … Я, забыв требования Приказа № 227 «Ни шагу назад» и поддавшись всеобщей панике, схватил за руку Серёжу и бросился с ним ко спасительному выходу. Серёжа вырывался из рук, пинал меня ногами и продолжал злобно рычать. В районе импровизированной сцены Серёжа дернулся из последних сил, от этого рывка я потерял равновесие, и моя фуражка упала прямо в отвратительную лужу, сидя в которой продолжал горько плакать несостоявшийся Михаил Потапович. Некогда белый чехол приобрел подозрительный соломенно-жёлтый оттенок. По дороге домой, в районе кинотеатра «Москва», меня остановил гарнизонный патруль – начальник патруля долго вертел в руках мою фуражку, нюхал чехол и свои пальцы, после чего попросил меня дыхнуть. Его подозрения были небеспочвенны. Меня «записали» за нарушение формы одежды – мои объяснения прозвучали откровенным бредом.

Всё-таки прав был Иван Сергеевич Груздев, когда сказал: «Вся эта жизнь вокруг Мельпомены до добра не доведёт!».

***

Мой сын Серёжа, этот любимый внук своего дедушки, был убеждённым пацифистом с рождения. Как-то раз, приняв близко к сердцу героические потуги Саманты Смит и Кати Лычёвой, он написал письмо президенту США. Это детское письмо начиналось словами «Дорогой дедушка Рейган! Мы ни хочим войны…». Я уж не знаю, в каком почтовом отделении тормознули эту депешу, и в какой инстанции её читали, но, в конечном итоге, она была доставлена деду. Тем не менее, всё это не помешало Серёже в 1994 году поступить в Высшее военно-морское инженерное училище им. Ленина и, в последующем, отслужить около десяти лет механиком на гвардейском атомно-подводном ракетно-торпедном плавстрашилище К-335 «Гепард».

Всем нам в девяностые досталось. Училище в те годы переживало не лучшие времена – кормили не вкусно, форму в сроки не выдавали, жилые и учебные помещения не ремонтировались, т.к. не было краски, кистей и всего остального-прочего. Но это не освобождало командиров и начальников от поддержания должного порядка в своих заведованиях. И командир роты электриков, в которой учился Серёжа, пошёл на нестандартный шаг – он решил провести собрание с родителями курсантов (де-факто – «родительское собрание»), рассказать, как учатся и служат их детки, а под конец «пустить шапку по кругу», и, таким образом, собрать деньги хоть на что-то. Я, как всегда, был в отъезде, и Серёжа обратился с просьбой о присутствии к деду – «Деда, ты можешь прийти в училище на родительское собрание?». В ответ засверкали молнии и послышались раскаты грома! Серёжа узнал много нового - в 1947 году не было никаких родительских собраний и быть их не могло; родителями курсантов являются командир и старшина роты, помощник командира взвода и командир отделения. Но, в конечном итоге, дед собрался,

облачился в модный колумбийский костюм, подвязал цветастый пакистанский галстук и, проклиная перестройку и её непутёвого горе-архитектора, отправился на «родительское собрание». Всё внимательно выслушал и записал – ничего нового и интересного не сказали. Молча сдал деньги на покупку краски, олифы и кистей.

И тут произошло непоправимое – командир роты, этот молодой офицер, не так давно пришедший в училище с Балтийского флота, где он служил механиком на малом противолодочном корабле и был далёк от каких-либо политесов, пригласил родителей посмотреть казарменное помещение, в котором живут их детки. Безусловно то, что ротный допустил стратегическую ошибку – с самых первых дней он был просто обязан изучить подноготную всех своих питомцев до третьего колена, чтобы знать, откуда могут проистечь внезапные неприятности, подобные болезненному кровоточащему геморрою. А он этого не сделал! Вы только вдумайтесь в смысл этих слов – Серёжиного деда пригласили посмотреть казарму! Да он и без приглашения мимо казармы спокойно пройти бы не смог – именно так он был устроен изначально.

Посмотрели, порадовались, и ротный попрощался со всеми. Родители начали расходиться, и тут дед сказал: «Товарищ капитан-лейтенант! Давайте-ка пробежимся с Вами по расположению!». Пробежались… Пробежка закончилась тем, что на свет появился «Перечень замечаний» на четырех страницах. От деда не ускользнули даже мелочи – все пожарные рожки были наглухо забиты окурками, а все огнетушители были просрочены; доска документации дежурного по роте была оформлена с немыслимыми отступлениями от инструкций и здравого смысла; шинели и бушлаты на вешалках не были заправлены, а их клеймение оставляло желать лучшего; у дневального по роте «слюнявчик» не был подшит чистым белым подворотничком, а сам дневальный невнятно доложил обязанности и вяло действовал по вводной «Пожар в гальюне!». Против каждого из пунктов «Перечня» была указана дата устранения замечания. На этом дед вальяжно запахнул хорошо сшитое кашемировое пальто, церемонно приподнял мягкую светло-серую фетровую шляпу и вышел прочь, сопровождаемый запахом горелой резины и тревожными сполохами зарниц. На следующий день рота электриков забросила начертательную геометрию, высшую математику и теоретическую механику – драили в гальюнах краники толченым

кирпичом, заново клеймили хлорной известью шинели и бушлаты, учили обязанности солдата и матроса перед построением и в строю. И красили … красили … красили… За три дня достигли того, чего не смогли достичь за полгода!

В следующем семестре вновь возникла острая потребность в денежных средствах, и ротный объявил дату и время очередных «поборов». Свою пламенную речь он закончил тезисом – «Фёдоров! Дедушку не беспокоить!!!».

***

Не мне вам рассказывать о том, что такое взаимоотношения в звене "свекровь-невестка" - сами догадаетесь, чай не маленькие дети. Но взаимоотношения между моей мамой и бабушкой по отцовской линии не напоминали перестрелку между арабами и евреями в секторе Газа. Скорее всего, это был вооруженный нейтралитет, приправленный известной долей юмора, плавно переходящего в сарказм...

Как-то раз 8 марта года мама разбудила меня и распорядилась - "Иди на Очаковцев - купи цветы. Пойдешь и поздравишь бабушку с праздником!" - "Мама, так она же в 3 часа к нам

придет на празднование..." - "Делай то, что я тебе сказала!". Ладно… А ведь бабушке в тот год исполнялось, я извиняюсь, 75 лет! Проклиная Клару Целкин и Розу Люксембург, придумавших этот праздник, мрачные последствия которого мы пожинаем и до сей поры, я пошёл покупать цветы. А потом – к бабушке.

Я нажал кнопку звонка - гробовое молчание. Я проявил настойчивость и начал стучать, но уже требовательно. Из-за дверей послышался грохот падающих стульев и топот босых ног... Встревоженный донельзя, я продолжал требовать! Через несколько минут дверь открылась, и я увидел бабушку – всю красную от смущения и поправляющую на себе платье. Странно, ерунда какая-то... Я ввалился в бабушкин "схрон", вручил ей букет и приступил к поздравлениям. И тут я увидел импозантного седовласого мужчину, скромно расположившегося в кресле в тени сикоморы, в ветвях которой некогда сидел библейский Закхей. Ну, бабушка, ты даёшь! Чтоб я так жил!!! Бабушка сказала - "Касатик, познакомься! Это - Семён Гаврилович, баритон из Саратова... Вот, приехал ко мне на репетицию. Сейчас мы тебе споём!!!".

Она быстренько шмыгнула за пианино и поставила ноты на пюпитр, а Семён Гаврилович встал, несколько приосанился и... Бабушка лихо рванула первые аккорды, а Семён Гаврилович запел "Маританну" Свиридова. Точно – баритон! Но зачем же ехать так далеко? В Саратове аккомпаниаторов не найти? Выслушав этот шедевр до последнего слова, я поаплодировал певцу, взял с бабушки "честное слово", что она придёт к нам на празднование, и пошёл в родные пенаты. Мама ждала меня с плохо скрываемым нетерпением - "Ну, как? Поздравил?" - "Поздравил..." - "А больше ты мне ничего не хочешь рассказать?". Ну, я и рассказал ей всё, что увидел. "Вот! Я чувствовала, что у неё мужчина скрывается! Шифруется целую неделю - от ответов уходит, меня к себе не приглашает. Диагноз подтвердился. Ну, а мужчина-то как???". А мужчинка-то, для своих 64 лет, оказался нормальный! Правда, перестарался он самую малость. Нет, не с "Маританной". В общем, спевки закончились тем, что маме пришлось организовывать отправку Семёна Гавриловича в урологию - железа предстательная у него сбоить начала от излишнего усердия. А мне она сказала - "Если бы ты только знал, как это захватывающе интересно - устраивать в урологию любовников своей свекрови!". Вот это и называется – единство и борьба противоположностей.

«КОНЬ НА МОТОЦИКЛЕ»

Я так отчетливо помню тот день и то самое мгновение! Как сейчас перед глазами. Ранним весенним утром я вышел из дома в пушистой пятнистой шубке погулять во двор. Года 4 мне было. Прямо на меня летел велосипедист, летел и потерял равновесие. Он сбил меня с ног, я отлетел куда-то в сторону, и случился у меня закрытый перелом ноги прямо посередине...

А маме в госпиталь уже бежать нужно на работу. А тут я валяюсь - весь в слезах от боли. Ну, она, каким-то невероятным образом, меня подхватила на руки и понесла к троллейбусу №3... Это было тяжело - я кричал в голос от боли, сучил ногами и вертелся. Мучение, да и только!

И тут мама увидела идущего по улице бывшего сослуживца отца по крейсеру «Кутузов» - Николая Григорьевича Филипповича. У него было очень характерное лицо с крупными чертами.

Когда они в Николаеве служили, был кросс - матросы должны были бегать на время вокруг казарм БСРК по каким-то там Слободским улицам. И этот офицер предложил, что он будет ездить на мотоцикле по этим же улицам и смотреть, чтобы матросы бегали честно и не срезали углы. Потом целый месяц весь крейсер говорил, что это был новый аттракцион - "Конь на мотоцикле"...

Николай Григорьевич носил меня на руках из рентгеновского кабинета в гипсовальню, потом до ближайшей койки и т.д. Потом подошла медсестра и сказала маме - "Мальчик так на отца похож!" - "А Вы видели его отца? Вы знаете его отца?". - "Так вот же - носил его на руках почти целый день". Мама рассказывала, что потом она, с большой тревогой, рассматривала меня и думала - "Как же так получилось-то?".

Мои родители никогда не называли Николая Григорьевича обидно. Они называли его добро – «Коля-Филиппок». Николай Григорьевич отслужил командиром электротехнического дивизиона на «Кутузове», после чего его направили на «легкий труд» - начальником флотской метрологической лаборатории. Эх, мне бы такую службу – сиди в тиши кабинета и определяй цену деления шкалы амперметра, а можно и вольтметра. Зв время службы на этой должности Николай Григорьевич объездил весь белый свет – был на Кубе во время Карибского кризиса, откуда привёз говорящего попугая Арочку. Но однажды он не совсем удачно заехал в Москву…

Известно, что в те далекие героические годы было очень сложно купить билеты на поезд или на самолёт. Купейные места были редкостью! И только для избранных. Да и с местами в гостиницах была не просто. А ездить приходилось Николаю Григорьевичу много и на дальние дистанции. Выход из положения был найден – у Филиппка, как у начальника лаборатории, были в избытке чистые бланки командировочных предписаний, печать и угловой штамп. И он, отправляясь в командировки, сам себе выписывал «левые» предписания со всеми необходимыми реквизитами. А в строке «Цель командировки» скромно красовалось – «Выполнение особо ответственного и сверхсекретного задания Партии и Правительства». В билетных кассах всех вокзалов и аэропортов Советского Союза, равно как и во всех гостиницах и «Домах колхозника» от Вентспилса до Хабаровска,

вопросов по поводу билетов и купейных мест не возникало. Находясь проездом в Москве Коля Филиппок, утомленный вопросами метрологии, заснул в вагоне метро, а папочка с «левым» предписанием находилась у него в руках. Эту папочку и выкрал какой-то отпетый ворюга. Выкрал, раскрыл, прочитал и… пошел с повинной прямо на Лубянку. Николай Григорьевич вернулся в Севастополь, где его уже ждали. На этом крутые зигзаги военно-морской службы для него и закончились.

НАСТОЯЩИЙ УЧЕНЫЙ

Таких людей называют – «не от мира сего». Мой дед по материнской линии напоминал мне Мичурина вместе с его осликом…

В 1914-м деда призвали в царскую армию и отправили служить в Белоруссию, в 381-ю пешую Минскую дружину государственного ополчения. Он много рассказывал о том времени и его героических личностях – командире полка зауряд-полковнике Канелли, командире роты зауряд-капитане Шелепинском, субалтерн-офицере зауряд-прапорщике Труняеве, ротном старшине зауряд-фельдфебеле Янушевском… Научные чудачества начались у деда ещё в двадцатилетнем возрасте – он был левшой. Как-то раз он шёл по улице военного городка, где был расквартирован их полк, а навстречу ему шёл командир полка. Дед, как и положено было по Уставу, встал «во фронт» и отдал честь командиру полка ЛЕВОЙ РУКОЙ… Оторопевший от увиденного командир полка даже сказать ничего не смог в ответ. С этого момента и начался тернистый путь моего деда по каменистым тропам науки, в которой, как известно по Карлу Марксу, нет широкой столбовой дороги…

В недоброй памяти 1937-м деда вызвали повесткой в Саратовское городское управление НКВД. Дома все были в шоке – ясное дело… Дед пришёл в назначенное время в нужный кабинет. В кабинете сидел какой-то очень важный чин НКВД со «шпалами» в петлицах – «Вы знаете, что классовая борьба усиливается по мере нашего движения к социализму?» - «Да!» - «Вы знаете, что наша страна окружена плотным кольцом троцкистов, в стране действует разветвлённое троцкистско-террористическое подполье?» - «Да, читал в газетах…» - «Обязанность каждого человека своевременно доносить органам НКВД обо всех и обо всём! Сейчас Вы подпишете обязательство о сотрудничестве с органами НКВД и, в дальнейшем, будет раз в месяц писать нам доклад. А мы Вам будем платить. Больше, чем Вы в своей больнице получаете!». И чин вынул из папки уже заготовленное обязательство. Дед прочитал бумагу и сказал: «Вы знаете, я доложу НКВД о любом случае, который может грозить безопасности нашей Родины. Это – мой гражданский долг. Денег мне за это платить не надо. Обязательство подписывать не буду». Чин внимательно посмотрел на этого «ботаника» и резюмировал – «Ладно. Пусть будет так. Но о нашем разговоре Вы никому не должны говорить. Понятно, надеюсь?». И тут произошло главное. Дед сказал – «А вот этого я Вам пообещать не могу. Я расскажу об этом только Манечке и больше никому. А вот уж Манечка - точно никому не расскажет!» - «Манечка … а кто это?» - «Это моя жена». Чин долго смотрел на деда и уныло мусолил «Беломор» … И больше деда никогда и никуда не вызывали, хотя он и продолжал чудить.

Дед был настоящим ученым-практиком. Его интересовал результат. В одно время он увлёкся проблемой кардиоспазма. Всё основательно изучил и понял, что лечить людей можно только лишь при помощи «кардиодилататора Штарка». Встал вопрос – где приобрести этот самый кардиодилататор? Всё просто - в Германии, в клинике профессора

Штарка. Вот дед в 1938-м и написал письмо в Германию с просьбой прислать ему наложенным платежом этот прибор. Никому дома ничего не сказал, написал письмо и бросил его в почтовый синий ящик… Через пару месяцев из Германии пришла посылка с кардиодилататором. Бабушка находилась на грани нервного срыва, когда всё это узнала. А деда даже в НКВД не вызывали – там на него уже год назад рукой махнули… Бесполезно!!! И дед первым в СССР начал успешно лечить эту болезнь.

Последние годы своей жизни дед и бабушка жили в Севастополе, куда переехали из Саратова. Деда тут же избрали почетным председателем городской лиги рентгенологов, о и начал брать в библиотеках научные медицинские журналы. Читал их, сидя на скамейках Приморского бульвара, и подолгу бродил по улицам Севастополя, находясь под впечатлением от прочитанного. Однажды, размышляя над медицинскими проблемами, он зашел на территорию портопункта в Артиллерийской, где стоял паром на Северную сторону. Размышляя о Клятве Гиппократа, дед не заметил, как он перешел по аппарели с берега на паром. Потом ходил по парому, думая, что он гуляет по Приморскому бульвару. Спросил у кого-то, где тут находится туалет. Ему показали, дед вошел в гальюн и … Пока он нашёл и извлёк на белый свет всё своё хозяйство, пока сделал все свои дела, пока затолкал всё обратно… на пароме отдали концы, и паром пошёл на Северную, дед вышел из гальюна, а кругом - море!!!! Дома была объявлена тревога – бабушка и мама обзванивали все отделения милиции и морги. А учёный неспешно пришёл домой, выпил чайку с бубликом и засел за свои научные книжки… Хороший он был - настоящий учёный!

«ПУТЁВКА В ЖИЗНЬ»

Как любил говаривать легендарный старшина 1-ой статьи Юра Кялин из воспоминаний отца – «На флоте есть три священных места - строй, гальюн и тумбочка дневального!». Но я получил свою путёвку в жизнь на камбузе. Я приехал поступать в училище, будучи совершенно не готовым встретиться с реалиями жизни. По дороге в Училище я купил сеточку марокканских апельсинов - в Севастополе, в ту пору, апельсины числились в разряде библиографической редкости.

Батальон кандидатов нового набора разместили в палатках недалеко от развалин форта Ино. Пока туда - пока сюда, пока на меня оформляли документы и выдавали комплект спальных принадлежностей, подошло время «Ч» - на горне сыграли сигнал «Бери ложку –

бери бак!», и 4-я рота кандидатов нового набора, в которую я был зачислен, строем направилась на обед. Камбуз также был расположен в палатках. Перед камбузом висел гордый плакат с одиозной надписью - "Чистота - традиция флота!". Под плакатом, гордо сияя носом, в изуродованной до безобразия белой бескозырке с надписью «Краснознамен. Балт. флот» стоял его автор - вечный дежурный по камбузу старшина 1-ой статьи Валериан Терентьев - выпускник школы строевых старшин Центрального ордена Ушакова учебного отряда ВМФ, что находился в городе Пинске.

Расселись по десять человек. Нам принесли луженые бачки с первым. Мама дорогая!!! Я увидел такое - врагу, в его снах эротического содержания, не пожелаешь увидеть столь изощрённые и откровенные картины. Полный бачок пенящейся мутной жидкости под названием «рассольник», в которой плавали зеленые солёные помидоры, такие же огурцы и половинки картофелин с "глазками"... Я не смог преодолеть рвотный барьер и отказался от первого, такая же участь постигла второе - слипшуюся глыбу макарон с кусками свинячьего сала под названием "макароны по-флотски". Выпил плодово-ягодный кисель цвета хворой мыши, компот из сухофруктов нам, кандидатам в курсанты, ещё не был положен, и вышел строиться. В ротной палатке я горестно съел пару апельсинов. То же самое повторилось на ужин, на завтрак (за исключением кусочка масла и сахара) и на обед следующего дня. Наступил «третий день творения», когда я с ужасом осознал, что апельсины кончились. И вот тут-то со свистом пошли в дело и мутный суп, и потные макароны. Как говорят злые языки – «Каждый истинный гурман помнит этот ресторан!».

Я сдал все вступительные экзамены успешно. Нам осталось четыре дня до зачисления на военную службу, и нас начали ставить в наряды, направлять на хозяйственные работы и т.д. В одну из ночей я стоял в наряде по камбузу - понятное дело, что не в хлеборезке, а в посудомоечном отделении. Ноги скользили по бетонному полу, покрытому плевками жира и лужами мутной горячей воды... Горы бачков, мисок, кружек... Желтые пары горчицы, этого заменителя нынешнего "Ферри", зримо витали в воздухе, пробираясь в верхние дыхательные пути и заставляя нас кашлять, чихать и течь горючими слезами. Этот камбузный кошмар длился до 3-х часов ночи. "И был вечер, и было утро …". С 06.00 кошмар продолжился - завтрак... обед... и всё - на 600 человек. Около 16-00, когда мой наряд на камбуз подходил к своему логическому завершению, я увидел отца, идущего в сторону наших палаток по лесной тропинке. Он предложил мне умыться, побриться, одеться и

убыть с ним в Ленинград до утра понедельника!!! Он успешно договорился об этом с комбатом нового набора подполковником-инженером Городецким. Сначала был автобус от форта Ино до Терийоки, потом электричка от Терийоки до Ленинграда.

В электричке я спал всю дорогу. Мы где-то поели в городе, после чего зашли в кинотеатр на Невском проспекте, где я благополучно провалился в очередной сеанс липкого сна. Начали добираться домой на метро, вот там я и уснул вновь. Когда мы приехали на нашу станцию, отец растолкал меня сонного и спросил - "А ты ничего не перепутал с жизненным выбором? Ты отстоял только свой первый суточный наряд, а уже так откровенно валишься с ног! То-то ещё будет впереди!".

ПЕРВЫЙ КУРС – «БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ»

Это время сохранилось в моей памяти лишь в виде отдельных крылатых фраз... Такая ностальгия по тому времени порой накатывает:

- "Курсант Фёдоров! Вы почему опоздали в строй?"
- "Товарищ сержант! Я делал приборку в гальюне"
- "Я Вас не спрашиваю, что Вы делали в гальюне. Я Вас спрашиваю, почему Вы опоздали в строй??"
- "Товарищ сержант! Я сдавал приборочный инвентарь дежурному по роте..."
- "Я Вас не спрашиваю, что и кому Вы сдавали. Я Вас в последний раз спрашиваю, почему Вы опоздали в строй???"
- "Товарищ сержант! Я опоздал в строй потому, что я - недисциплинированный курсант!"
- "Ну, вот видите! А то стоите тут - уже пять минут мозг мне на извилины заплетаете. На этот раз обойдемся без взыскания - идите, готовьтесь в увольнение".

«ДЕНЬ НАСЛАЖДЕНИЙ И УТЕХ»

Шёл первый курс - ноябрь первого семестра. Нас построили в факультетском коридоре 5-го этажа и приказали выйти из строя тем, кому исполнилось 17 лет по состоянию на 01 сентября текущего года. Я вышел из строя вместе со своими сверстниками, и нас, вышедших из строя, повели в клуб, где замполит факультета полковник Алексей Андреевич Харахинов поведал нам о героическом прошлом наших предков и непрекращающихся злобных происках хищников империализма, после чего предложил всем нам добровольно и безвозмездно сдать по 200 граммов крови. Мы гордо, но безмолвно вступали в стройные ряды доноров-добровольцев! Мы прошли медосмотр, нас сводили в баню, покормили

ужином и разрешили лечь спать до утра безо всяких там вечерних прогулок и поверок. Начало нелёгкого, но очень уж почётного пути в доноры было многообещающим…

На станции переливания крови нас облачили в чистые «кальсонные пары». На ноги – чистые белые матерчатые бахилы. И, по одному, стали заводить в «процедурную». Процедурная являла собой огромное светлое помещение, разделенное на две части прозрачной стеклянной перегородкой. Вдоль перегородки были установлены эдакие медицинские лежаки, а в самой перегородке, на уровне лежака, были устроены отверстия. Действуя согласно полученной инструкции, я лег на лежак и просунул руку в отверстие. Через стекло я увидел подошедшую медсестричку - красивую, слов нет. Из-под сестринской косынки с красным крестиком выбивались каштановые кудряшки, а глаза - глаза, как блюдца! Она улыбнулась белозубой улыбкой и погладила мою руку (так было положено делать всем донорам- безвозмездникам, но я этого тогда ещё не знал). Ну, у меня и… Ну, в общем, как бы вам сказать потактичнее… Ладно, обойдётесь! Я попытался что-то сказать, но она улыбнулась и приложила палец к губам – «Тссссс… Молчи!» Вот так и сдал я кровь. Можно сказать - безвозмездно! Два санитара выволокли меня под руки из процедурной в соседнее помещение. Там я, курсант первого курса, окончательно потерял дар речи – стоявшие «покоем» столы были накрыты по-кремлевски! Сыр, красная икра, копченая колбаса, масло, яблоки, апельсины, и даже какао, вкус которого я уже успел подзабыть! Возвращаться в училище не хотелось. Но, ничего не поделаешь! По прибытии в училище нас тут же отвели на обед, и это было что-то с чем-то - в борще плавали огромные куски мяса, плов состоял из риса только на тридцать процентов, компот беспощадно изобиловал сухофруктами… Чудеса продолжались! После обеда нас опять построили, и нам объявили, что желающие могут идти спать вплоть до ужина. Я подумал, что это внезапно и досрочно наступил коммунизм, начало которого было запланировано Никитой-кукурузником на 1980-й год… Но я спать не пошел – надо мною, Дамокловым мечом, висели «двойки» по линейной и векторной алгебре. Понятно, что пересдать эти «неуды» для донора-добровольца особого труда не составило - всё училище уже знало о нашем подвиге!

Я никогда и ни о чем не жалею! Не положено жалеть о прошедшем и происшедшем. Всё, что происходило со мною в этой жизни и составляет суть оной. На всё, я подчеркиваю – на всё, есть Воля свыше. Значит, так было нужно! Если бы мне пришлось заново «обдумывать житьё», я, ни секунды не сомневаясь, пошёл бы учиться в училище. В то же само – в ВИТКУ! И каждый день я бы безвозмездно сдавал кровь!!!

«ТОВАРИЩ СЕРЖАНТ»

Эту поучительную историю, происшедшую в таком уже далеком 1943-1944 году в красивом русском городе Ярославле, куда наше училище было эвакуировано из блокадного Ленинграда, училищные хроники передавали из поколения в поколение…

… Старшина роты курсантов первого набора ВВМИСУ ВМФ 1939 года сержант Антон Владимирович Кульчицкий, в последующем - полковник-инженер, доктор технических наук и профессор, за какие-то упущения по службе наказал курсанта (фамилия его так и осталась неизвестной мне) той же роты – объявил виновному одну неделю «неувольнения». И все было бы не так печально, но они оба – и виновный, и старшина роты сержант Кульчицкий – на ближайшую субботу были приглашены в гости на празднование чьего-то дня рождения. Ситуация усугублялась тем, что среди приглашенных была и

молодая особа, которая была симпатична обоим. Антон Кульчицкий отчетливо понимал всю тяжесть сложившейся ситуации: уйди он в увольнение - он мог быть предан курсантами роты анафеме, а его имя – забвению; взыскание же было наложено перед строем роты курсантов и отменено быть не могло.

Субботним вечером старшина роты сержант Кульчицкий проверил внешний вид увольняемых в город курсантов и вручил им увольнительные записки. После этого он вычеркнул себя из списка увольняемых, порвал свою увольнительную записку и отправился в ленинскую комнату, где и играл весь вечер с наказанным им курсантом в шашки-шахматы… Я снимаю свою мягкую светло-серую фетровую шляпу перед сержантом Кульчицким. Именно таким должен быть младший командир! Товарищ Сержант…

Они были первыми! Нашими первыми «дядьками» - наставниками и учителями. Помощники командиров взводов гвардии сержант Леонид Иванович Чумаков (правильнее будет Чумак – так называли погонщиков волов, на которых некогда возили соль по бесконечным шляхам Новороссии) и младший сержант Валерий Вениаминович Гузенко. Они были предельно строгими, но добрыми и заботливыми людьми, так терпеливо обучавшими нас, в ту пору ещё мальчишек, житейским премудростям – как правильно подшить подворотничок, как правильно заправить койку, как правильно почистить автомат после стрельбы. Сейчас я с уверенностью могу сказать – они учили нас Жизни. Ну и «прикурить» нам давали без особого стеснения – годы прошли, а в памяти о них осталось только доброе.

… В те давние героические годы, когда в магазинах можно было купить только уксус и «Беломор», согласно Уставу внутренней службы ВС СССР, «Дневальный по роте назначался из курсантов. Он подчинялся дежурному по роте и отвечал за сохранность оружия, шкафов с пистолетами/ револьверами, ящиков с боеприпасами, имущества роты и личных вещей сержантов и курсантов, находящихся под его охраной. Очередной дневальный выставлялся в спальном помещении роты». Спать дневальному по роте в сутки доводилось не более

двух часов. Декабрьскими ночами холод забирался под шинель ледяными струями душераздирающего кошмара. Пятисотваттная лампочка дежурного освещения резала глаза своей ядовитой всепроникающей радиацией, а воротник шинели нещадно натирал и без того уставшую от всей этой военной канители шею «гадкого утёнка». Отошедшего «от тумбочки» сменившегося дневального тут же вооружали щеткой для натирания паркета, и он начинал меланхолически раскачиваться над паркетом, и без того уже натёртом до нестерпимого блеска. Лично я, сменившись с этого наряда, все последующие сутки, находился в полуобморочном от усталости состоянии. Перед заступлением в наряд дневальными нас, первокурсников, «инструктировали до слёз». Нас пугали страшными историями о том, что, однажды, где-то на Курильских островах, матрос - дневальный заснул на посту, и мгновенно в казарму пробрались подлые японские шпионы, которые и «вырезали» всю роту поголовно. Равно как и прочие «страшилки», которые, безусловно, должны были привить нам некое подобие бдительности.

Заступивший в наряд курсант Саня Страшный, запуганный до полусмерти этими «флотскими байками», был теоретически готов к тому, что все мирские напасти, вплоть до Извержения Везувия или Вселенского Потопа, должны произойти именно в его смену. До подъема оставалось четыре часа. Вдруг, в темноте коридоров, раздался страшный грохот, от которого задрожали стены и заходили ходуном потолки казармы… Пятисотваттная лампочка начала нервно раскачиваться под потолком, и предательские позывы ко сну мгновенно оставили Саню… Что это? Откуда? Что делать? Бежать? Роту по тревоге поднимать? Звонить дежурному по училищу? Из тьмы декабрьской ночи, с высоким подниманием бедра и громким топаньем, на Саню, прямо по коридору, неслось сказочное чудовище в застиранных сатиновых «семейниках»! Это был абсолютно легендарный помощник командира 3-го взвода сержант Валерий Вениаминович Гузенко, кандидат в члены КПСС и живое подтверждение объективности действия философского закона об отрицании отрицания – уже отслуживший срочную службу выпускник "французской" спецшколы и музыкальной школы по классу баяна, ставший, впоследствии, чемпионом училища по штанге. Он подбежал к тумбочке дневального, внимательно посмотрел Сане в глаза и сказал – «Ну, что, испугались? Не бойтесь! Это моя лягушонка в коробчонке едет!!!» И дико рассмеялся…

Того, кто прошел через эту суровую школу абсурда и остался живым, вряд ли что уже могло было удивить в окружающей его действительности. Ан нет! С той поры прошло много-много лет. Поздним декабрьским вечером 2005-го года я лежал практически прикованный к госпитальной койке – безупречная служба на флоте впервые дала знать о себе. Было, мягко скажем, немного грустно. Из всех, практически мне не нужных развлечений, были у меня только мобильный телефон и маленький радиоприёмник. Уже совсем поздно вечером раздался телефонный звонок, звонил мой товарищ по училищу – «Срочно включай «Радио FM»!!!». Через несколько минут диктор объявила ультракоротковолновый привет курсанту Фёдорову от сержанта Валерия Вениаминовича Гузенко! Через помехи и разряды телефонной и радио сетей я услышал его веселый голос: «Лёха! Ты только не дрейфь! Не дрейфь, я тебе говорю! Тебе такого права никто не давал! Давай, лучше я тебе спою…». И он запел «Катюшу»…

… Отец приехал ко мне на принятие Присяги. Накануне вечером нас всех повели в училищный клуб на какую-то очередную прививку воинского и патриотического

воспитания. Приехавшие на принятие Присяги родители пошли в клуб вместе с нами. Отец зачем-то попросил меня показать ему моего помкомвзвода – ну я, ничтоже сумняшеся, и указал ему на Лёню Чумакова. Отец подозвал к себе «Старого» и что-то долго и вдумчиво ему разъяснял, «Старый» стоял перед отцом с выражением крайнего изумления на лице. А сразу после принятия Присяги начались суровые воинские будни – не в меру грозный Леонид Иванович обрушил на меня шквал дисциплинарных взысканий даже за самые незначительные прегрешения. А я-то думал… Прошло много лет по окончании Училища, и я как-то спросил отца, помнит ли он тот разговор, и что же он тогда сказал Лёне Чумакову? Ответ отца убил меня: «Конечно же помню. Настоящий младший командир! А я ему сказал, что из тебя толк получится лишь в том случае, если он тебя будет драть, как сидорову козу – ведь другого ты не понимаешь. А что?». Что? А то, что Лёня Чумаков, похоже, слишком дословно воспринял отцовские заветы. Вот что.

… Утром 31 августа 1973 года мы вернулись в училище из летнего отпуска. После обеда нам зачитали приказ о присвоении очередных воинских званий младшим командирам и отличникам учебы. В тот день я стал младшим сержантом. А на следующий день я заступил в наряд дежурным по роте. Вместе со мною дневальными заступили курсанты-первокурсники - запуганные до невозможности первым месяцем учёбы в училище, ещё остриженные наголо, с торчащими в стороны ушами, с отвратительными "цыпками" на руках от нескончаемых влажных приборок в гальюнах, в не подогнанной по росту форме - "гадкие утята", одним словом... То были времена героические – драли «салажню» нещадно, со знанием дела драли, профессионально, не менее шестнадцати часов в сутки! В хвост и в гриву. Среди этих "салажат" был курсант Ростислав Петров - внук именитого профессора (автора уникальных монографий по теории упругости и пластичности), будущий золотой медалист, которого мы все потом звали – Ростик. До двух часов ночи Ростик шарахался по гальюнам и коридорам с голяком, шваброй и ведрами в руках, после чего он, с Уставом в руках, уныло затих в районе тумбочки дневального, окончательно истощив себя всеми этими тяготами и лишениями военной службы - спать ему было разрешено только через два часа. Я подошёл к тумбочке и спросил у несчастного Ростика, что он хочет. Превозмогая страх и неуверенность, естественно возникшие у него при виде курсанта второго курса, да и целого младшего сержанта в придачу к тому же, Ростик очень тихо и жалостно сказал - " Я домой хочу! К маме! Вы знаете, товарищ младший сержант, дома так хорошо! И собака у меня есть... Добрая... Рыжая... Такая пушистая...". И Ростик чуть было не заплакал от нахлынувших на него воспоминаний о безвозвратно ушедшем времени... Представляете, что творилось в душе у человека? Мне, уже "годку" - смешно сказать, стало его безумно жалко. Не знаю, какая Искра Божья пронзила моё сознание, что я сказал ему - "Иди-ка ты, служивый, спать ложись, а то до утра ещё не доживёшь!".
А не так давно я прочитал в сборнике трудов одной из академических научно-практических конференций умнейшую статью, автором которой был доктор технических наук, профессор Ростислав Олегович Петров! Я так считаю, что в научном становлении профессора Ростика Петрова есть скромная доля и моего участия – я сберёг человека для науки!

ЗАГАДОЧНЫЙ ВОПРОС

Когда-то, в далёком 1952-м году, отец должен был «с отличием» закончить «Дзержинку», предварительно став Нахимовским стипендиатом. Но на государственном экзамене по истории ВКП(б) он так и не смог ответить на вопрос о том, как Г.В. Плеханов относился к

решениям Пражской партийной конференции 1912 года – что-то там было про «ликвидаторов» и «отзовистов». Мне так кажется, что сам Плеханов мало чего знал об этой конференции – ни в одном учебнике по истории партии ответа на этот вопрос нет. Этот вопрос мучил меня всю жизнь - по наследству передался.

Прошло много лет, и я разобрался-таки с этим коварным вопросом. Вот как ответил на этот вопрос Емельян Ярославский в своей статье «К 25-летию Пражской общепартийной конференции РСДРП (18 января 1912 г. – январь 1937 г.), опубликованной в сборнике «Историк-марксист», №1 (059), 1937, с. 63-97:

> «Как же ответил Плеханов на решения Пражской конференции? Получив принятую в Париже противниками конференции резолюцию, он написал в свою очередь в Международное социалистическое бюро Гюйсмансу письмо, в котором указывал, что Пражская конференция объединила делегатов лишь одного довольно сильного направления нашей партии и что это есть шаг к расколу, так как все организации, которые не приняли участия в конференции, в свою очередь подготовляют другую конференцию. Поэтому Плеханов предлагал, чтобы Международное социалистическое бюро вмешалось в это дело, и чтобы оно предложило Центральному комитету, избранному на Пражской конференции, равно как и организаторам Августовского блока, сделать шаг, необходимый для восстановления единства партии. Другими словами, Плеханов предлагал не больше не меньше, как объединение с троцкистами, ликвидаторами, вперёдовцами. Он предлагал в худшей форме восстановить и узаконить тот идейный и организационный разброд, который ликвидировала Пражская конференция».

В зимнюю сессию на 1-м курсе мы сдавали «Историю КПСС». Консультацию проводил преподаватель «истпарта» – полковник Алексей Сергеевич Муравьёв. Ну, я, с невинным выражением на лице, и спросил его и о конференции Пражской, и о Плеханове. По лицу Муравьёва быстрыми тенями пробежали бледно-розовые метастазы непонимания – курсант первого курса задал вопрос, на который он не может ответить, тут и мне самому стало малость не по себе. Но хороший человек Алексей Сергеевич Муравьёв вышел из положения достойно – «Вопрос, конечно, сложный. Это в военно-политической академии проходят. Я тебя об этом на экзамене спрашивать не буду. Вот ты ответишь на вопросы, а я тебе ещё один балл добавлю «за пролетарское происхождение» плюс один балл – за

«подход-отход»! А про Плеханова… так для этого в академию поступать надо было, в политическую». Вопрос о Плеханове повис в воздухе на несколько лет.

Через несколько лет, уже в Севастополе, на занятиях по марксистско-ленинской подготовке офицеров я, совершенно искренне задал тот же вопрос нашему «политгрупповоду» полковнику Адриану Николаевичу Петренко – хорошему знакомому и некогда сослуживцу моего отца по Керченско-Феодосийской военно-морской базе.

«Товарищ полковник! А как Плеханов относился к решениям Пражской партийной конференции?». На что Адриан Николаевич – ни разу не политработник, а настоящий строевой командир – сказал: «Это ты отца своего спроси! Я уже историю эту наизусть знаю. Умник х…!». После этого Андриан Николаевич глубокомысленно заметил: «Нет, Фёдоров, в общем и целом, ты – молодец. И служишь ты исправно, и к занятиям вон подготовился! Вот и у меня, когда я был лейтенантом, времени на всё хватало – и на службу, и на самоподготовку, и на то, чтобы бабе под юбку заглянуть!». Аудитория впала в ступор – нормальный получился ход на занятиях по марксизму-ленинизму! «А вот сейчас всё уже не то! Вот у меня есть внук – Андрюшенька, четыре годика мальчику. Так он мне говорит – «Деда, давай к бабам пойдём!», а я ему говорю – «Нет, Андрюшенька, я уже своё по бабам отходил, а вот ты кушай кашку, пей молочко тёплое – тогда и к бабам получится у тебя ходить!». И Адриан Николаевич мечтательно затянулся командирским «Казбеком».

Интересно, а вот хоть кто-нибудь из моих читателей хоть раз задумался над этим вопросом? Думаю, что никто и никогда. Уверен в этом!

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЮТ!

25 декабря 1972 года я, совсем "салажонок" ещё, умственно напрягся и успешно сдал экзамен по Истории КПСС, с трудом пробравшись через вычурные дебри идеологического оппортунизма под названием «бернштейнианство», и антипартийного меньшевистского бреда, так и не поскользнувшись на блестящей плеши Вождя. Венцом всех празднеств было увольнение! А в это время родители мои были в Ленинграде - отмечали 20 лет окончания отцом "Дзержинки". Отец уехал, а мама осталась. Так хорошо было в увольнении. Но

увольнение, как известно, имеет свойство заканчиваться, при этом любой нравственно здоровый курсант "выжимает" из него всё до последней минуты. Наступило время собираться в "систему". И тут мама сказала, что она хочет меня проводить до станции метро "Московская". Время поджимало, и идти мне нужно было, скажем так, быстренько. А мама быстро не могла – сказывались последствия более чем серьёзной операции. По пути я ей два раза сказал, что дальше сам пойду (умолчал, что время жмёт), а она - "Нет, я так давно не видела тебя... Я провожу... До метро". Ну, что я мог сказать? Ничего! А кто из вас смог бы? То-то...

Понятное дело, из увольнения я опоздал. Ровно на шесть минут. Бежал вверх по ленте эскалатора на "Чернышевской" от самого низа до верха... Прикиньте, кто знает эту станцию! В шинели и в ботинках... Потом бежал проходными дворами до КПП "седьмого корпуса"... Потом - по центральному трапу казармы до тумбочки дневального. А там меня уже ждали - дежурный по факультету и старшина курса, которого мы все заслуженно называли «собака Божек».

Можно много говорить о справедливости и несправедливости, много рассуждать и отыскивать оправдания. Но сейчас я могу сказать с уверенностью – наказали меня за дело! Дисциплинарный проступок – опоздание из увольнения – не должен был остаться безнаказанным. А вот тогда было это было обидно. Интересно другое – отец, узнавши всю правду о происшедшем, отреагировал более чем странно: «Они там, что с ума сошли? На шесть минут опоздал? Я-то понял, что он опоздал на несколько часов!». Ничего подобного, ибо, как гласила в то героическое время статья 100 Дисциплинарного Устава ВС СССР, «запрещается жаловаться на строгость дисциплинарного взыскания, если, начальник, наложивший его, не превысил предоставленных ему дисциплинарных полномочий». Вот так!

Две-три ночи я провел за увлекательнейшими занятиями – с педантичностью маньяка чистил асидолом краники в гальюне и натирал паркет в коридорах. Понятно, что всё время подготовки к экзамену по начертательной геометрии я спал мёртвым сном. Утром 30 декабря я вытянул билет и ничего так и не смог по существу дела изложить на учтенном листе ватмана вертикального формата А-2. «Неуд» по начертательной геометрии отчетливо проступил на моих горизонтах, а это означало лишь одно – лишение зимнего отпуска. Ко мне подошла преподаватель Елизавета Леонидовна Зверева - дочь Леонида Петровича Зверева, который в 30-х годах был преподавателем кафедры начертательной геометрии и механики Ленинградского сельскохозяйственного института, и известной пианистки Ксении Францевны Рейх - выпускницы ленинградской консерватории. Все курсанты-первокурсники её очень любили, за её добрый нрав, да и, похоже, она нам всем просто нравилась, по-женски. Елизавета Леонидовна посмотрела в мои чертежи, потом внимательно посмотрела на меня и тихонько спросила: "А что случилось! Я ничего не понимаю... У тебя все эпюры и контрольные работы были начерчены только на "отлично", хорошая у тебя и графика, и шрифты аккуратные. А здесь - абсолютный ноль. Что случилось? Беда? Не хочешь отвечать?". Она взяла резинку и карандаш и за несколько минут сама всё исправила на моём листе, поставила "четверку", расписалась и тихо сказала - "Ступай с Богом!". Кончался 1972-й год - строгое было время! Строгое, но справедливое! Дорогая Елизавета Леонидовна! Вот сколько лет уже прошло с того дня, а помню всё, как сейчас... И никогда не забуду - такое не забывают!

«ПИР ВАЛТАСАРА»

Что мы имеем в виду, когда говорим про «Пир Валтасара»? Шумное веселье накануне беды – вот что.

Не отпущенные в субботнее увольнение курсанты уже второго курса размеренно сопели в койках, обливаясь во снах безутешными юношескими поллюциями. А вот лично мне спалось спокойно - мне снился не так давно прошедший отпуск - январский Севастополь, родительский дом, торт «Наполеон», девственно белый крем которого должен был напоминать остаткам всего прогрессивного человечества снега России, в которых трагически завяз этот так и не состоявшийся Император Вселенной (кстати, это именно я изобрел рецепт торта «Жозефина», предложив выдавливать сок из свежей вишни на белый крем простыней замка Мальмезон). Запахи кулинарных изысков, на которые моя мама была большой мастерицей, комплексно, и в высшей степени изощрённо, воздействовали на мои органы чувств даже во сне. Эти эротические сновидения, доставлявшие меня стремительным поездом в светлое коммунистическое послезавтра, были прерваны весьма ощутимым толчком в плечо и словами - «Лёха, просыпайся! Котлеты жареные!!!».

В тот вечер группа нарушителей воинской дисциплины натирала до нестерпимого блеска паркетный пол в курсантской столовой. Это поистине благородное занятие было завершено в районе двух часов пополуночи, и исправившиеся нарушители засобирались было в казарму, где и должны были провести остатки ночи наслаждений и утех в потных объятиях Морфея. По пути следования через камбуз пытливому взору будущих инженеров флота предстал противень, полный горячих жареных котлет. Это были чудо-котлеты! Размером с утюг! С пониженным процентным содержанием хлеба! С такой аппетитной корочкой! Это были котлеты далекого коммунистического будущего! Не до конца понятным оставался вопрос, для кого все это приготовили? Но решение было принято бывшими нарушителями безоговорочно – пышущий жаром противень был мгновенно принят на руки. Остальное было делом техники – собрать со столов остатки хлеба и бегом, через заснеженный плац, в казарму…

Стремительный водоворот дальнейших событий напоминал коллективный приступ острого поноса в плотной атмосфере веселящего газа! В кромешном мраке казарменной ночи мы соскакивали с коек, налету попадая ногами и руками в сомнительную белизну холщовых подштанников и рукава тельняшек… И, уже при тусклом свете дежурного освещения, мы

сосредоточенно бежали на запах жареных котлет - наш босоногий топот бесследно растворялся в ленинградской ночи, так ночью звери бегут на водопой по африканским джунглям! Каждому досталось по маленькому кусочку - нас было гораздо больше чем котлет. Для начала мы «вымакали» хлебом всё масло из противня, а потом сосредоточенно, до полного растворения, держали под языками неожиданно свалившийся на нас Дар Небес. И так нам было хорошо…

А утром наступил час расплаты за наше грехопадение! Наказание было неотвратимым, стремительным и жестоким. Вот это и называется – «пир Валтасара».

«СЫНОВЬЯ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА»

На нашем героическом факультете (как говорило о нас все училище – «На «базе» законы суровые!») на два года старше меня учились братья-близнецы – курсанты-москвичи Толя и Лёша Летчфорды. А их отец - контр-адмирал Николай Эдуардович Летчфорд служил в ту пору старшим преподавателем в Военной Академии Генерального Штаба.

Понятное дело – с «близнецами» факультетское начальство носилось, как дурень с писаной торбой. Характерно было то, что Лёша Летчфорд был отличником и примерным курсантом, а Толик перебивался с двойки на тройку и особо себя флотской дисциплиной не изнурял.

Однажды Толик возвращался из увольнения, мягко говоря, «под парами». И, по закону подлости, он встретил на своем тернистом пути дежурного по училищу капитана 2-го ранга-инженера Павлова. «Дизелист» Павлов, преподаватель с электромеханического факультета, понятное дело, наших курсантов не знал – ни в лицо, ни по фамилиям. Он, как и положено, задержал нетрезвого курсанта Толю Летчфорда, изъял у него военный билет с увольнительной запиской (понятное дело – без военного билета курсант далеко не уйдет) и пошел в рубку дежурного вызывать медсестру с трубкой Раппопорта, дежурного по факультету, дежурного по роте и прочих власть имущих. А Толика он неосмотрительно оставил в коридоре. Уж я не знаю, как там Толик ухитрился извернуться, но он успел позвонить в роту и вызвать на помощь себе брата-близнеца Лёшу. Ясное дело, Лёша прибыл мгновенно и заменил собою почти арестованного Толика. Прибыло начальство – дежурный по роте и дежурный по факультету увидели подмену, но по-товарищески промолчали. Медсестра ничего не знала вообще – ну, выпивший курсант, дело привычное.

Абсолютно трезвый Лёша начал дышать в трубочку, которая наглядно доказала всем присутствовавшим, что он абсолютно трезв. Вместо того, чтобы тихо свалить в туман, Леша начал «говняться» и требовать извинений. Павлов принес свои недоумённые извинения трезвому Лёше, на том дело и должно было закончиться. Не тут-то было! Павлов, поставленный Лешей на колени, обо всем доложил «Бате» - наш вездесущему заместителю начальника факультета по организационно-строевой части полковнику-инженеру Константину Георгиевичу Нейштубе.

После обеда в понедельник непутёвые сыновья контр-адмирала Летчфорда под конвоем отправились на гауптвахту. Вдвоем, как вы уже догадались. По пять суток ареста каждому. А в факультетском «Сатириконе» появились гневные стихи, которые заканчивались следующими словами:

«Растут и дружат два братухи,
И с каждым годом все сильней,
Достанут где-то «бормотухи»,
Пьёт Толя – дышит Алексей!» …

«КУДА ГРЫНЮ ДЕЛИ?»

Вот я честно скажу всем - если бы Грыцюка не было, его нужно было бы придумать. Именно сейчас я отчетливо понимаю, что без Грыни 1-й взод не смог бы быть полноценным "первым взводом". Мерзопакостный "шакал Ларик" - … его с пляжа! А вот Грыня вносил в нашу блёклую жизнь эдакую струю пикантной дуринки. Согласны?

Виктор Васильевич Грыцюк, как правило, отжигал по полной схеме. Он был года на три старше всех нас, вчерашних школьников, и к тому времени он успел-таки закончить в Уфе строительный техникум и годик поработать мастером треста "Южуралэлеваторстрой". Это был непререкаемый Авторитет! Его рассказы о былом напоминали мне причудливую многоэтажную композицию из квартальных финансовых отчетов «Бритиш Петролеум» с включением выписок из журналов боевых действий гвардейского кавалерийского корпуса генерала Доватора, прорвавшего оборону немцев в районе колхозной свинофермы; при этом в большинстве случаев главным героем его воспоминаний была Валя-косая из Уфы. На младших курсах мы его слушали, раскрыв рты, а на старших - так просто ржали в голос над его дурацкими бреднями, одну их которых я вам сейчас с удовольствием поведаю. В оригинале повествование шло от первого лица...

Виктор Васильевич собрался в увольнение - договорился с какой-то студенткой, что пойдёт

кататься с ней на лыжах и, заодно, объяснит ей сопромат. "Взял я с собой учебник, лыжи, простыни (вот зачем????) и поехал к ней на дачу в Кавголово. Пошли на лыжах в лес, свернули с лыжни, пришли на какую-то поляну, сняли лыжи, воткнули лыжи и палки в снег, я повесил шинель на сучок дерева, сели рядом - прямо на снег...". Дальше Виктор Васильевич долго и с подробностями рассказывал, как он пытался расстегнуть пуговицы на её одеянии, как сломалась молния, как он заблудился в её бесконечных трусах, колготках и каких-то мифических резинках... Вы уж меня извините, но я эти подробности опущу, ибо они неинтересны, с одной стороны, а с другой стороны, я недостаточно хорошо владею категориальным аппаратом и боюсь ввести аудиторию в дебри активного непонимания ситуации. В конце концов, Виктор Васильевич, героически преодолевая трудности, деловито разобрался со всеми "интимными нюансами" и расчистил себе путь к Вратам Широчайших Возможностей. "Ну вот, мужики, завалил я её в снег... Прицелился... Только вперед рванул, а она вывернулась из-под меня, зараза!!! И вот тут я со всего маху и засадил х... прямо в снег...". Виктор Васильевич выдержал многозначительную паузу, окинул нас безумным взглядом своих горящих глаз и на полном серьёзе сказал - "Вы знаете, мужики, аж снег зашипел!!! ".

После того, как с третьего курса отчислили блаженного стихотворца-банщика Птицу Лебедева, вакансию "банщика" 1-го взвода немедленно узурпировал Грыцюк. Он мгновенно установил связи с представителями училищных тыловых служб - нам после бани он выдавал белые холщовые подштанники без малейшего намёка на наличие пуговиц или завязок, а сам гордо рассекал по казарме в украшенных золотыми драконами и японскими иероглифами благороднейших кальсонах из тончайшего китайского шелка нежного кофейно-кремового цвета.

Помните, на пятом курсе мы начали готовиться к выпуску – шить на заказ чёрные суконные фуражки с белым кантом толщиной в мизинец? Шил фуражки «ленкомовцам» ветхозаветный еврей-фуражечник, что жил со своей не менее ветхозаветной старушкой-лесовушкой на углу Рижского и Лермонтовского проспектов. Инициативу взял в свои руки Грыня. У него был бездонный мешок, в котором он приносил желающим сшитые фуражки. Похоже на то, что у «оптовика» Грыни были какие-то договоренности с фуражечником, и Грыня имел на этих фуражках свой маленький «гешефт» - через пару месяцев он приобрёл себе добротнейший кожаный портфель с массивными бронзовыми защёлками!

Они там нешутейно скорешились – Грыня и фуражечник; Грыня у него уже пил чай и разговоры «за жизнь» разные говорил. Ветхозаветная старушка-лесовушка угощала Грыню фаршированной щукой «по-бердичевски» и регулярно подносила ему рюмочку старой доброй «пейсаховки» на ажурном серебряном подносе. Многочасовые и частые посиделки Грыни в логове фуражечника со временем привели к тому, что в его идеологически-выдержанных шекспировских монологах на семинарах по научному коммунизму стали появляться загадочные слова "шлемазл", "халоймес" и "кушен тухес"... По этой причине руководитель семинаров полковник Мартынов (мы звали его "полковник Соболь" - больно уж похожи они были друг на друга) начал несколько напрягаться и поделился своими небеспочвенными сомнениями с факультетским замполитом Зарембой. Не отличавшийся особым аналитическим складом ума «Лумумба» отмахнулся от «Соболя», списав всё это на болезнь роста, но сомнения начали-таки пробираться в его

глубоко партийное нутро. Сомнения Зарембы приняли более отчетливые очертания после того, как в одну из суббот Грыня отказался участвовать в "большой приборке".

Как-то раз, в районе празднования Йом-Кипура, фуражечник попросил Грыню сходить в синагогу (она тоже на Лермонтовском была и сейчас там она есть) и принести ему коробку мацы – уже ни он, ни его старушка-лесовушка туда дойти не могли.

Грыня и попёр в синагогу как был – в шинели и прочем абсолютно неуместном великолепии. Получил коробку с мацой, вышел на Лермонтовский, а там его уже ждали – какие-то «особисты» и гарнизонный патруль. Под звон бубенцов и надсадный рев фанфар тройка гнедых унесла Грыню вместе с коробкой мацы и свитками Торы в гарнизонную комендатуру. Как его оттуда вытаскивали – одному Богу известно. Заремба в сердцах обозвал Грыню «сионистом».

Известно, что каждый год за две недели до распределения Виктор Васильевич Хапёрский уходил в отпуск, и факультетом в его отсутствие командовал Константин Георгиевич Нейштубе. За неделю до распределения К.Г. Нейштубе решил обойти три взвода дипломников - узнать настроения широких народных масс. Зашел к нам - "вставил" дежурному за отсутствие должного порядка, поинтересовался ходом дипломного проектирования. И, под конец, спросил - "Какие у кого есть вопросы?". Кто-то и спрашивает его, правда ли, что в этом году будет плохое распределение? Нейштубе подумал и ответил - "Да, я слышал об этом. Мне об этом Грыцюк сказал!". Занавес...

«НА ПОБЫВКУ ЕДЕТ МОЛОДОЙ МОРЯК»

В январе 1974-го я сдал зимнюю сессию на одни пятерки и был с почетом отправлен в зимний отпуск в Севастополь. Выданной мне на руки компенсации за продовольственный паек на четырнадцать суток хватило только на то, чтобы добраться от училища до Московского вокзала. Понятное дело - с заходами во всякие питейно-увеселительные заведения по линии общественного питания. Скажем так, в поезд я сел "по нулям", а ехать скорым поездом №7 «Нева» было более суток...

Организм в ту пору у меня был молодой и постоянно чего-то требовал. К вечеру вторых суток пути я начал чувствовать себя героическим защитником блокадного Ленинграда - мне снились замёрзшая Нева, грузовики на Дороге Жизни и дневник Тани Савичевой. Я страдал от воздержания в темноте верхней полки. На станции "Запорожье" в купе загрузилась добропорядочная украинская (нет, не украинская – или малороссийская, или южнорусская, так будет справедливее!) семья - тато, мамо, бабуся и малец лет, эдак, четырёх-пяти. И они тут же начали выкладывать на столик курей, сало, яйца, огурцы солёные, картошку в

мундирах, варенец и т.д.

У меня мгновенно начались галлюцинации. А они ели с аппетитом, неспешно, обсуждая при этом свои славные местечковые проблемы про «про вишневий садочок і свиню з поросятами». От чувства собственной беспомощности я судорожно бился на верхней полке в предсмертном экстазе...

Мои соседи наелись и начали успокаиваться. И тут малец показал пальцем на мою шинель (всю в курсантских погонах, блестящих нашивках, пуговицах и прочей совершенно неуместной мишуре) и громко сказал: "Тато, дивись - дядько солдат!", на что тато почтительном ответил – «Тихо, синку! Це - не простий дядько солдат!».

Господи, что же это такое произошло с людьми?

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Мой товарищ по Училищу Серж Вадимович Дубровин был большим выдумщиком. Да и талантлив он был безмерно – хорошо рисовал и писал юмористические стихи, с чувством юмора у него всё было в полном порядке. Ещё бы! Его дед – инженер-генерал-майор Петр Алексеевич Никаноров

был в послевоенные годы Заместителем Командующего Балтийским флотом, а потом недолго командовал нашим Училищем. И был Сергей большим проказником - на выдумки он горазд был чрезмерно….

Раз в неделю нас мыли в бане, что была расположена на площади Пролетарской Диктатуры, что около Смольного находится. И раз в неделю, вместе с чистыми, но застиранными до ужаса подштанниками, «семейниками» и носками, нам безоговорочно выдавали два куска мыла – банное и хозяйственное. Об этом историческом факте должны были свидетельствовать наши подписи в соответствующей раздаточной ведомости. Это сейчас легко такую ведомость на компьютере «наваять» и менять раз в неделю дату выдачи, а тогда это было мучением чрезмерным – вручную чертить таблицу, писать в ней фамилии и инициалы, собирать подписи и так далее. Это благородное занятие было поручено Серёже – судьба и тогда уже искала достойных! Это была, безусловно, почетная, но очень уж занудная «трудотерапия». Серёжа сам все писал, сам расписывался за всех и носил эти ведомости на подпись помощнику командира взвода старшему сержанту Смольянинову и вещевому баталеру Елизавете Александровне Горюновой. И Смольянинов, и «Лизавета» подписывали ведомость не глядя, после чего она направлялась в вещевую службу Училища для архивного хранения. НИКТО и НИКОГДА не читал эту ведомость. И Серёжа, отчетливо это понимая и страдая от непомерной ноши, начал несколько разнообразить свою писарскую деятельность.

И тут случалось непредвиденное. В вещевую службу Училища был назначен молодой лейтенант – недавний выпускник Горьковского интендантского училища, этой «Краснознаменной кузницы воровских кадров». Похоже, что он решил начать восхождение по служебной лестнице с чтения ведомостей. И, к своему удивлению, он обнаружил, что в прошлый вторник мыло получили курсанты 421 учебной группы Сигизмунд Беркович Фикустовский и Хачик Бикторович Ара. Несколько удивленный молодой интендант позвонил в роту и поинтересовался, числятся ли в ней такие «экзотические курсанты»? Получив решительный отрицательный ответ, он углубился в дальнейшее чтение ведомостей и обнаружил следующее: неделю назад вместе с курсантами мыло получила…. Лариса Пэтсон, против фамилии которой в колонке «воинское звание» красовалась запись – «девица»! Взволнованный донельзя, он поднял ведомость за прошлую неделю и, к своему бескрайнему удивлению, обнаружил, что неделю назад мыло получили следующие отличники учёбы – «Парень на три буквы», «Пень с глазами», «Чурбан Эль-Наме» и, по неведомой никому причине, начальник курса майор Гнузман… К следствию подключились знатоки. А Серж потом переписывал фиктивные ведомости почти за весь семестр. По субботам и воскресениям переписывал – три недели подряд. Даже былая слава его героического деда не помогла ему…

ФАНТОМАС РАЗБУШЕВАЛСЯ

Начальник курса подполковник-инженер Дмитрий Иванович Тимошенко по кличке «Фантомас» стоял в наряде дежурным по училищу. Около двух часов ночи кто-то из курсантов позвонил ему по внутренней связи. «Дежурный по училищу подполковник Тимошенко слушает!» - «Дмитрий Иванович, Вы – дурак!» - «А кто это говорит?????» - «Да это все говорят. А что, Вы раньше этого не слышали?» - beep… beep… beep…

Следующим утром, Фантомас в шинели, застёгнутой на все крючки, лично проверял, как курсанты делают утреннюю физическую зарядку на пронизывающем ветру. Списки лиц, вычеркнутых из ближайшего увольнения, пополнялись с катастрофической скоростью - всё Училище готовилось к синхронной «посадке». А через час по училищу пополз слух – «Фантомас разбушевался!».

«СКВОРЕЦ – МУДАК»

Профессор Лев Николаевич Гумилев считает пассионарностью «наличие у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни».

Солнечное мартовское утро 1974 года началось удачно и не предвещало беды. Генерал-майор-инженер Лев Сергеевич Шевяков с плохо скрываем наслаждением истинного жизнелюба побрился трофейной бритвой «Золинген» и неспешно заканчивал «завтрак аристократа» (тм) в обществе своей внучки-дошкольницы, которую он любил безмерно.

Плавное течение мыслей добрейшего Льва Сергеевича было прервано телефонным звонком – звонил военный комиссар Дзержинского района полковник Сергеев, личная подпись которого гордо красовалась в наших военных билетах: «Лев Сергеевич, здравия желаю! Скажите, пожалуйста, а кто такой Скворец?». Лев Сергеевич так и не нашелся, что ответить бравому комиссару, он с чувством доел бутерброд с осетринкой, выпил чашечку мокко и неспешно направился в Училище, любуясь по дороге набухающими почками верб...

Дежурный по Училищу подполковник-инженер Дмитрий Иванович Тимошенко по кличке «Фантомас», краснея, потея и переминаясь с ноги на ногу, подобно провинциальному благочинному на приёме в Священном Синоде, уныло доложил Льву Сергеевичу, «что в отсутствие его не случилось ничего…». Лев Сергеевич, прошедший свой героический боевой путь огненными вёрстами Заполярья, мгновенно почуял неладное – «Тимошенко, да не тяните Вы кота за муда! Что произошло?», и они подошли к окну, выходившему во двор училища. На кирпичной дымовой трубе белыми метровыми буквами была начертана жизнеутверждающая формула «СКВОРЕЦ – МУДАК», а прямо под трубой - на училищном плацу, где проходили разводы караулов, подобный мифологическому Везувию, извергая громы и молнии, судорожно бился в пенящемся эпилептическом припадке начальник 2-го курса «кирпичей» майор-инженер Альфонсас Александровичус Кулешес по кличке

«Швондер». «Тимошенко, скажите, а кто такой Скворец?», - растерянно спросил «Фантомаса» Лев Сергеевич…

Старшина 2-го курса «кирпичей» старший сержант Черников и впрямь походил на скворца. Я уж и предположить не могу, чем он так проштрафился перед своей беспокойной паствой, но проштрафился он, как я понимаю, не на шутку. Да так проштрафился, что глубокой мартовской ночью двое пассионарных «кирпичей» забрались с малярными кистями и ведром белой краски на трубу, с которой и оповестили Город Трёх Революций о самом факте существования и гнусных происках Скворца.

Быстрые электрички приносили пассажиров со взморья к платформам Финляндского вокзала, и сотни людей в одночасье узнавали, что Скворец – мудак. Напряженные донельзя экскурсоводы терялись в догадках – как обяснить редким группам иностранных туристов значение искрометного слова «мудак», и кто такой Скворец? Льву Сергеевичу уже несколько раз звонили взволнованные ответственные работники – из гарнизонной комендатуры, из Большого Дома, из Дзержинского райкома КПСС и из самого Смольного – всех скромно интересовали два вопроса, кто такой Скворец, и чем он знаменит? Скворец ходил по Училищу гордый и весь в белом фраке – он попал в хроники столетия!

Тем временем «Фантомас», для которого всё это могло закончиться плачевно, вызвал пожарную команду. На плац ворвались две пожарные автоцистерны, и из них вялым горохом посыпались наружу заспанные огнеборцы в начищенных до нестерпимого блеска медных касках. Лихой брандмейстер с закрученным кверху кайзеровскими усами, этот легендарный трижды герой Дзержинского района, неспешно оценил обстановку и категорически заявил Дмитрию Ивановичу, что его выдвижные лестницы так высоко дотянуться не могут, после чего кроваво-красная кавалькада скрылась за горизонтом под истошный рев сирен и едкие комментарии зрителей. Пришлось обращаться в ДОСААФ – постыдное, но вполне себе нормальное явление на тот случай, когда с задачей не могут справиться ни армия, ни пожарные, ни дежурная акушерка на пару с милицейским старшиной из вытрезвителя. Пару дней неприступную высоту штурмовали промышленные альпинисты. «Скворец-мудак», медленно покрывался отвратительными слоями половой краски…

Как сказал Серж Вадимович - один из современников той эпохи – «Я не знаю, может быть этот скворец и впрямь мудак, но зачем же для этого так высоко было лезть?». Я сам не знаю ответа на этот вопрос, но пассионарность – категория серьёзная! Холодной мартовской ночью, с риском для жизни, забраться на эдакую высоту с ведром краски в руках и, цепляясь руками за скользкие холодные скобы, возвестить на всю округу правду о Скворце.

… Это что-то! А вот на «базе» не было пассионариев - уж на что отвратителен был «собака Божек», но такой чести он удостоен не был.

«ОБРАЗЕЦ»

Между продавленными диванами училищной парикмахерской, что располагалась на четвертом этаже главного корпуса, стояли три кадки, из которых сиротливо торчали стволы секвойи, баобаба и сикомора, в ветвях которого некогда сидел библейский Закхей; воздух парикмахерской был пропитан тонким ароматом паров «Тройничка» и «Шипра». Это богоугодное заведение заслуженно называлось в нашей среде не менее чем «логовом

сионистов». Сейчас было бы понятным и справедливым, если бы стены парикмахерской были украшены портретами Теодора Герцля, Давида Бен-Гуриона и Голды Меир, помещёнными в обработанные морилкой и паркетным лаком фанерные рамки, но время тогда было строгое… Строгое, но справедливое! Однако…

В один из дней все училище впало в ступор коллективного столбняка. Со стены парикмахерской на входящих в неё смотрел настоящий викинг – сумрачный тевтонский гений, «белокурая бестия», чистопородный ариец всех времен и народов; «сверхчеловек», ворвавшийся в наш скромный мир из философского трактата гениального шизофреника Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» и подобный Зигфриду из монументальной четырёхоперной эпопеи Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга». В его облике было много чего запечатлено – и презрительный безжалостно-холодный взгляд голубых газ, и плотно сжатые губы, и всё … всё … всё… В роли викинга в тот раз выступил один из «кирпичей» - младший сержант Федин, сфотографированный в прямой фронтальной, боковой и анальной проекциях. Его героический образ венчала скромная надпись: «Образец прически курсантов». Из фото явно следовал тот факт, что по затылку нордической личности несколько раз проехалась неисправная газонокосилка.

Да уж… То было поистине героическое время, и во время оно мерзопакостный «собака Божек» (тм) заявил нам, что в строй увольняемых могут вставать лишь достойные - те, кто попросил в парикмахерской постричь их под «образца» - не более и не менее, и никаких там «полек» и «канадок». Антитезой посещения «образцовой» парикмахерской была возможность постричься в казарме – имевшейся тогда в нашем распоряжении электробритвой с плавающими лезвиями. Но у всех ещё была слишком свежа в памяти башкирская национальная «подковка», которой записной балбес из 3-го взвода Лёха Грачев наградил Вали Тимерьяновича Кузбекова. Вот и шли в «логово сионизма» вереницы унылых последователей теоретической школы докторов технических наук Евгения Степановича Гребня и Сергея Игоревича Моисеева, где они, как по мановению волшебной палочки, превращались в рахитичных уродцев с торчащими в стороны ушами.

«Образец», сам того не ведая, превратился в объект постоянных насмешек и плевков в свой адрес со стороны второго курса «базы», хотя о нас всё училище говорило, что на «базе» законы суровые!

Насмешки над «Образцом» достигли своего апогея в Приветнинском. Помните, грациозной поступью битюгов на завтрак-обед-ужин по первой линейке идёт строй «кирпичей»! На правом фланге с непременной отмашкой рук гордо вышагивает «Образец», и тут, со второй линейки, где к построению изготовился второй курс «базы» без команды начиналось скандирование – «Образец» Образец!! Образец!!!». Этот убийственный для «Образца» речитатив сопровождался уничижительными едкими комментариями со шкентеля, на котором, как известно, тусили исключительно отличники боевой и политической подготовки. Гражданские люди недоумевали, а офицеры понимающе улыбались и отводили глаза в сторону.

Весть об «Образце» и его славе пронеслась стремительным ураганом над Финским заливом от Сестрорецка до Выборга. Она отражалась от гранитных скал и усиливалась в узкостях, подобно ударной волне ядерного взрыва, превратившего Хиросиму в груду радиоактивных головешек. Однажды в военторговском магазине под названием «Колониальные товары», где мы покупали асидол, подворотнички, «Поморин» и изюм в шоколаде, маленькая девочка показала пальцем на группу вошедших «кирпичей» и громко сказала – «Мама, смотри… Это – «Образец»!». «Образец» уже почти достиг стадии, на которой начинается помутнение рассудка. Современники той героической поры говорили, что накануне отпуска он без особого труда отпросился у Альфонсаса Александровичуса «Швондера» съездить на один день в город, где он купил в гримёрке Мариинского театра специфический набор, в который входили ленинские усы с бородкой, чуб запорожского гайдамака и накладные пейсы. Конец безобразию положил наш «Гоба» - решительно и бесповоротно.

В Историю можно попасть, а ведь можно и влипнуть!

«НА РЕЙДЕ БОЛЬШОМ ЛЕГЛА ТИШИНА…»

Могучий флот нашего Училища – рейдовый катер «Ярославец» РК-984 и РК-750, а также четыре шестивесельных яла – базировались на бухту Тихую. Командовал этой Армадой главный корабельный старшина Иван Александрович Васильев, который требовал от нас, чтобы мы его называли «товарищ мичман». Таким всё и осталось в нашей памяти…

Ежедневно в наряд вахтенными на плавсредства назначались наши курсанты, то была приятная преференция «базы» - нести вахтенную службу на берегу бухты Тихая. Это был чудо-наряд – сутки вдали от начальства, где, в той благодатной тишине, можно было как

следует выспаться, искупаться в цветущей воде Финского залива и постирать форму… Быть назначенным в наряд на плавсредства можно было расценивать исключительно в качестве поощрения за хорошую учёбу и примерную воинскую дисциплину – вот и ходили в этот наряд отличники, умудрённые науками члены военно-научного общества курсантов и представители курсовой аристократии – «банщики», т.е. все те, в чьей политической благонадёжности начальству сомневаться не приходилось.

Летний лагерный сбор 1974 года завершился феерическим действом – празднованием дня Военно-морского флота. По этой причине мы прошли торжественным маршем (кстати, в тот день отец приехал навестить меня, и был приглашён Львом Сергеевичем Шевяковым на трибуну – принять вместе с ним парад войск Приветнинского гарнизона; это было лишним – после прохождения отец тоном, не терпящим возражений, сказал - «Мне показалось, что ты в строю слишком интеллигентно ногу поднимал… Не так ли?»), после чего имели место произойти соревнования по перетягиванию каната и шлюпочные гонки на траверсе бухты Тихой. Но не могло всё произойти гладко – накануне вечером нам прочитали списки заступающих в наряд, из которых явно следовало, что мне предстоит заступить в суточный наряд дежурным по курсу, а курсантам второго взвода – отличнику Сергею Богданову и банщику Сергею Кондратьеву – вахтенными на плавсредства.

Отличительной особенностью того дня было то, что страдающие излишним гуманизмом преподаватели кафедр теоретической механики и сопротивления материалов возжелали досрочно принять у «академиков» экзамены по этим головоломным наукам – самим в отпуск пораньше убыть, да и штаты «Академии-74» не раздувать. Перед «академиками» стояла задача – сдать на «тройку»! Но не всем эта задача была посильна. Некто Лубенец, не подававший особых надежд в вопросах учёбы, отчетливо понимал, что этот экзамен ему не сдать и попросил настоящего отличника – мудреца и звездочёта Сергея Богданова сдать за него «Динамику» - на тройку! Больше не надо – не поверят!!! А для Богдана эта задача была посильной, но сдать экзамен на «тройку» ему не позволяла совесть. Вот таким замечательным образом Лубенец стал «хорошистом» по «теормеху». В знак искренней благодарности Богдан получил бутылку «Перцовки» - самое то, что нужно для логического завершения празднования дня ВМФ, ибо флот без «Перцовки» - пустой звук.

Вечером все подразделения лагерного сбора были построены на второй линейке в линию взводных колонн. Горнист сыграл «Повестку», и дежурные вместе с дневальными заняли свои места у «грибков». Прочитали «вечернюю поверку», оркестр сыграл «Вечернюю зарю» и Гимн Советского Союза под три взрыва ШИРАС (штатного имитатора разрыва артиллерийского снаряда) – артиллерийской батареи у нас не было. С диким криком «Иии – раз!» и резким поворотом головы вправо ликующие колонны будущих отпускников прошли перед трибуной очередной раз за день…

А в это время на «плавсредствах» разворачивались поистине активные боевые действия! В дополнение к приснопамятной «Перцовке» виновником академического успеха Лубенца были прикуплены бутылочка ликера «Мятный» и бутылочка вермута под названием «Мухомор». Приготовление гусарского пунша проходило исключительно по рецепту и методике, воспетыми в поэмах Дениса Давыдова – трёхкомпонентное зелье (вы уж меня извините великодушно за непарламентский слог, но такое можно пить исключительно лишь стоя «раком» перед унитазом!) было слито в котелок, над которым на огрызках

ржавой арматуры была подвешена сахарная голова, истекавшая сладкими слёзами в горящую и закипающую адскую смесь …

Всё бы оно прошло гладко, но бдительность подвела! Не совсем трезвый Богдан отправился спать в будку рейдового поста, а не совсем трезвый Кондрат остался на причале нести вахту. И тут на дистанции не более кабельтова от бухты Тихой, в густой июльской ночи Финского залива, он увидел настоящее плавстрашилище, горящее яркими огнями и громко чавкающее железными челюстями. Это была раскрепленная на папильонажных концах землечерпалка «Балттехфлота», дноуглублявшая входной канал в бухту Тихую…

Действуя исключительно по инструкции, запрещавшей вход в бухту Тихую любым самоходным плавсредствам, Кондрат подал голосом и красным сигнальным фонарём соответствующую запрещающую команду приближавшейся землечерпалке. Главное заключалось в том, что раскрепленная на папильонажных концах землечерпалка двигаться вперед не могла от слова «совсем»! Тем не менее… Команда была повторена дважды и трижды, но землечерпалка на подаваемые сигналы и команды должным образом не реагировала – огни её ярко светились, с борта раздавался сифилитически-гнусавый вой саксофона, а какие-то люди в майках и панамках толпились вдоль борта – они смеялись и показывали пальцами на мечущегося в приступе бдительности нетрезвого Кондрата. Несмотря на густую пелену алкогольного дурмана, натренированный двумя годами учебы на «базе» мозг Кондрата реагировал быстро – если они не выполняют мои команды, то они их не понимают, хотя всё видят и слышат… если они не понимают понятные каждому сопливому пионеру команды, то это - иностранцы… Это – финны!!! И Кондрат решительно начал крутить ручку полевого телефона, соединявшего рейдовый пост с дежурным по лагерному сбору.

Дежурный – молодой лейтенант-слушатель из «кирпичей», проведший пару-тройку лет в насквозь провонявшей солдатскими портянками стройбатовской казарме, знал о жестоких реалиях военно-морской службы лишь из кинофильма «Максимка». Осознав весь трагизм складывающейся ситуации – в бухту Тихую входит финский пароход … а может быть и крейсер … - он немедленно доложил о происходящем заместителю начальника лагерного сбора полковнику Ивану Иосифовичу Синявскому – тому самому, которого гестапо по Пскову с собаками якобы ловило. На дежурной машине лейтенант устремился в Тихую; а

Иван Иосифович натянул на себя застиранные «треники» с ослабшей резинкой и волдырями на коленях, сдернул со стены кобуру с маузером, подаренным ему Титом Дуплетовым в неурожайном 1943-м году, и, сшибая на ходу вековые деревья и ломая чахлые кусты, резво побежал в подвергшуюся акту агрессии бухту своим ходом… Картина, которая могла взбудоражить даже самое стойкое воображение, предстала их взору!

Часа в три ночи меня разбудил дневальный со словами: «Вставай – там какая-то х-ня на плавсредствах произошла!». Около наших «бочек», подобно шампанскому «Князь Голициын, пенилась толпа народа – Синявский, дежурный лейтенант, поднятый среди ночи «Гоба», Кондрат и Богдан… Утро следующего дня все расставило по своим местам – «хорошист» Лубенец получил отпускной билет, а спасший его Богдан – записку об арестовании.

Вот это и называется – «Горе от ума»!

«КЛАДЕЗЬ ЗНАНИЙ»

Гвардии сержант Лёня Чумаков по кличке «Старый» был де-факто умудрён жизненным опытом, который базировался на трёх китах – педагогическом техникуме, сержантской школе и без малого двух годах срочной службы в ракетных войсках стратегического назначения. Он заслуженно являлся для всех нас неиссякаемым источником всепоглощающей житейской мудрости. Нет, совсем не потому, что в увольнениях он знакомился исключительно со вдовами - Леонид Иванович был Читателем (с большой буквы!). Но он читал не всё подряд – у меня зачастую складывалось впечатление, что Лёня не просто читает, а безуспешно пытается отыскать Истину. Каждый визит Старого в фундаментальную библиотеку заканчивался тем, что приходил в класс со стопкой книг. Чего там только не было! И Лёня не просто читал эти потрепанные жизнью книги – он делился приобретенными знаниями с нами. Однажды Лёня, хотя и несколько монотонно, но достаточно толково, изложил нам содержание речи Никиты-кукурузника на XX съезде КПСС и своё видение вопроса, снабдив повествование леденящими душу подробностями убийства Кирова; именно от Лёни я впервые услышал и про Леонида Николаева, и про Мильду Драуле и про начальника охраны Борисова.

На третьем курсе Старый читал нам вслух отрывки из какой-то книги про вымышленного героя гражданской войны Тита Дуплетова (сам Старый вполне обоснованно считал, что речь в книге шла о Клименте Ефремовиче Ворошилове). А наше воспаленное воображение уже дорисовывало картины из далекого героического прошлого наших предков – мы дошли до того, что это именно Тит Дуплетов застрелил героя гражданской войны Яна Фабрициуса из своего именного маузера.

Вот так, под чтение исторических книг и пространные комментарии Старого, мы, вихляющей походкой пьяной портовой шлюхи, добрались до высот знаний четвертого курса. Во втором семестре, с целью окончательно развалить процесс подготовки инженеров флота, агенты американских империалистов подбросили нам в аудиторию эпический труд профессора Льва Николаевича Машкиллейсона «Венерические болезни». С картинками!!! Чего в той книге только не было – и лунная сыпь, и твёрдые шанкры, и сифилитические язвы, и провалившиеся носы.

Кстати эта попытка не была единственной – уже на пятом курсе мы обнаружили у себя рукописный вариант поэмы Ивана Баркова «Лука Мудищев». Но это было гораздо позже…

Книга Машкиллейсона была достаточно простой и понятной – эдакий весёлый водевиль с элементами практического руководства для молодых людей, окончательно и бесповоротно решивших встать на тернистый путь греха. И Старый, обречённо вздохнув, взвалил на свои плечи эту тяжкую ношу – в ту пору он казался мне французским энциклопедистом–просветителем XVIII века. Мы чертили очередную эпюру активного давления и изгибающих моментов, а Старый читал вслух … читал и читал, сопровождая прочитанное весьма дельными комментариями.

Во вступлении профессор Машкиллейсон однозначно заявил, что предотвратить любое венерическое заболевание куда легче, чем потом нудно его лечить в парах ртути или ваннах марганцовки. И ведь не просто заявил, а сделал конкретное предложение – перед началом полового акта с сомнительным партнёром (а в понимании профессора, как оказалось к концу прочтения книги, все партнеры были сомнительными) использовать не один, а два презерватива, надев их друг на друга. Старый прочитал эту мысль и замолчал… Через несколько минут молчания он вернулся в состояние душевного равновесия, окинул нас безумно-горящим взором и сказал: «Всё верно этот Машкиллейсон сказал – так ведь точно ничего на винты не намотаешь. Одно неизвестно – можно ли будет при этом кончить?».

АЛЬПИЙСКИЙ СТРЕЛОК

В начале 70-х годов прошлого века на экраны вышел отличный итальянский кинофильм. Назывался он «Дамы и господа», как я припоминаю. Легкий кинофильм с отличным юмором.

Этот фильм состоял из трех новелл. Фабула одной из них была такова – измученный догматами католицизма синьор Освальдо сказал жене, что идет на встречу бывших альпийских стрелков, в рядах которых он когда-то служил. Под этим благовидным предлогом он решил исчезнуть из дома денька на три, чтобы провести их в обществе молодой кассирши из бара, которую звали Милена. По дороге к Милене он зашел в какой-то бар, где собрались бывшие альпийские стрелки – алиби решил себе, так сказать, обеспечить. Алиби-то он себе обеспечил, но и нажраться успел серьёзно, более чем серьезно. Добрался до ждавшей его Милены, но сделать с ней ничего уже так и не смог.

Летом 1976 года я был на практике в Севастополе. Как я попал в Севастополь на практику – отдельная история. Факультетское начальство начало заблаговременно составлять списки – кто из курсантов куда поедет стажироваться. При этом максимально учитывались пожелания курсантов, а также то, где они собираются проводить свой отпуск после практики. Большинство моих друзей попросились на КТОФ – Приморье, Камчатка и Сахалин. А я, наивно полагая, что по окончании Училища попаду служить именно в те края, попросился на Черноморский флот. В мае пришел приказ о назначении, из которого я узнал, что мне предстоит провести два месяца в авиационном гарнизоне «Октябрьское», что расположен в выжженной степи между Симферополем и Евпаторией. Это был удар ниже пояса! Хотя, по формальному признаку, моя просьба по поводу Черноморского флота была удовлетворена. Я взалкал к справедливости и позвонил отцу с просьбой о том, чтобы приказ переписали. Ещё чего! Отец, в свойственной исключительно ему безапелляционной манере, заявил мне, что служить нужно там, куда назначили. Ага, сейчас… Я попросил к телефону маму и изложил ей свою нижайшую просьбу. Мама, в обход отца, позвонила в «кадры» Михаилу Акимовичу Петрову с просьбой «назначить мальчика куда-нибудь поближе к дому». Михаил Акимович, простой и незатейливый, как сатиновые трусы, спросил у мамы адрес и нашел самую близкую к дому часть - 257-ю школу прапорщиков, куда я и был переназначен … Лучше бы я поехал в Октябрьское!

Итак, июль 1976-го года. В это время в Севастополе находились мои школьные друзья-одноклассники – Лёша Денисенко, курсант корабельно-ракетного факультета ЧВВМУ им. П.С. Нахимова, был на летней практике, а Витя Кофман, курсант паросилового факультета ВВМИУ им. В.И. Ленина – в отпуске по болезни, после операции. Мы решили культурно посидеть в «Козьей Жопе» - так называлась летняя площадка ресторана «Приморский», что был расположен на улице Ленина. Сели, заказали бутылку «Коленвала» (водка по 3-62). Денег на закуску практически не было – нормальное явление в курсантской среде. Хватило лишь на салат из огурцов и помидоров и три шоколадные конфеты. И тут… Леша Денисенко вдруг вспомнил, что у него скоро заканчивается увольнение, а «под парами» вернуться на корабль никак нельзя. А Витя тоже вдруг вспомнил, что его недавно прооперировали. Кончилось тем, что друзья влили в меня бутылку этой водки…

Я еле добрел до родительского дома, из последних сил поднялся на 4-ый этаж, где минут десять безуспешно пытался попасть ключом в замочную скважину. Дверь открылась – меня встречал отец. Он осмотрел непристойную картину своим командирским взглядом и позвал маму – «Юля! Подойди сюда, пожалуйста! Я так понимаю, что твой мальчик вернулся со встречи альпийских стрелков!».

ОРТОДОКС

Профессор Павел Петрович Кульмач был всегда неутомим и более чем энергичен. У него хватало времени и здоровья на всё – и уравнение Лапласа решить, и заменить неортогональные многочлены ортогональными, и за грибами в лес сходить, и офицеров своей кафедры довести до грани безумия, и про нас, курсантов, он тоже не забывал.

В поточной лекционной аудитории 4-го курса стояли модели стационарных и плавучих причалов, модели авианосцев и подводных лодок – на них нам показывали воздействие турбулентных потоков и прочую муть голубую. Макеты стояли под плексигласовыми колпаками, вот это нас и погубило!

Каждая лекция по гидравлике начиналась как какому загадочному стандарту – входил П.П. Кульмач, дежурный по потоку докладывал ему об, П.П. Кульмач здоровался с нами, и тут начиналось главное. «Кто старший (или, в зависимости от настроения Павла Петровича – кто главный?) в этой аудитории? Почему на моделях лежат чертежи/шапки/шапки и чертежи? Пишите рапорт!». В этом рапорте требовалось указать, кому принадлежат шапки (фамилии счастливых обладателей были нанесены хлоркой внутри шапок) или чертежи (фамилии авторов брались из углового штампа). На основании этого рапорта назначался дознаватель из числа преподавателей кафедры, дознаватель выворачивал нарушителям «матку наизнанку» (тм), после чего рапорт вместе с материалами дознания и резолюцией Павла Петровича ложился на стол начальнику факультета полковнику-инженеру Виктору Васильевичу Хапёрскому для принятия мер дисциплинарного воздействия. После того все нарушители лишались, как минимум, очередного увольнения. В конце концов вся эта волокита ложилась на стол к Павлу Петровичу, который заносил в специальную тетрадку фамилии всех нарушителей и того, кто был «старшим/ главным в этой аудитории». Система была отлажена и осечек не давала. То была кропотливая титаническая работа, но Павел Петрович не боялся трудностей, он их сам создавал и сам героически преодолевал!

После двух таких инцидентов и последовавших за ними наказаний мой помкомвзвода старший сержант Смольянинов сказал мне: «Всё, достаточно! Больше я на лекции Кульмача не хожу! Что хочешь, то и делай». И на некоторое время старшим/ главным в той самой злополучной аудитории стал я. «Кто старший/ главный в этой аудитории?». - «Сержант Фёдоров!». - «Почему на моделях лежат шапки?» - «Виноват, товарищ полковник!». - «Пишите рапорт!». Вот так и я попал в историю. А в историю, как говорится можно попасть, а можно и влипнуть!

А Павла Петровича были записаны все ходы. Представьте себе картину – курсант заканчивает учебу, едет служить на флот, через два-три года начинает хотеть стать ученым по кафедре Кульмача. Прибывает к Кульмачу, рассказывает о себе, убеждает Кульмача в своей нужности для науки. Кульмач его внимательно слушает, со всем соглашается, а потом... потом он отрывает свою тетрадку и говорит – «15 декабря 1974 года Ваша шапка лежала на модели подводной лодки. До свидания!».

В 1988 году я закончил работать над диссертацией и представил её для предварительной защиты на кафедру П.П. Кульмача. Оставим в стороне тот предельно ясный факт, что нагрешил я в той диссертации почти смертельно – время поджимало, что заставило меня опереться на мною же придуманные гипотезы и эмпирические выкладки. Диссертацию рассмотрели, и мне предложили прийти на предзащиту. На предзащите всё шло гладко – общее решение уравнения Лапласа было доведено мною до численных значений с использованием достаточно громоздких методик Павла Петровича. Кульмач слушал мой доклад с интересом, а на его столе лежала тетрадка.... Потом были вопросы по теме диссертации. Потом, как и полагается, Павел Петрович начал говорить со мною «по душам» – «На какой кафедре писали диплом? Где служили после училища? И я служил в Севастополе, потом в Керчи служил, а потом в Поти... Что-нибудь ещё хотите рассказать о себе?». У меня помутилось сознание, но делать было нечего: «Так точно, товарищ полковник! Докладываю – в феврале 1976-го года на моделях лежали шапки, а я был старшим/ главным в 651-ой лекционной аудитории. Доклад закончен!». В зале воцарилась гнетущая тишина – все присутствовавшие отчетливо поняли всю глубину моего нравственного падения! Я тоже всё понял и был готов к любому исходу дела ... Что было, то было! И тут раздался ехидный смех Кульмача – «Рассмешил... Это – не та тетрадка, это – другая... Молодец! Допускаю тебя к защите».

Вот так я стал ученым... Нет, кандидатом в ученые! Ведь кандидат наук – это ещё не ученый, всего-навсего кандидат...

ИВАН ИВАНОВИЧ

На четвертом курсе курсовое проектирование по специальности с нами проводил Герой Советского Союза полковник-инженер Иван Иванович Дмитриев - до сей поры вспоминаем его добрым словом.

Добрейшей души и необычайной скромности был этот человек. Он совершенно не загружал себя знанием изучаемого нами предмета, равно как и знанием наших фамилий - он думал исключительно о женщинах! О вас, проказницы... Нормальный человек был, нравственно здоровый! Одно слово – Герой!

Во время курсового проектирования желающие получить у него ответ на вопрос

записывали свою фамилию на доске. Иван Иванович, ответив на вопросы предыдущего курсанта, читал фамилию последующего курсанта, называл его фамилию, определялся на местности и подходил к соответствующему кульману для дачи консультации. Курсант Мейрам Алханов, по национальности - казах, попросил, чтобы его записали следующим. И наш записной балагур - сержант Игорь Поддубный – откликнулся на просьбу без излишней формалистики и вместо его фамилии написал на доске - "№4 - к-т Жумабаев Хурда-Мурда", никто даже не посмотрел на эту надпись - никому дела никакого не было.

Иван Иванович проконсультировал очередного кандидата в инженеры, прочитал на доске следующую фамилию и с лучезарной улыбкой объявил на всю аудиторию - "Следующий у нас - товарищ Жумабаев Хурда-Мурда!". При этих словах в аудитории все проснулись и с интересом посмотрели на лучезарно улыбающегося Ивана Ивановича.

«ГДЕ ЭЛЬКА, А ГДЕ НЕЛЬКА?» (или «КАК Я СТАЛ ЧЕРНОМОРЦЕМ»)

Как-то раз я увидел одну очень интересную фотографию 1929 года – стоит молодая женщина и улыбается, а на её плечах расположились две детские попки – лиц не видно. На обороте написано – «Где Элька, а где Нелька?». Та женщина была секретарём-референтом народного комиссара Лазаря Моисеевича Кагановича, а детские попки принадлежали её дочкам-близняшкам Эльке и Нельке Крыловым.

Мой отец страстно желал по окончании училища попасть служить на Тихий океан. Он мечтал о службе в Порт-Артуре или на далёких островах - командиром группы на каком-нибудь номерном эсминце. А объяснялось это его скромное желание очень просто - на Тихий океан "за тихие успехи и громкое поведение" по окончании училища должен был непременно убыть его лучший друг и одноклассник по училищу – ленинградец Алексей Александрович Кротов или просто – Лёшка… Лёшка Кротов.

Это был абсолютно легендарный человек – за пять лет учёбы ни одна сессия не обошлась у него без двойки; это он, однажды, находясь в увольнении, разбросал по углам свою форму и, уже опаздывая из увольнения, так и не смог найти свои форменные носки и прибыл из увольнения в училище в черных чулках своей родной сестры. Летом 1952 года мама приехала в Ленинград, отец пригласил её в училище на какое-то представление

художественной самодеятельности, что исполнялось силами курсантов старших курсов, и торжественно пообещал, что познакомит её со своим товарищем мичманом Лёшей Кротовым. Действие на сцене приняло ускорение и подошло к кульминации момента – послышались взрывы хлопушек, посыпались искры и конфетти, заиграла громкая музыка, и в клубах дыма наискось сцены с дикими криками пробежал какой-то человек в красных трусах. Отец сказал маме: «Это – Лёша Кротов!».

В тот вечер они так больше не увиделись. Прямо со сцены Лёшка поспешил на вокзал - ему предстояло «Путешествие из Петербурга в Москву». В купе с Лёшкой ехала молодая красивая женщина, вот тут мичман Кротов и включил своё обаяние на полные обороты – рассказал ей «то, что было, и то, чего не было … то, что происходило с ним, и не с ним», насмешил её до слёз и записал её московский адрес. На следующее утро Лёшка погладил форму, надраил до блеска ботинки и пуговицы, побрился и отправился «покорять Монблан», предварительно купив цветы. Дверь ему открыла она – молодая и красивая! И Лёшка вошёл… На этом месте моя мама прекратила повествование и на мой последовавший вопрос о том, что было дальше, она ответила – «Как порядочный человек Лёшка был обязан на ней жениться». В поезде он ехал с Нелькой, а дверь ему открыла Элька – Нелька ушла в институт…

Как вы уже смогли догадаться, меня, при рождении, нарекли в честь этого поистине замечательного и легендарного человека!

Лёшка, конечно же, мог спокойно ехать служить на Дальний Восток. Через пару лет Элеонора Сергеевна Кротова «напрягла» свою маму и Лазаря Моисеевича, и "Лёшку" с Тихого океана перевели служить в Ленинград. А вот, если бы отец попал туда служить, то я даже предположить не могу, что и как происходило бы дальше. Мама, умная женщина, предвидела наперёд сложности, которые могли возникнуть, как следствие романтического путешествия на Тихий океан, посему отец получил от неё четкое распоряжение - проситься на Черное море. Там они и прослужили - сначала в Николаеве, а потом в Севастополе. Из Севастополя и я уехал в Ленинград поступать в училище.

После четвертого курса отец начал со мною разговоры о том, где бы я хотел начать службу после училища. Ответ мною был дан однозначный - Тихий океан, Приморье, Сахалин, Камчатка. Если не получится, то Северный флот – на Новую Землю. С этим родители мои были категорически не согласны - они хотели видеть меня рядом с собою, но я упорно стоял на своем, и из Ленинграда был вызван в Севастополь Алексей Александрович Кротов, вызван для того, чтобы вправить мне мозги - за свои прошлые героические подвиги он был у меня в непререкаемом авторитете! Но я не внял его разумным доводам о том, что в Севастополе есть персики и абрикосы...

Последняя родительская попытка призвать меня к разуму потерпела фиаско в апреле 1977 года, и отец резко оставил меня в покое. Знал бы я, что означал то спокойствие... В конце мая я зашел на распределение девятым по счёту из восьмидесяти двух человек - я, безусловно, имел право выбрать флот. Безусловно и безоговорочно! Помощник начальника факультета наш «карманный капитан» Ерёмин доложил сидевшему на председательском месте высокому московскому чину: "Сержант Фёдоров, отличник учебы, командир отделения, характеризуется положительно. Просит о назначении на Краснознамённый Тихоокеанский флот!". Московский чин внимательно посмотрел на

меня, углубился в бумаги и сказал - "Кто? Фёдоров? На КТОФ? Поедет в Севастополь! И без разговоров!".

Я вышел с распределения убитый горем. Целый день я ничем не мог заняться и бесцельно болтался по факультетским этажам и коридорам, прощаясь со своими несбывшимися надеждами. А рядом со мной сбивались в кучки будущие счастливцы - "северяне" и "камчадалы". В конце дня я решился обратиться со своими печалями к командиру роты старшему лейтенанту-инженеру Скрипниченко. Не успел я войти в его кабинет, как "Витя-скрипка" безапелляционно заявил мне следующее - "А тут ничего не поделаешь. Да и не советую я тебе будоражить это дело. Наделал ты дел со своим назначением! У меня в роте учатся сыновья и внуки генералов, а тут, видите ли, на тебя одного из Москвы пришла бумага, где русским по белому было написано - "Фёдорова направить в Севастополь!!!". Так что, примеряй белые брюки - будешь служить "под пальмами"!". Вот так я стал черноморцем... А теперь об этом и не жалею! Никогда и ни о чём жалеть не нужно - в этом я теперь твёрдо уверен. За нас уже всё давно решено на Небесах, и мы должны лишь тихо радоваться этому. Очень тихо радоваться...

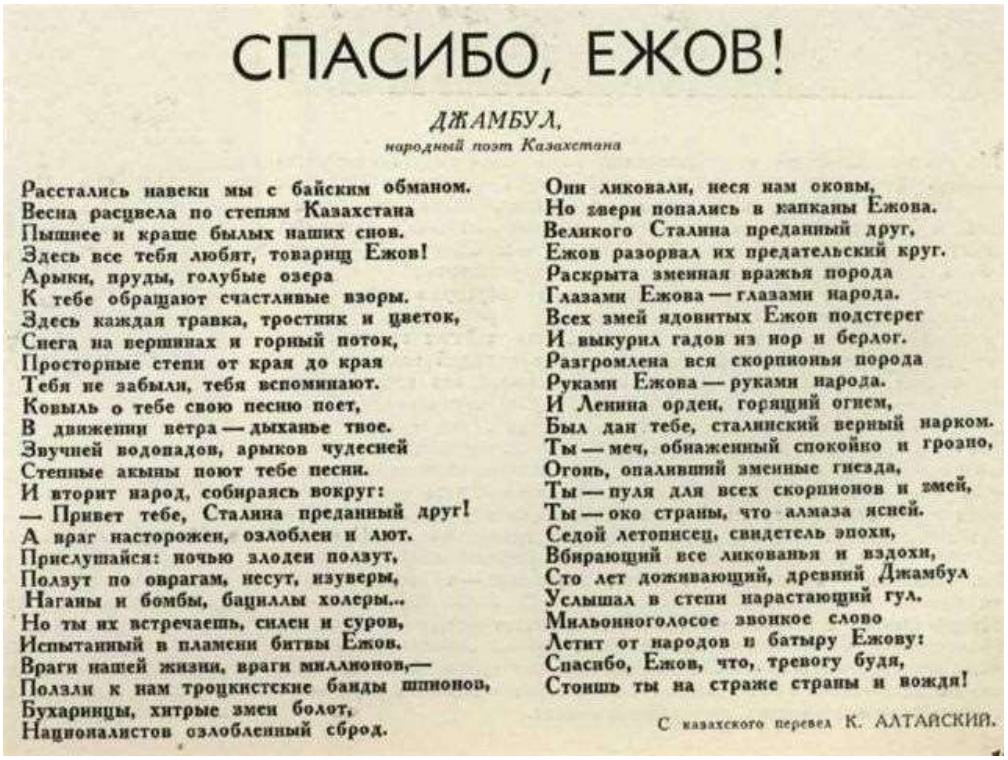
«КОНЕЦ РОЗОВОГО ХАНА»

Ко второму курсу нам стало известно, что слово «алла» (тюрк.) означает, в том числе, «розовый». Алханыч так сказал…

Мейрам Алханович свалился на «базу» из Североморска – он частенько впадал в длинные и малоосмысленные воспоминания о своей героической службе на Северном флоте, где он целый год таскал кирпичи и брёвна в каком-то захолустном стройбате, и о своём приятеле – казахе Пуле Касимове. Эпизодически Алханыч пытался строить из себя эдакого «старика-североморца», познавшего все тяготы жизни вкупе со всеми возможными и невозможными половыми извращениями, что решительно и жестоко пресекалось на корню Лёней Чумаковым. Мишка Алханов был очень умным человеком – одному лишь Аллаху известно, что за книжки он читал, но этот умный человек мог иногда красиво выступить перед дневальными, дежурными и прочими нарушителями воинской дисциплины по поводу некоей загадочной синтелепатической связи, о которой слушатели ранее и слыхом не слыхали. Другой отличительной чертой умного и гордого сына степей было то, что без очков он ничего не видел – чтение книжек подвело, но очки он так и не надевал. Без очков Алханыч, как правило, не мог разглядеть патруль, за что регулярно «записывался», чем портил всей «базе» статистику показателей «железной воинской дисциплины»; в декабре, уже на пятом курсе, Алханыч «записался» в очередной раз, за что я и повел его на Садовую, где Алханыч безропотно влился в стройные ряды «трудновоспитуемых», среди которых были хронического вида старшина 1 статьи - сигнальщик из Кронштадта, два зачуханных военных строителя с Пискарёвки и лихой курсант-артиллерист с Московского проспекта, который сказал просто: «А что? Нас готовят в самоходную артиллерию!». Через неделю я пришел забирать «сидельца» - когда его привели, у меня возникло стойкое ощущение того, что где-то рядом со мной взорвалась цистерна с дерьмом. На поверку оказалось, что в первый день своей отсидки Алханыч красочно выступил в защиту своих «стариковских» прав – курсант пятого курса не будет таскать на овощной базе ящики с гнилой картошкой, равно как и тюки с грязными подштанниками в прачечной военного госпиталя. С ним, конечно же, согласились и спросили, готов ли он идти работать за кулисами цирка, что был в пяти минутах ходьбы от

гарнизонной «губы», на что наш «сиделец» с радостью согласился. По дороге с «губы» в Училище мы зашли в ближайшую пирожковую, где голодный и холодный Алханыч с ужасом в голосе сказал мне: «Прикинь, пять дней подряд за слоном говно из клетки лопатой выгребал!».

Учеба в Училище стремительно приближалась к своему логическому завершению – до конца её оставалось пятьдесят семь дней, по улицам Ленинграда широкой поступью и с непременной отмашкой рук шёл Первомай. Алханыч коротал время в общежитии на Непокорённых, где в очередной раз с душевным трепетом читал эпическую поэму о легендарном Народном Комиссаре Николае Ивановиче Ежове, написанную не менее легендарным казахским акыном Джамбулом Джабаевым:



СПАСИБО, ЕЖОВ!

ДЖАМБУЛ,
народный поэт Казахстана

Расстались навеки мы с байским обманом.
Весна расцвела по степям Казахстана
Пышнее и краше былых наших снов.
Здесь все тебя любят, товарищ Ежов!
Арыки, пруды, голубые озера
К тебе обращают счастливые взоры.
Здесь каждая травка, тростник и цветок,
Снега на вершинах и горный поток,
Просторные степи от края до края
Тебя не забыли, тебя вспоминают.
Ковыль о тебе свою песню поет,
В движении ветра — дыханье твое.
Звучней водопадов, арыков чудесней
Степные акыны поют тебе песни.
И вторит народ, собираясь вокруг:
— Привет тебе, Сталина преданный друг!
А враг насторожен, озлоблен и лют.
Прислушайся: ночью злодеи ползут,
Ползут по оврагам, несут, изуверы,
Наганы и бомбы, бациллы холеры...
Но ты их встречаешь, силен и суров,
Испытанный в пламени битвы Ежов.
Враги нашей жизни, враги миллионов,—
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.
Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова — глазами народа.
Всех змей ядовитых Ежов подстерег
И выкурил гадов из нор и берлог.
Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова — руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.
Ты — меч, обнаженный спокойно и грозно,
Огонь, опаливший змеиные гнезда,
Ты — пуля для всех скорпионов и змей,
Ты — око страны, что алмаза ясней.
Седой летописец, свидетель эпохи,
Вбирающий все ликованья и вздохи,
Сто лет доживающий, древний Джамбул
Услышал в степи нарастающий гул.
Мильонноголосое звонкое слово
Летит от народов и батыру Ежову:
Спасибо, Ежов, что, тревогу будя,
Стоишь ты на страже страны и вождя!

С казахского перевел К. АЛТАЙСКИЙ.

Это вам не в цирке за слоном с лопатой в руках круги нарезать! В это время в комнатушку, где уединился подслеповатый почитатель творчества бессмертного акына, вошли Хачик и Вольдемар по прозвищу «Таракан», в их воспаленном воображении уже давно созрел план похода в «гнездо разврата» - женскую общагу СПТУ-137, где они планировали продемонстрировать свою международную солидарность с трудящимися Зимбабве, представителями племён тутси и хуту, а также с австралийскими бушменами. К празднику исподволь была заготовлена изрядная доза «огненной воды», баночка килек в томатном соусе и сыр «Янтарь» в белой пластмассовой коробочке. И примкнувший к ним Алханыч отправился к девицам. Я уж и не знаю, что с чем они там замешивали, и по какой причине им не хватило закуски или чего ещё, но в результате возлияний и нехороших излишеств Алханыч быстро слетел с катушек, за что и был закрыт в одной из комнатушек на ключ. Что и как произошло дальше не знает и не помнит никто, даже сам Алханыч, но в результате он выпал из окна четвертого этажа в клумбу…

Как и полагалось в ту пору, я стоял в наряде дежурным по курсу. Часов около семи утра меня растолкал дневальный и заявил, что меня вызывают на Каляева к дежурному по Училищу. Что за сатанинский бред? Дежурного по пятому курсу вызывают в семь утра к

дежурному по Училищу… Но, ничего не поделаешь – военная служба тем и прекрасна, что полна неожиданностей!

Около помещения дежурного по Училищу я увидел Хачика и Вольдемара, находившихся в состоянии смятения чувств; оба были грязные и перемазанные кровью с ног до головы. В двух словах объяснили ситуацию, и я вошел к дежурному по Училищу, которым был подполковник-инженер Савицкий, которого за добрый нрав мы называли «Советский». Без лишних слов Савицкий приступил к выяснению установочных данных на Алханыча, я оказался Истиной в последней инстанции – «Витю-скрипку» найти не смогли. «Алханов… Имя-отчество?» - «Мейрам Алханович» - «Дата рождения?» - «17 марта 1953 года» - «Место рождения?» - «Станция Анар Вишнёвского района Целиноградской области» - «Адрес родителей?» - «Казахская ССР, Караганда, улица Локомотивная …» - «Фамилия, имя и отчество родителей?» - «Жумабаев Алхан Тулепбергенович и Сулейменова Ануза Сулейменовна». Савицкий с интересом посмотрел на меня: «Впервые вижу младшего командира, который смог без бумажки по памяти выдать всё это… Молодец!». И, немного подумав, добавил: «Товарищ сержант! Вы даже представить себе не можете, каким говном забита Ваша голова…». Здесь «Советский» был безусловно прав – вот сколько лет прошло, а я всё держу в голове и станцию Анар, и Жумабаева, и Сулейменову…

Позже мы видели Алханыча и в больнице им. 25 Октября, и в госпитале на Суворовском; а Алхан Тулепбергенович и Ануза Сулейменовна жили у нас в «общаге» на Непокорённых. Позже и Хачику, и Вольдемару «спороли лычки», и обоих отправили служить на Дальний Восток. Но всё это было позже… Время не разбирается в том, кто был положительным героем, а кто не очень - ушли в историю имена и народного акына Джамбула, и зоркоглазого Николая Ивановича, а следы Розового Хана затерялись где-то на Тихом океане…

ПЕРВЫЕ ШАГИ – ТРОИЦКАЯ

В первое мгновение мне показалось, что скоростной поезд доставил меня прямиком в ад - участок, на который я попал служить, простирался от причалов бригады подводных лодок в Южной бухте до бухты Клеопиной, что звалась в народе просто – Клёпальная. Площадка находилась в Троицкой балке, что расположена за Килен-балкой, если следовать поездом вдоль южного берега Севастопольской бухты в сторону Инкермана. Предания гласят, что во второй половине XVIII века здесь находилась церковь святой Троицы, а в конце XIX - небольшой устричный завод. Красивое место, я бы даже сказал – слободка…

Я прибыл в Севастополь для дальнейшего прохождения службы, будучи по самые горловины люков, по самые комингсы переполненным безупречным знанием требований Общевоинских Уставов ВС СССР, я мог вычертить любой сложности эпюру изгибающих моментов для статически неопределимой конструкции, я мог решить уравнение Софи Жермен в двойных тригонометрических рядах... В общем и целом, я был полон фантасмагорических иллюзий! Обычное явление для лейтенанта – выпускника инженерного училища. Теперь-то я точно знаю, что офицера нужно лишать невинности ещё в стенах училища! Ибо, ещё вице-адмирал Геннадий Антонович Радзевский сказал: «Девственность есть одна из наиболее неестественных форм половых извращений, и офицер-девственник физически не в состоянии вникнуть в детали организации повседневной службы».

На объекте, что был под моим началом, шёл монтаж одного из блоков оборудования системы связи – КАТС Р-20 (корабельная автоматическая телефонная станция релейная на 20 абонентов). Устанавливали это чудо техники-труженики, среди которых был некто Степан. Совершенно былинный герой – изредка он бывал трезв, но никогда не был причесан... К его нижней губе был постоянно прилеплен погасший окурок сигареты «Черноморские». Летом Степан всегда был одет несколько экзотически – в оранжевые вьетнамки и в застиранные спортивные штаны с волдырями на коленях, над резинкой этих штанов грозовым облаком нависала огромная трудовая мозоль – Стёпин живот, этот мифический комок нервов. Это сейчас всё легко. Что может быть проще - по шаблону высверлить перфоратором четыре глухих отверстия в стене, установить болты Миллерса, затянуть их до упора и навесить на них аппаратный блок. А тогда... В ту самую героическую пору, когда в магазинах можно было купить только уксус и «Беломор» ... Да какие там перфораторы и болты Миллерса... Забудьте об этом, как о светлом коммунистическом послезавтра!!! В те героические годы это были всего лишь т.н. «плевки из будущего». Кстати, вспомнил, в Училище лекции по курсу партийно–политической работы нам читал недоброй памяти капитан 1-го ранга Александр Михайлович Ширяев– демагог тот ещё был! Так вот мы его звали не иначе как «Плевок из будущего».

Степан разобрал какой-то гнилой деревянный ящик на занозистые доски, после чего прибыл эти доски к стене ржавыми гвоздями, которые нещадно искривлялись под ударами молотка... Вот такой вот прямоугольный уродец и появился на стене. Стёпа молчал и, ковыряя указательным пальцем в носу, сосредоточенно созерцал результаты своего героического усилия, творчески продумывая, как бы теперь прикрепить шурупами к этой якобы «раме» якобы последнее достижение отечественной радиотехники...

В это мгновение в помещение вошел абсолютно легендарный полковник-инженер Абрам Исаакович Рохлин...

Это он был председателем подкомиссии ГЭК на защите моего диплома – вяло полистал пояснительную записку, лениво посмотрел на мои чертежи и спокойно молвил – «Встретимся в Севастополе!». Встретились, как говорится! Рохлин подошёл к стене и изумленно уставился в полуфабрикат Стёпиной жизнедеятельности. Он долго смотрел на чудо техники, и по его лицу уже бежали метастазы негодования. Молчание затянулось,

даже «бычок» в Стёпиных губах прекратил испускать зловоние... Рохлин подозвал меня к себе, указал перстом на занозистого рахитичного уродца и добро спросил меня – «Что это такое?».

От этого по-отечески простого вопроса склеротические бляшки в моём мозгу начали сгущаться - я не знал, что мне ответить, ибо в любом случае наказание обещало быть неумолимым, стремительным и справедливым! И тут мне на помощь поспешил сам Степан. Он вдумчиво почесал затылок, простудно шмыгнул носом и спросил Рохлина – «А хули?». Что было дальше? Ничего не было. Меня даже не наказали...

ПАШКА-ДУРАЧОК

Флот всегда был институтом закрытым, я бы даже сказал – кастовым институтом. Если кто не согласен, то он может почитать бессмертный роман Леонида Соболева «Капитальный ремонт». Там всё верно сказано, и я считаю это правильным. Но, зачастую, на флот попадали т.н. «седьмые спутники» - совершенно случайные люди, которые привносили в нашу монотонную флотскую жизнь эдакую пикантную струю «дуринки».

Одним из таких дурачков был мой первый непосредственный начальник капитан-инженер Павел Павлович Карпенко – эдакий сало-горилочный хуторянин, с головы до ног обляпанный жирным чернозёмом Левобережной Украины. Я не удивлюсь, если узнаю, что в былые времена он правил сатанинский бал в каком-нибудь Конгрессе Украинских Националистов или прочей ядовитой «сволоте» вместе с генералом-хорунжим реестрового украинского казачества Николаем Антоновичем Бандурой. Два сапога - пара! Паша попал служить на ЧФ после Харьковского института инженеров коммунального хозяйства, отслужил срочную службу на дальней точке «Лафета» в районе Верхне-Садовой и каким-то неведомым мне образом стал офицером, более того – он стал моим непосредственным начальником. Очень был неумный человек. Всё выходило из-под его отравленного пера в виде занозистых и рахитичных уродцев. Люда... Это была какая-то «Санта-Барбара» местного разлива. Не очень умная и, скажем так, не очень эффектная Люда служила старшим лейтенантом в одном из отделов штаба соединения, а её отец – капитаном 1-го ранга в Москве, в управлении кадров ВМФ. Что тут непонятного? Всем было предельно понятно, зачем Люда пришла на флот. Всем, за исключением дурковатого Павла Павловича. Вот он и осчастливил Люду своим вниманием. Да так «осчастливил», что через пару месяцев раздался из Москвы грозный телефонный звонок с требованием к Паше собираться или на Тихий океан, или под венец. А за Павлом Павловичем и без того много каких грехов по женской части уже числилось. Тут у него срочно отрылись кровоточащий геморрой, застарелая грыжа, сколиоз, плоскостопие и хронический насморк, т.е. куча причин, по которым он мог продолжить военную службу только лишь на Черном море. А с таким «букетом» он молодящейся Люде и не нужен был. Остался служить в Севастополе. Майором, до конца дней своих...

А с нами он был ох как строг! Форму одежды постоянно проверял, заставлял нас на стрельбище ездить по выходным. Откуда это взялось у специалиста по эксплуатации городских сетей канализации? Ума не приложу. Ну, ладно, я – другое дело, с семнадцати лет в казармах, а Паша-то чего? Особенно Паша изводил нас своим отношением к нашей неисполнительности – ему постоянно казалось, что мы должны всегда и обо всем ему

докладывать. «Алексей Сергеевич, почему Вы опять не доложили мне об исполнении?», - как кишки на палку наматывал. И я нашёл противоядие...

Троицкая, объект «РЭВиА» – передо мною стояла задача поднять компрессор на отм. +12 метров. Не просто поднять, а разобрать его внизу, поднять лебёдкой детали наверх и собрать агрегат. Я начал мероприятие рано утром, а закончил его в 03-00 ночи следующих суток. Закончил всё это дело, покурил и пошёл к городскому телефону. «Аж будить этого гада жалко!», - было моей первой мыслью. Но постоянно вбиваемый Пашей в мой мозг тезис об исполнительности освободил меня от химеры, называемой «человеколюбие». Служба есть служба! Приказ начальника - закон для подчинённого! Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок! Об исполнении приказа должно быть немедленно доложено по команде! В 03-15 я решительно набрал домашний номер Павлика... Как же он заметался по своей комнатушке в одних «семейниках» глубокой южной ночью! «Алексей Сергеевич, что там у Вас произошло???", - чуть не плача спросил меня Павел Павлович... «Пал Павлыч! Докладываю – компрессор поднят и смонтирован на отметке +12. Разрешите командовать «дробь»?». Павел Павлович начал кричать в голос, а в моей душе громко играл миллион весёлых скрипок. «Четвёртый час ночи... Что Вы делаете со мною? Я же спал...», - рыдал в трубку Павел Павлович. «Товарищ капитан! Я обязан доложить Вам об исполнении немедленно. Так требует Устав!», - отвечал ему я как на строевом смотре.

И Павел Павлович Карпенко раз и навсегда вычеркнул меня из своей памяти.

«ВОЛОБУЕВ! ВОТ ВАМ …!»

В те далёкие годы я командовал работами по монтажу подводных стендов на КИМС-5 в Троицкой. Работы по установке подводных датчиков и прокладке контрольных кабелей не поручались матросам-водолазам срочной службы – не смогли бы они выполнить эту работу. Работы были поручены водолазам, не к обеду будет помянутому, СУ-432 «Крымморгидростроя». Подводно-техническими работами руководили Пётр Давидович Крикун (фамилия полностью соответствовала образу), Гарик Николаевич Жолик и донельзя колоритная личность - некто Афоня Волобуев, бывший старшина 2 статьи, пьяница и орденоносец. Это был ужасный человек, с которым все считались.

Между собой мы, молодые лейтенанты, звали его исключительно «Волохуев». Как в том анекдоте – «Волобуев, вот Вам …!». Помните?

Вот что написал неизвестный мне доселе Михаил Слезинский об Афоне Волохуеве: "И попросил я известного на всём Черном море водолаза, начальника водолазов, Афанасия Волобуева, - между прочим, героя многих моих очерков! - хоть на минуточку опустить меня

на дно морское. Афанасий строго посмотрел на меня и как отрубил: «Не положено! Спуски на дно всегда опасны и не специалисту на дне делать нечего!». А я на его речи - классиком по голове: «А, скажите, уважаемый, Александр, который Куприн, не был специалистом, но на дно его всё-таки пустили!». О-о-о, сколько ехидства было во взгляде Волобуева, когда он открыл рот: «Во-первых, насколько я разбираюсь в медицине, ты и Куприн - личности разные. Весовые категории у вас разные и известность. А, во-вторых, скажу, чтобы тебя утешить, я бы и Куприну не разрешил... Не было на него инспектора по технике безопасности!». Не пустил меня Афанасий Волобуев в гости к рыбам, не пустил...Но не одним Волобуевым славно море Чёрное!". Слава Афони не выходила за пределы Троицкой.

Командный пункт водолазного спуска был оборудован на металлическом понтоне, раскрепленном на бочках между вешками, обозначавшими подводные стенды. С берегом связи не было. В те годы мы и слыхом не слыхивали о мобильниках, УКВ рациях и т.д. Хоть общайся с Афоней при помощи флажного семафора или лампы Ратьера, чего у меня не было и быть не могло по определению.

А у меня и сигнальщиков-то не было. Не положено было. Афоня, в распоряжении которого был только рупор, нашел выход из положения. Он надевал водолазные галоши со свинцовой подошвой (вес галошной пары – 23 кг!!!) и начинал топать ими по палубе понтона - ужасный грохот прокатывался над акваторией Северной бухты, и ко мне прибегал боец с неизменным докладом – «Товарищ лейтенант! Вас вызывает на связь Волохуев!!!».

СТАНОВЛЕНИЕ КОМАНДИРА

Все неприятности начались с того, что старшина 2-ой статьи Крысин, выдававший себя за дипломированного электросварщика, успешно «спалил» совершенно новый сварочный трансформатор.

Прошло несколько месяцев после окончания мною училища. Командующий флотом распорядился направить к нам в Троицкую матросов со спасательного судна «Эльбрус», которое после спуска на воду в Николаеве должно было перейти в Севастополь для сдачи задач и подготовки к переходу на Северный флот через боевую службу. Вот и отправили к нам этих моряков, чтобы они под ногами не путались - человек около восьмидесяти. Я, не так давно закончивший Училище, увидел их и оторопел – это была толпа оборванцев, одетых в ватники и сапоги, без погон и знаков различия, кто в пилотке, кто в шапке, кто в бескозырке без малейших признаков пружины... Одно слово – штрафбат! Моё начальство особых трудовых подвигов от всех этих «гопников» не ожидало. Главное – чтобы никакого ЧП не произошло! Меня освободили от решения всех производственных задач и приказали принять этих флибустьеров под своё командование. А что делать? А ничего - обедом их вовремя покормить, строем водить, каждый день звонить ОД бригады в Николаев – докладывать, что они ещё друг друга не поубивали и не перепились этиленгликолем до белой горячки.

Главный сюрприз ожидал меня утром в субботу – мне приказали отвести их вечером в баню. На моих глазах рухнули в пыль и разбились в черепки все мои гениальные предначертания на субботний вечер – и Рио-Рита в новом вечернем платье, и торт «Наполеон», и т.д. Реалии героических флотских будней под названием «помыть матросов в бане» вышли на первый план. Ну, вы знаете эту баню – напротив кинотеатра

«Севастополь», что на Корабельной стороне около учебного отряда. Это была засада – меня в училище не учили тому, как нужно организовать одновременную помывку 80 матросов в городской бане. На подсознательном уровне я понимал, что все это может кончиться если не трагически, то, как минимум, плачевно. От бани могло не остаться камня на камне. А ту ещё и рядовые вопросы всплыли – мыло, мочалки, флажки или фонарики для ограждения строя. Ничего этого не было и в помине! Я находился в состоянии прострации - ряды Фурье и истечение жидкостей через насадки медленно утонули в заботах о предстоящем феерическом действе.

Я был в печали, когда ко мне подошёл какой-то старшина 2-ой статьи их числа этих «штрафников» – матёрый «годок» до последнего вздоха - и он сказал просто: «Да ТЫ не дрейфь, лейтенант! Ну, отведём МЫ их в баню…». Похоже, что ему стало искренне меня жаль – какие уж тут ряды Фурье! И точно! Отвели и помыли! До сих пор диву даюсь, но назад в Троицкую мы возвращались строем и с песней. А Рио-Рита так и прождала меня весь вечер, глядя в окно на дорогу. В новом вечернем платье...

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ

Занималась кровавая заря. Нет… Этот запах я запомнил на всю свою жизнь… Нет, опять не то! Эврика!!!

Вдребезги исколотый антибиотиками, я тосковал в мрачных стенах инфекционного отделения Краснознаменного военно-морского госпиталя.

Как и подобает в таких случаях, совершенно внезапно у меня закончился «Беломор», а тогда другого мы и не курили. Деньги-то были, а вот из инфекционного отделения нас, болевших ангинами и гепатитами, никуда не выпускали – был объявлен карантин по гриппу, да и госпитальная военторговская лавка с броским названием «Колониальные Товары» была постоянно закрыта на переучёт. Единственная надежда была только на Риту. Сероглазая, русоволосая и безмерно интеллигентная Рио-Рита, эта недавняя рафинированная выпускница-отличница мединститута и безусловная любимица моей мамы, под тяжестью клятвы Гиппократа в те годы трудилась в районной поликлинике – вдумчиво стучала молоточком по коленкам героических тружеников тыла и судоремонта. Рита была удивительной женщиной - она могла в самый неподходящий момент стать серьёзной, прошептать «Ой, извини…», резко отбросить одеяло, да так резко и правильно, что этому хитрому приёму у неё могли бы поучиться курсанты первого курса, от которых ещё пахнет материнским молоком, босоного протопать к книжной полке, снять оттуда томик трудов профессора Луки Войно-Ясенецкого и погрузиться в чтение, сидя в кресле в чём мать родила… Одно слово - Доктор!

Хорошая была Рита! В добавок к её диплому с отличием и чудному характеру, у неё были три несомненных достоинства, а именно – её маленькая грудь, что умещалась в мозолистую черноморскую ладонь! Проверено электроникой, как сейчас модно говорить! Плюс к тому - она умела печь торт "Наполеон" и эпизодически курила "Беломор". Эх … это какое же нужно было ей терпение иметь, чтобы слушать мои бесконечные космические бредни; хотя, скажу честно, иногда она смеялась до слёз - смеялась так, что падала на спину и коленки к подбородку подтягивала! А тонуть в горячих струях и беспокойных потоках моих дурашливых чувств - иногда по несколько раз за ночь? Да уж, это удовольствие тоже было на очень большую любительницу!

Моя мама, будучи врачом старой клинической закалки, спала и видела, чтобы умница Рита решительно прибрала к рукам её беспокойное чадо - "Где ты ещё такую найдёшь? Отличница... Врач... А какие у неё родители!". А вот это не входило в мои планы! По молодости лет я побаивался эту «отличницу» - куда мне было до неё с моими более чем скромными академическими успехами? Но было здесь и другое: мои горячечные фантазии регулярно уносили меня на брега Невы - в Город Трёх Революций, где я видел себя склонившимся над не меркнущими в веках трактатами академика Бориса Григорьевича Галеркина - при тусклом свете восковых свечей и с обязательным гусиным пером в руках. А Рите виделись эротические фантазии несколько иного рода - она представляла себе, как мы гуляем под ручку меж пальм и рододендронов Приморского бульвара, при этом я представал перед ней в «форме раз» - в белых брюках, при кортике и с рваной противогазной сумкой через плечо, что мне казалось странным. Рита хотела навсегда остаться в Севастополе, и, может быть, в этом она была права. Ничего у нас не срослось. Марго ещё на год-другой набралась терпения, чтобы стойко переносить мои дикие выходки, после чего она счастливо вышла замуж, а я спокойно вздохнул... Увы, Рита! А может быть оно и к лучшему? Никто этого не знает. Сейчас я могу об этом говорить открыто и апостериори - эта, уже степенная бабушка, сейчас неспешно выгуливает своих внуков где-то в районе севастопольского Парка Победы и кормит их 3%-ой манной кашей… Марго, дорогая! Может быть, ты когда-нибудь забредешь на эти страницы, прочитаешь мои мемуары и вспомнишь то весёлое и, увы, невозвратное время. Или я к тебе в гости заеду?

Я позвонил Рите и попросил её принести мне папиросы. «Горе ты моё, а как же я в госпиталь пройду без пропуска?» - «Рит... Ты, уходя с работы, белый халат не снимай. Подойдешь к проходной – расстегни шубу и вперёд… Никто даже и не спросит! Мало того, что ты – доктор, ты еще и похожа на доктора!». Дело оставалось за малым – выбраться из застенка. Мой героический прыжок из окна гальюна второго этажа в цветочную клумбу обошёлся без переломов и вывихов! Вслед мне кто-то их желтолицых гепатитчиков сбросил застиранный госпитальный халат, который свалился в ту же клумбу отвратительным несвежим комком. Я поднял с земли форменную шапку, быстро привел себя в надлежащий вид и двинулся в точку «rendez-vouz» – к фонтану с золотыми рыбками, что около ЛОР отделения находился.

Королева Марго, не подумав о возможных трагических последствиях своих коварных приготовлений, заблаговременно привела себя в состояние повышенной боевой готовности – подкрасила тушью реснички и надушилась «Пани Валевской». А тут и я – в полинявшем от многочисленных стирок госпитальном халате, насквозь провонявшем хлоркой и карболкой, из-под фланелевых брюк безжизненными макаронами выбивались на свет божий завязки некогда белых холщовых флотских подштанников … Стоило мне только увидеть Марго, поцеловать её в розовую щёчку, почувствовать её свежее теплое дыхание и увидеть прядку выбившихся из-под пушистой шапки русых волос, как я тут же забыл, зачем она-таки пришла ко мне. Всё это и называется «запах женщины»! К тому моменту я отлежал в госпитале уже около трёх недель. Я, чуть было, не разорвал Риту, как Тузик грелку - она отбивалась от меня с отчаянием обречённой женщины, которую собираются подвергнуть насильственной стерилизации. Какой пассаж! Проходившие мимо люди с интересом смотрели в нашу сторону. С грехом пополам, несколько помятая, но гордая от своей уверенности в искренности переполнявших меня в тот момент чувств, врач-невропатолог Маргарита Александровна Жданова доставила меня в ставшее мне почти

родным инфекционное отделение, где мы и попрощались, я бы даже сказал, трогательно. Всю ночь меня душили кошмары! А о досрочной выписке и речи быть не могло, как мне на следующее утро поведала старший врач-ординатор капитан медслужбы Волконская.

Новый год я встретил вдвоём с Марго. Это были её пустые хлопоты в казённом доме – ничего у нас не срослось. А может быть, это и было к лучшему? Кто знает... Как думаешь, Рио-Рита?

ЗАЙКИНА ШУБКА

Если начать рассказывать обо всех моих "морских геройствах", что я творил в молодые годы под каштанами и акациями Севастополя, то у вас у всех непременно завянут ухи. Но, что было, то было. Я ни о чем не жалею – жизнь прожита не зря, и мне есть, что вспомнить. Жалко лишь то, что моя мама переживала безмерно за своего неразумного сына. Хотя, почему же неразумного? Блудного сына, вот оно – правильное определение. Я, с грехом пополам, дотянул строевым шагом до подполковника и даже стал кандидатом технических наук, обеим метаморфозам я сам безмерно удивился. Честно говоря, сам того не ожидал от себя!

Была в те славные давние восьмидесятые годы у меня, скажем так, «приятельница», звали её… Впрочем, кому интересно то, как её звали? Ей нравилось, когда её звали Зайкой. Зайка нравилась мужчинкам, чего тут греха таить, ибо она являла собою подобие некоего стандарта патентованной красавицы местного севастопольского разлива. Она это знала и даже гордилась этим. До поры – до времени. Непутевый Зайкин муж служил на бригаде ОВРа в Стрелецкой, и Зайкина АЖП (активная жизненная позиция) заключалась в том, что она постоянно продвигала медленно движущуюся офицерскую очередь на получение квартиры – писала жалобы на несправедливость в Политуправление флота и регулярно ходила на приемы к начальству. Однажды она попала на прием к печально известному севастопольскому мачо – командиру 68-й бригады ОВРа капитану 2-го ранга Бориске Борисковичу Кожину. И этот побитый алкоголем и шашелем «мачо з вусами» (хотя более правильным в данном случае будет слово «чмо»; кстати, этот самый, в последствии, «вышиваночный» вице-адмирал Кожин оказался первым и последним в моей жизни адмиралом, которого я послал нах…) обратил на неё самое пристальное мужское внимание. Зайка поведала мне об этом с гордостью! Дурочка, нашла, чем гордиться. Да мало ли кто обращал внимание на меня! Я же ей об этом не рассказывал. Зайка всегда выспренно говорила о семье, как о некоей загадочной для моего человеческого сознания ячейке социалистического общества, не забывая, при этом, регулярно жаловаться на непонимание и невнимание противоположной стороны. Её странная преданность идеалам семейного бизнеса доводила меня до крайней степени ступора непонимания – из всех доступных человеческому разуму блюд Зайка умела лишь варить пельмени.

Мои романтические встречи при свечах с Зайкой иногда проходили на грани фола. То вдруг внезапно вернется из школы по причине отмены урока рисования её дочка-первоклассница «Ёлочка». И одетая в платье наизнанку Зайка начинает блеять, что этот странный дядя в тельняшке и без ботинок (брюки я все-таки всегда успевал натянуть на себя последним усилием угасающей воли) «записывает мальчиков в кружок Юных Моряков, но он не знал, что у нас растет девочка». То какая-то очередная сестра с вдребезги сопливым племянником в гости заявится; то свекровь начинает по телефону

названивать, и ещё не вернувшаяся «в меридиан» Зайка, одетая в костюм Евы, начинает представление – «Мама… мамочка…», а меня в этот момент на гомерический ржач пробивает.

Как-то раз забрел я к Зайке на тематический огонек под броским лозунгом «ОН опять ушёл в море на целую неделю». Я уж и сам-то не знаю, почему «ОН» состоял в штрафном разряде «дураков», и какие такие умные вещи хотела услышать Зайка от меня – наверное, что-нибудь интересное из численных методов решения уравнений математической физики. Выпили по первой – налили по второй. И тут раздался скрежет ржавого ключа в несмазанном замке. Ясное дело – с какой стати в доме корабельного инженера-механика будут исправно работать инженерные системы обеспечения жизнедеятельности? Это из «дальнего похода» внезапно вернулся Зайкин «ОН». Было похоже на то, что выход его МПК в море отменили вообще. И я увидел «ЕГО» - старшего-лейтенанта-инженера корабельно-инженерной службы. А я и сам в ту пору был старшим-лейтенантом-инженером, только береговой службы. Таким образом, погоны у нас были одинаковые, разным был лишь цвет инженерных «молоточков»: у него были серебряные, а у меня – золотые. Зайка, всегда готовая, как юная пионерка, радостно защебетала о том, что пельмени уже почти готовы, а это – сослуживец Володи Кононенко приехал в отпуск с Тихого океана, из Тимофеевки. И даже подарок Володька прислал, вот он – тут Зайка вытащила из недр холодильника баночку красной кетовой икры. Откуда у Зайки оказалась кетовая икра, я даже представить себе и по сей день не могу. Шёл 1982-ой год - не то, что кетовой икры, картошки в продаже не было. Мифический тихоокеанец Володя Кононенко не шёл у меня из головы. Как он выглядит, если придется его опознавать по фотографии? Кто он по специальности – штурман, минер, механик? На каком корабле он служит? Назревала, мягко говоря, мелкая неприятность. Я встал навстречу Зайкиному супружнику, вошедшему на кухню, где мы, было, поначалу расположились с инфернальной проказницей Зайкой. Упреждая любые вопросы, я передал горячий тихоокеанский привет от Вовы и тут же сказал, что Вову по здоровью списали с корабля на берег, и теперь он командует взводом охраны береговой базы. Никаких вопросов не последовало, и я решительно засобирался - «Мне бы ещё в комендатуру зайти – на учет встать! Так что…». Гостеприимная Зайка участливо спросила, не хочу ли я пельменей? «Да не пошла бы ты нах… вместе со своими слипшимися пельменями!», - прочитала она в моей доброй ответной улыбке.

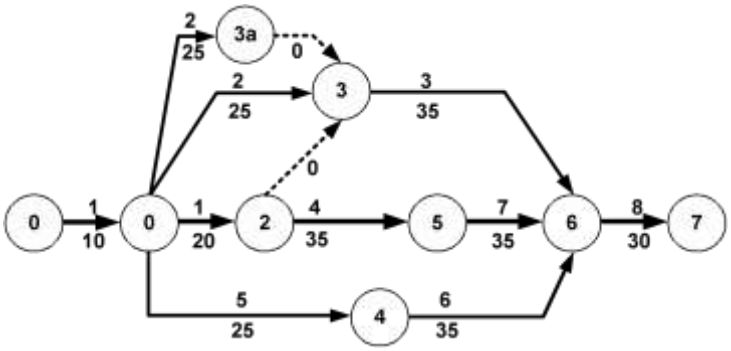
Я надел шинель и гордо вышел из их убогого рубища… Пришел домой. Мама очень обрадовалась и тут же начала суетиться на кухне – «Мальчик со службы вернулся в кои веки!». А отец смотрел на меня с недоумением – «А когда это тебя в штат корабельно-инженерной службы перевели?», - и указал мне путь к зеркалу. Ничего не понимая, я уставился в зеркало и увидел на погонах старшего лейтенанта СЕРЕБРЯНЫЕ инженерные «молотки». И что-то невнятное буркнул отцу в ответ…

Так и ходил я героем - всю зиму в этой корабельно-инженерной шинели, а мои сослуживцы ржали в голос, смакуя детали и подробности происшедшего. В наших кругах имя «Зайка» стало именем нарицательным. А про меня в ту пору говорили – «носитель Зайкиной шубке». Наступила весна, срок носки моей сгинувшей в Зайкиных хоромах шинели подходил к концу, и я с облегчением выбросил «Зайкину шубку» в мусорный бак. И вместе с этой корабельно-инженерной шинелью в тот же бак улетела и сама Зайка, и её легендарные пельмени…

«ГОРЕ ОТ УМА»

Свою титаническую деятельность по окончании Училища я начал в Троицкой. Мы все, как и следовало ожидать, успешно сорвали сроки ввода объекта в строй - кабельная продукция была практически недоступна. Наверстывая упущенное, приходилось работать без выходных и проходных, без обедов и ужинов.

Как снег на голову - меня поставили в известность о том, что на объект для "разбора полётов" внезапно должен прибыть начальник отдела ВИС флота контр-адмирал Константин Константинович Беспальчев со всей своей штабной сворой, вернее – со свитой.



Понятное дело, что и мой командир туда же явился, конечно же – как тут без него. И мои начальники рангом пониже. Прибыли, стало быть. Все одеты с иголочки - брюки поглажены, ботинки - черный мрамор, белые кашне у всего стада. Тут и я подошёл к ним – покрытая плевками и пятнами сомнительного происхождения "канадка" насквозь провоняла соляром, пилотка - как с убитого снял, в подворотничок кителя - хоть картошку сажай, понятное дело, что ботинок на мне не было и быть не могло – брюки в сапоги... Контр-адмирал Беспальчев начал методично глумиться - " Почему срываете сроки?". Думал он долго, но решил мудро - причина срыва сроков заключается в том, что мы не используем "сетевой график". Спросил у "свитских", знают ли они, что это такое. А ларчик-то просто открывался – незадолго до события в свет вышла чудо-книга под названием «Сетевое планирование на флоте». Все молчали…

Тогда Константин Константинович устроил «театр одного актера» - закатив глаза в припадке праведного негодования, он, голосом провинциального актёра-трагика, спросил - "Ну хоть кто-нибудь знает, что это такое? Вы книги-то хоть читаете? Или только водку пьёте?".

А я только из училища – с «красным дипломом»! Вот я искренне и решил выправить весь трагизм сложившегося положения. "Я знаю, товарищ контр-адмирал!" - "Литинант, а кто Вы такой?" (прозвучало это "де-факто" примерно так - "Тебя сразу уе… или дать тебе подёргаться?"). Я представился и доложил все, что знал и помнил и про «критический путь», и про «резервы времени» - училищные знания были ещё достаточно свежи в моей

памяти. Удивительно, но наши знания совпали, товарищ контр-адмирал только и сказал - "Вот… Молодец!", потом повернулся к верховным жрецам и высказался в таком ключе - "У вас это лейтенант знает, а вы все стоите и молчите. Мудаки вы все!". Сел в "Волгу" и уехал.

Мой командир вынул из пачки папироску, вдумчиво её размял, закурил, мечтательно затянулся и сказал - "Ну, профессор, ты и выдал … Иди-ка сюда, голубь сизокрылый!".

А вы читали "Кама-сутру"? Вот именно…

«МАМКИ»

Их было двое – Светлана Михайловна Кутейникова и Полина Александровна Безручко… Хорошие были «мамки», добрые и заботливые! И было им в ту далёкую героическую пору лет по 35, не больше. А мне было 23. Для меня они были уже матерыми «мамочками». Я так смеюсь сейчас, когда пишу эти строчки. Вот дурак-то был! И совершал я в ту пору свои «морские геройства" в Троицкой балке. Худой был я в ту пору – брюки сваливались постоянно, ибо завтракать я не успевал, так как боялся опоздать на службу; в обед, по обыкновению, приезжало начальство, а ужин… Да что тут говорить! Мамкам, честное слово, было меня искренне жаль, и они постоянно подсовывали мне или пирожок сладкий, или бутерброд с какой-нибудь «собачьей радостью» - другого-то не было; это сейчас можно скривиться при виде бутерброда с красной икрой, а тогда... Строгое было время! Строгое, но справедливое!

Сразу после празднования дня ВМФ меня вызвали в штаб соединения - нужно было дать ответ на вопрос «Кто виноват?». Ответ на вопрос «Что делать?» никого не интересовал априори.

«Разбор полётов» длился недолго, но закончился мудро – командиру части объявили выговор, главному инженеру – строгий выговор, и т.д. по нисходящей - меня предупредили о неполном служебном несоответствии. Мы вышли из преисподней, и главный инженер хорошо известным всей округе тоном сказал мне – «Слышь, ты, Ален Дэллон с голубыми глазами! Если завтра к утру не сделаешь, то тебе Советская Гавань раем покажется. Я не шучу! Иди…». Не буду описывать в деталях всю эту героическую ночную эпопею, так как сам их уже плохо помню. Помню, как всю ночь мы прокладывали кабели, ставили муфты; наконечники и т.д.; прозванивали жилы; измеряли сопротивление изоляции и омическое сопротивление шлейфов… обтягивали фланцевые соединения… перебирали запорно-регулирующую арматуру. Среди ночи пошёл проливной дождь, но к 08.00 всё было готово за самым малым исключением. В 08.30 я увидел целую стаю адмиральских фуражек – они шли прямо на меня. Я представился вице-адмиралу В.А. Самойлову. Самойлов, как ни странно, очень спокойно спросил меня – «Товарищ лейтенант, а что у Вас не получается? И какая Вам нужна помощь? Да не волнуйтесь Вы! Докладывайте спокойно!». Разобрались – виноватыми оказались все без исключения. А «что делать?» … Да ничего не делать – все уже было сделано. За одну ночь. Начальники разъехались по своим штабам и натёртым паркетам. Моих молчаливых исламистов увезли спать после бессонной ночи, а я остался сиротой среди обрывков кабелей и обрезков труб – нужно было прийти в себя. Шли вторые сутки без сна. Конечно же, можно было пойти пообедать в расположенную неподалёку военторговскую харчевню «У Магомедыча», но мне не то, что обедать не хотелось – мне не хотелось жить, ибо я был противен сам себе. Я зашел в помещение дежурного по объекту, последним усилием угасающей воли сбросил с себя ботинки, снял провонявшую потом и

соляркой грязную донельзя «куртку рабочую х/б» и замертво повалился на топчан. Проснулся я уже под вечер. И тут, рядом с топчаном, на спинке стула я увидел мою куртку – выстиранную и поглаженную…

Дорогие мои «мамки»! Вот сколько лет прошло с той поры, а я и по сей день помню и люблю вас обеих какой-то особенно искренней, нежной и доброй мальчишеской любовью… Хорошие вы мои…

«ИДИОТ»

Полковник технической службы Герман Сергеевич Третьяков был очень странным человеком - у него явно «имели место быть» большие проблемы с головой. Плюс ко всему, это был невероятный начётчик и подхалим, отчетливо понимавший, что очень скоро его лебединая песня будет спета – возраст реально подпирал! А как хотелось ещё, хоть самую малость, послужить в Севастополе. Для достижения этой цели Герман Сергеевич был готов ко всему!

В 227-м батальоне, что был расположен за Малаховым курганом, построили гальюн на сорок «посадочных мест». Строили "хозспособом" - денег было мало, посему экономили на всём. Построили эдакое, я бы сказал, внушительное чудо-сооружение. Очень даже функционально-устойчивое оно получилось. С точки зрения функциональной оно являло собой 40 отверстий, прорубленных в плитах перекрытия выгребной ямы. И всё!!! И всё!!! Ответственным за строительство этого стратегического объекта и был приснопамятный Герман Сергеевич. Посмотреть на построенное "чудо века" прибыл начальник управления – брюзгливый и занудный полковник-инженер Сеня Полоцкий.

Зашел, посмотрел, скривился и сказал - " Третьяков, Вы в каком веке живёте? Что это за безобразие? Почему не установили перегородки между дырками? Что же это такое получается? Почему Вы молчите? Деньги сэкономили?". Герман Сергеевич в очередной раз, вместо благодарности, стремительно раскручивался на мощный подзатыльник. "Ну, хорошо… Не хотите отвечать, и это понятно – Вам уже стыдно! Так Вы хоть подумайте! Скажите мне следующее - вот вы сидите здесь и оправляетесь, тут вхожу я, спускаю брюки, сажусь рядом с Вами и начинаю оправляться прямо у Вас на глазах. Ответьте - Вам это будет

приятно?". Герман Сергеевич густо покраснел, потупил глаза и тихо сказал - "Так точно, товарищ полковник!"...

Я был свидетелем этой исторической сцены - меня, хохочущего до почечных колик, до эпилептического припадка, чуть ли не водой отливали... На глазах у всего личного состава и самого Германа Сергеевича!

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА»

Как я же говорил, командир части предпенсионный полковник технической службы Герман Сергеевич Третьяков производил на меня впечатление странного человека. Странного, если не сказать большего! Это был прообраз ископаемого неандертальца - «последнего из могикан» доперестроечного периода. Полной противоположностью ему был наш главный инженер – тридцатичетырёхлетний подполковник-инженер Алексей Николаевич Малинин - предел эротических мечтаний севастопольских девственниц и старых дев в возрасте от двадцати пяти лет и выше. Этот сказочный персонаж, изнурявший себя непрекращающейся дегустацией качественных крымских вин высшего качества и ночной игрой в преферанс, был внешне похож на доброго кота Ваську, который вдоволь поел жирной сметаны.

Кончался февраль 1980 года... Ровно в 16.45 я надраил ботинки до нестерпимого блеска и с заметным удовлетворением оглядел себя в зеркало. Красавец! Через 15 минут городской катер, этот белокрылый трансатлантический лайнер счастья, отправляющийся с Троицкой, должен был начать мой круиз в сторону Графской пристани, где меня уже ждали друзья и подруги. Вечер обещал быть весёлым. А за моей спиной, на короткое время, должны были остаться и «морской театр военных действий», и увлекательная военно-морская служба со всеми её так и нерешёнными вопросами, постоянными тяготами и запредельными лишениями. Мои последние заветы советским воинам - горячо мною любимому личному составу - были по-спартански короткими и предельно ёмкими – «главное, за время моего отсутствия, не нажраться до зелёных соплей и не поубивать друга. Я скоро приеду… Смотрите у меня!». И я, счастливый от предвкушения короткой, но уже столь близкой свободы, стремительно убежал на причал, где раздавались последние призывные гудки готового к отходу «парохода».

Командир части прокрался неведомой тропою на объект, которым я командовал, ровно в 17.30. А там его уже никто не ждал. Даже не доложили! В этом внезапном приступе разочарования от встречи с прописными истинами жестокой флотской действительности он долго и безуспешно пытался разыскать меня среди молодецки брошенных на землю обрезков кабелей и труб, между которыми сиротливо бродили немногословные защитники Родины Мирзамумминов и Худайбердыев. Вопрос «А где товарищ старший лейтенант?» сиротливо повис во влажном вечернем февральском воздухе. И, распугивая медленные снежинки, над плавно погружающимися в февральские сумерки причалами Троицкой ещё долго носился звериный вой Германа Сергеевича, вгонявший в состояние животного страха отставных мичманов, поселившихся в уютных мазанках "Нахаловки" и "Парасовки". А случайно уцелевшие современники той героической поры рассказывают, что этот истошный крик смертельно раненого зверя можно было услышать и в Килен-бухте, и, даже, в бухте Голландия... Следующим утром я прочитал в книге телефонограмм распоряжение о том, что к 19.00 мне надлежит прибыть к командиру на «разбор полётов». Целый день у меня ушёл на то, чтобы подшить чистый подворотничок и погладить брюки.

Всё валилось из рук, а обед "не пошёл"... Моё предчувствие, с завидной постоянностью, рисовало весьма мрачные картины из серии «Арест пропагандиста» Маковского, «Последний день Помпеи» Карла Брюллова и «Девятый вал» Айвазовского.

В 18.50 я вошел в сияющую огнями командирскую приёмную и увидел почти всех своих сослуживцев – хронических «залётчиков» и неисправимых нарушителей железной флотской дисциплины, приглашённых командиром на сеанс одновременной суровой мужской любви. В 19.00 понурые грешники молчаливой колонной проследовали в командирский альков под ласковые слова – «Ну, коллеги, проходите…». Верховный Синедрион был представлен двумя жестокими прокураторами – Германом Сергеевичем и Алексеем Николаевичем. А далее все шло по отработанному годами бессмысленному военно-морскому сценарию жестокого надругательства в извращённой форме над светлыми идеалами демократии и свободы, за которые безуспешно боролись и гордо поднимались на эшафоты декабристы и народовольцы. Кающиеся грешники вставали по одному и покорно пили изливаемую командиром желчь, с закуской в те годы было сложно… Командир, неспешно отпуская наши многочисленные грехи, искренне негодовал по поводу нашей духовной опустошённости и циничной безнравственности, а в то самое время кот Васька, утомленный преферансом и крымскими винами, сладко дремал в соседнем кресле… Часа через два очередь дошла до меня, и я начал слушать упреки и попрёки – «Почему покинули объект? Вот, когда я был старшим лейтенантом, я, вообще, никогда и никуда с объекта не уходил. Почему не укомплектованы пожарные щиты? Почему просрочены огнетушители? Вот, когда я был старшим лейтенантом… Почему личный состав нарушает форму одежды?.. Почему на отметке «плюс 10» ничего до сих пор не покрашено? Вот, когда я был старшим лейтенантом… Я Вас не спрашиваю, почему!!! Я Вас спрашиваю - ПОЧЕМУ?????». Это был доведённый до высшей степени флотского маразма «театр одного актера», ибо мои ответы командира совершенно не интересовали…

Гневный голос плешивого Громовержца стремительно взбирался до высот Джомолунгмы, готовый обрушиться оттуда на мою голову смертельным электрическим разрядом неотвратимого дисциплинарного взыскания. Эрекция цицероновского красноречия душила нашего бесстрашного военачальника. Он парил в небесной выси, подобно горьковскому Буревестнику – этот пламенный трибун героических воинских будней, этот безумный штурман летающих тарелок! Уже на грани полнейшего экстаза, еле сдерживая искренний пафос загробных рыданий, командир громко прокричал со своей импровизированной сцены – «Товарищ старший лейтенант!!!! Я хочу добиться от Вас только одного!!! Только одного!!! Вы должны сделать всё!!! В срок!!! И никуда не уходить!!! И никогда!!! И всегда!!! Постоянно!!! И никаких оправданий!!! Научитесь принимать решения!!! И выполнять!!! И снова принимать!!! Всегда!!! На своём объекте Вы должны быть и царь, и Бог, и воинский начальник!!! Вы самый главный!!! Только Вы!!! И никто другой!!!». Закончив на этой оптимистической ноте свою пламенную речь, наш местечковый Терминатор судорожно вытер рукавом тужурки закипевшую на губах слюну – верный признак близкого эпилептического припадка – и победно посмотрел в притихший партер. Он старался заглянуть в душу каждому зрителю этого театра полнейшего абсурда. Его безумные глаза – глаза помеси снежного человека и лохнесского чудовища - пытливо блуждали по затихшей аудитории, которую он, своими ораторскими фрикциями, ухитрился безвозвратно вогнать в состояние полнейшего кататонического ступора. Блуждали его глаза до тех пор, пока не остановились на мирно спавшем главном инженере…

И тут командир спросил его - «Алексей Николаевич! Доложите! Я всё правильно сказал? Как Вы думаете? И что?». Малинин проснулся окончательно и посмотрел на происходящее затуманенным взором мутных глаз. Сначала посмотрел на меня, потом посмотрел на товарища командира - Алексей Николаевич вяло оценил обстановку, рефлекторно-подсознательным напряжением остатков моторной памяти вспомнил отдельные слова зажигательной речи, случайно пробившие оболочку предательского сна, подумал и отчетливо доложил – «Всё правильно, товарищ командир! Ко всем нашим неприятностям не хватало бы ещё только того, чтобы каждый мудак начал ощущать себя Наполеоном…».

«ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

Зинуля отбывала повинность – она работала техником, и в её заведовании находились кабельные линии связи в Балаклаве, на улице Назукина.

Эдакая она была принципиальная мышка-норушка, которая не хотела подписывать акты приема в эксплуатацию этих самых злополучных кабелей. У начальника балаклавского участка - моего почти однокурсника по училищу старшего лейтенанта-инженера Игоря Власовича Бабийчука - проблемы уже начинали маячить перед глазами кровоточащим болезненным геморроем. А Зина была неприступной, как Троя! И Игорь решился...

Это было поистине командирское решение! Он знал, что Зина, к своим тридцати двум годам, так и не была чрезмерно избалована мужским вниманием. Ей, как и любой женщине, хотелось чего-то романтического, фантасмагорически-красивого, пахнущего изысканным ароматом майских цветов... а доступными тогда были только бычки в томатном соусе. Игорь сказал честно - "Зинуля! Телефонная связь - ненадёжная связь. Подпиши акты, а я тебя с таким уникумом познакомлю - закачаешься! А далее - всё будет твоих руках!". Договор был скреплен совместным дружеским распитием бутылочки портвейна "Таврического крепкого", что заслуженно был назван в народе простым словом "Мухомор". И Зина непростительно раскатала губы.

В подчинении у Игоря проходил службу истинный обалдуй - лейтенант-инженер Серёга Михайлов, и было ему в ту пору лишь двадцать три года от роду. Этот неряшливо-невнятный выпускник какого-то гражданского ВУЗа был призван в ВМФ на два года и направлен для прохождения службы не куда-то там, а в Севастополь. То была несправедливость высшего пилотажа! Мы постоянно разыгрывали шутки над этим "пиджаком", так и не постигшим азы верного воинского воспитания в мрачных стенах кирпичных казарм, что на выходили окнами на улицу Чайковского. Мы ему объясняли правила ношения формы одежды на флоте, а именно – «с 1-го октября нужно начинать носить черную фуражку, с 1-го мая - белую. А с 1-го сентября нужно под брюки надевать кальсоны». Он выполнял заветы «годков» неукоснительно, а инструкции - беспрекословно, точно и в срок. Прикиньте - начало сентября в Севастополе, а он потеет в «ляпиках с начёсом»! А что тут поделаешь - флот!!!

Игорь поставил перед Серёгой задачу - добиться Зининой благосклонности любой ценой. Выдал Серёге два рубля на цветы, клочок бумажки с Зининым домашним телефоном и отпустил со службы до утра следующих суток. А тут нам нужно вспомнить важную деталь - Серёга жил тогда в печально известном «тридцать девятом чудильнике», что на Нижних Остряках. Горячей воды там не водилось с момента основания «чудильника», да и с холодной водой перебои частенько случались. У Серёги, как у любого нравственно

здорового лейтенанта, никогда не хватало времени - ни позавтракать, ни пообедать. А про ужин я, вообще, молчу – ужин Серёга всегда отдавал врагам. Белье постельное и полотенца он не менял месяцами - тоже времени не было...

Позвонил он Зине, купил цветы по дороге и пошёл решать задачу. Зина встретила пришельца во всеоружии – она была одета по последней бахчисарайской моде, раскрашена по-боевому, она была прилежно причёсана и нежно пахла одеколоном "Ландыш". Не женщина, а мечта трудящихся! Приготовила поесть, красиво стол накрыла, выставила дежурную бутылочку "Мухомора" (в продаже ничего другого тогда и не водилось!). Присели и выпили по первой... а потом Серёга методично съел все, что Зина выкатила на стол. Зина с восхищением смотрела на этого молодого монстра, съевшего её стратегические запасы - её больное воображение рисовало маслом картины порочной страсти и вожделения... Дело неумолимо шло к развязке сюжета. Серёга выпил чайку и пошёл в ванную, где он вылил на себя весь имевшийся у Зины шампунь "Гадкий утёнок" и стёр до основания купленную Зиной мочалку. Мы потом ещё у Серёги спрашивали, успел ли он тогда постирать свои носки?

Зина отвела его в альков - на поле предстоящего сражения за своё будущее, застеленное чистыми и нежно пахнущими батистовыми простынями. А сама пошла принять душ... Серёга с тихим стоном ностальгии повалился на чистые простыни и мгновенно уснул! Как убитый, поймите же и вы Мужчину - поел вкусно, помылся горячей водой - впервые за три недели … чистые простыни, пахнущие весенними цветами, сказками Венского леса и закатом Зининой молодости... Всю ночь напролёт Зина безуспешно пыталась разбудить его. Куда там! Бесполезно – балбес Серёга спал богатырским сном счастливого младенца...

А убитый горем Игорь Власович Бабийчук, чертыхаясь и проклиная всё на свете («Наберут придурков, а мне разгребать!»), ещё полгода пытался сдать Зине неработающие кабельные линии флотской связи.

«РАДУЙСЯ, НЕВЕСТА НЕНЕВЕСТНАЯ!»

Поздним субботним вечером я уныло возвращался с дежурства в «чудильник». Очень хотелось есть. С присущими мне педантичностью и деловитостью я благополучно довел своё хозяйство до состояния полного интеллектуального истощения. В сухом остатке были только пачка краснодарского чая (помните, такой кубик за 38 копеек?) и менее половины стеклянной майонезной банки с сахаром. А в кастрюле был замочен для стирки белый форменный шарф, который уже начал бродить в мутной мыльной пелене... И всё!!! Идти в родительский дом не хотелось - к тому времени мне уже порядком поднадоели постоянные выговоры, длительные нравоучения и бесконечные воспоминания о том, как славно служили офицеры флота в какие-то неведомые мне далекие 50-е годы. Отец терпеть не мог несвежий подворотничок на моем кителе, а что я еще мог ему показать после суток, проведенных на дежурстве. Чувство голода, переходящего в начальную стадию добровольно-принудительной анорексии, рисовало в моём сознании весьма мрачные картины – замерзающий блокадный Ленинград, Дорогу Жизни и дневник Тани Савичевой…

И тут яркими фонарями засияла точка общепита (знаете такое кафе на Гоголя, 20 - в подвале и по сей день находится, а вход с торца; правда, в последнее время там, как правило, поминки справляют). Сама судьба бросила мне заветный спасательный круг! В непритязательно оформленном вестибюле толпились какие-то совершенно незнакомые

мне офицеры. Было ужасно накурено, из-за стеклянной перегородки была слышна музыка и чьи-то молодые веселые голоса. "Папашка" - бывший начальник штаба дивизиона базовых тральщиков - безоговорочно принял мою шинель, и я прошел в зал. Более чем шикарно накрытые по тем временам столы были расставлены "покоем", за ними что-то шумно праздновала весёлая флотская компания, обильно разбавленная весьма миловидными особями женского пола. Как я впоследствии понял, я попал на свадьбу! Я подумал, что мне тут ничего не светит - я никого из них не знал, а отдельного столика не было. И тут один из участников сего яркого действа закричал на весь зал козлиным фальцетом: "Опоздал! Опоздал!! Опоздал!!!". - "Да я только что с дежурства сменился!!!". - "Штрафную ему!!!". И понеслось.... Я выпил штрафную, меня чинно усадили за свободное место, слева и справа подсели две неизвестные мне красотки и начали накладывать мне в тарелку салаты, селёдку, холодцы, мясное ассорти - я себе ни в чём не отказывал и постоянно требовал "побольше подливочки". Моих случайных соседок постоянно приглашали танцевать, но мне они были искренне безразличны – к тому времени я уже начал почти что серьёзно готовиться к сдаче кандидатского минимума по диалектическому материализму. Через двадцать минут я почувствовал, что я сыт, и настало время покурить. Я вышел в вестибюль, где одиноко покуривала нарядно одетая молодая женщина ... Очень даже ничего, и даже немножечко больше... Она стояла, прислонившись к стене и уперев в ту же стену согнутую в колене правую ногу. Мне ничего не оставалось делать, как попросить у неё огоньку - для начала разговора, который я начал с риторического вопроса: "И чего Вы это тут одна скучаете?". Её ответ прозвучал в высшей степени философски - "Да ну его нах!". Вот это номер! Покурил, как говорится, с видом на урожай. Я предложил ей продолжить мероприятие в зале, и возражений не последовало. Выпили, закусили, поговорили – посмеялись; выпили ещё - опять посмеялись...

И тут натренированными флотом кормовыми рецепторами и анализаторами я почуял за спиной враждебно-подозрительный шум. Повернувшись, я увидел двух офицеров, которые держали за руки пьяного в хлам совсем молодого лейтенанта – такие личности, как правило, служили на тральщиках. Пьян он был серьёзно - мертвецки бледное лицо, крупные капли пота катились по его лицу, при этом от него исходила заметная агрессия в мой адрес. "Ребята, а вы видели, как меня здесь встретили? Как лучшего гостя. А это что за чучело? Пусть ведёт себя прилично, иначе возможны варианты!". - "Послушай, старик, да ведь это - жених!!!". - "Так пусть этот счастливый молодожён валит к своей невесте. И, вообще, я не знаю, что он сегодня с ней делать будет. Так нажраться...". - "Так ведь ты его жене уже минут сорок на виду у всех мозги крутишь!!!".

Мать твою хвать! Как же близок я был к началу Третьей Мировой! Вот так, девочки! На свадьбу вы впредь, все-таки, фату надевайте, а не кимоно! Фата - это такой карнавальный наряд...

ИБРАГИМ - ОГЛЫ

Командиром торпедного арсенала ту пору был отличный человек, настоящий моряк - капитан 1-го ранга Рагим Магомед-оглы Мирзоев. Мне, вообще, везло по жизни на хороших людей! Если бы этот командир приказал мне выпрыгнуть за ним в окно, то я бы выполнил этот приказ без раздумий! Справедливый он был, а это в нашем деле - очень важное качество. И командирское, и человеческое.

Засунув руки глубоко в карманы видавшей виды «канадки» (перчатки я в очередной раз потерял) и, прислонившись к поручням трапа, ведущего от здания штаба на техническую территорию, я вальяжно и непринужденно беседовал с особой, работавшей в части машинисткой. Высокая, золотоволосая… красивая… и, я бы даже сказал, «породистая»! Да, такие знойные субтропики можно было в те годы встретить только в Севастополе! Беда пришла откуда не ждали – «Товарищ старший лейтенант! Подойдите ко мне!». Ну, что тут поделаешь – подошёл и доложил. «Алексей, ну что ты творишь? Разговариваешь с ней, а сам развалился на поручнях. Куришь. Руки в карманах… Непорядок! Ведь она такая молодая!!!». И тут я совершенно искренне возразил ему – «Товарищ капитан 1-го ранга! Да какая она молодая? Ей уж, поди, лет тридцать есть!». Не надо мне было это говорить! По лицу Рагима Магомедовича побежали метастазы, с плохо скрытой ненавистью он посмотрел на меня и в полном негодовании вскричал – «Товарищ старший лейтенант! У Вас с головой всё в порядке? Идиот!!!».

Кабель привезли с опозданием недели на две, потом мы ещё недельку сушили его индукционным прогревом на барабанах. В результате 0.4 кВ переменного тока не были поданы к сроку на один из участков приготовления торпедного оружия. Возмущенный донельзя Рагим Магомедович отправился на поиски виновного, который и был мгновенно найден. Верно, это был я, и никто другой! Взбешённый Мирзоев, по лицу которого пробегали тучные стада метастаз, не стеснялся выражениях – он высказал мне всю правду про меня и про мою маму, он тряс кулаками у меня перед лицом… он топал ногами, и лицо его наливалось кровью… Меня всего трясло и колотило – и от страха, и от обиды, и от всего вместе взятого. Мирзоев ушёл, а я так и остался стоять оплёванным при скоплении всего честного народа. Часа через два Рагим Магомедович мерной черноморской поступью проследовал на обед мимо меня. Я, уже несколько придя в себя, сидел на скамейке и уныло мусолил «Беломор». «Ты что, Алексей, расстроился?» - «Расстроился, тов. капитан 1-го ранга. Вы такими словами обозвали меня! При всех! Конечно, расстроился…» - «Не стоит оно того! Пустое дело! Давай-ка мы лучше с тобой вместе пообедаем - мне сегодня арбуз принесли и виноград… Кофейку выпьем, покурим после обеда. Пойдем!». Вы не поверите – все мои печали как рукой сняло, раз и навсегда…

Прошло несколько лет. Пред судом офицерской чести за очередную пьянку предстал капитан 1-го ранга Соколов – бывший первый командир ТАВКР «Киев». Командующий флотом назначил председателем суда моего отца. На это «судилище» должны были прибыть командиры частей севастопольского гарнизона в звании «капитан 1-го ранга» и «полковник». Вечером отец рассказал мне, что увидел в списке участников Р.М. Мирзоева (они до этого не были знакомы!), подошел к нему и сказал – «Рагим Магомедович! Я с Вами не знаком, но так много уже о Вас слышал! У Вас в части служит мой сын – старший лейтенант Фёдоров» - «Сергей Михайлович! Представляю, что Ваш сын рассказал Вам обо мне!!!» - «Только хорошее!!!». Следующим утром Рагим Магомедович подозвал меня к себе – «Алексей, ты знаешь, я вчера познакомился с твоим отцом – такой достойный человек!» - «Товарищ капитан 1-го ранга! Представляю, что Вы рассказали обо мне моему отцу…» - «Только хорошее!!!».

Я не погрешу против истины, но если бы все люди были такими, как капитан 1 ранга Мирзоев, то у нас, у каждого, давно бы уже было по два гуся! Храни его Аллах!

«МАДАМ БАТЕРФЛЯЙ»

В нашем безнадёжном деле главное – получить результат. Но, не менее важно то, чтобы грамотно доложить об этом! Скажу откровенно – не столь важно получить сам результат, как заставить всех поверить в то, что ты добился решения поставленной перед тобою задачи.

… Когда-то, очень давно, на Тихом океане служил капитан Яков Максимович Калуженко. Это был инженер от Бога. Всю свою сознательную жизнь он занимался испытанием порохов и, кроме того, успешно освоил производство гремучей ртути, за что и был ещё при жизни награждён орденом «Знак Почета». А на детях гениев, как известно, природа отдыхает. Я служил в Троицкой вместе с мичманом Александром Яковлевичем Калуженко. Это был неутомимый фантазёр, рационализатор и изобретатель – маг и чародей, способный организовать пожар в публичном доме во время наводнения. Однажды он решил усовершенствовать имевшийся в части усилитель низкой частоты, который работал до этого безотказно – рассчитал сигналы в цепях усиления, после чего неделю ходил по части очень гордый и взволнованный - возился с железками и паяльником, что-то измерял тестером; finis coronat opus – Александр Яковлевич решил произвести опробование чудо-прибора, забыв, при этом, заизолировать какие-то «стратегические» контакты. При включении в сеть усилитель вспыхнул синим пламенем и, извергая мириады ярких искр, нестерпимо завонял электрической гарью на всю округу. Дежурный по части был очень решительный человек – он схватил усилитель и выбросил его в окно, прямо в море. Часть осталась без усилителя, а Александр Яковлевич после этого трое суток залечивал душевные раны в стенах севастопольской гарнизонной гауптвахты.

Александр Яковлевич внешне выглядел весьма импозантно. Импозантно, если не сказать большего! Это был очень маленького роста, кривоногий, косоглазый и седоволосый заика в очках с золотой оправой. Факт! Его супруга Тамара Алексеевна работала в той же части. Тамара… Нет, Царица Тамара! Женщина красоты была необычайной - невысокого роста, очень складная, всегда улыбающаяся, черноволосая, с очень нехарактерным для наших мест разрезом глаз - Чио-Чио-сан! Как мне однажды сказал потомственный хлопкороб Реджепай Сабирович Маткаримов – «Товарищ старший лейтенант! Как же несправедливо - у такого урода такая красивая жена…», на что я ему совершенно резонно предложил заткнуться и более не обсуждать ошибки старших по званию. В свои 37 лет Тамара уже была бабушкой, в те годы это была самая молодая и самая красивая бабушка в Севастополе!

По сей поры не понятной мне причине и Тамара Алексеевна, и Александр Яковлевич, несмотря на довольно-таки ощутимую разницу в возрасте, очень добро и по-дружески относились ко мне, а я платил им взаимностью.

Однажды январским субботним вечером я прибыл в город баркасом из Троицкой. Поднявшись с «Минки» к музею флота, я встретил на троллейбусной остановке своих друзей-приятелей. Мы поехали по кольцу против часовой стрелки в «чудильник», ибо день уже клонился к вечеру. На остановке у Приморского бульвара мои попутчики вдруг заворожено уставились в одну точку. Я повернулся в ту же сторону и увидел вошедшую в троллейбус Тамару Алексеевну. То была кинозвезда с включённым онлайн-режимом «L’etoile du bonheur séduisant». В какой-то немыслимой красивой черной блестящей шубе, на высоких каблуках, что делало её самую малость выше ростом, в меру и умело

подкрашенная… Всё было при всем! Я принял решение мгновенно: «Мужики, пойду–ка я с ней познакомлюсь…». – «Придурок из Троицкой, она на тебя и не посмотрит!». - «Такое бывает один раз в жизни! Пари? Бутылка «Арарата»! Ну?» - «А ведь никто тебя за язык не тянул!». И мы ударили по рукам!

Я подошёл к Тамаре, улыбавшейся своей белозубой улыбкой. При этом я исхитрился почувствовать себя не менее чем опереточным лейтенантом Франклином Бенджамином Пинкертоном.

«Здравствуйте, Тамара Алексеевна! Какая же Вы сегодня необычайно красивая!». - «Ой, Алёша, привет! Спасибо, спасибо тебе на добром слове! Где ты пропадал? Как дела?». Я, как всегда, говорил ни о чём, а Тамара Алексеевна весело смеялась.

На одной из остановок Тамара собралась выходить – ей предстояла пересадка на троллейбус до бухты Стрелецкая. «Тамара Алексеевна! Вы разрешите, я Вас провожу до Вашей остановки?». Тамара одарила меня очередной белозубой улыбкой: «Алёша, да я с радостью и удовольствием! Какой же ты молодец!». Я вышел из троллейбуса и подал Тамаре руку. Тамара Алексеевна молодо выпорхнула из троллейбуса, взяла меня под локоть, и мы скрылись за углом на виду у оторопевших от изумления моих незадачливых приятелей, которые напоминали мне группу заторможенных Винни-Пухов. Я проводил Тамару Алексеевну до ей остановки её, где она на прощание наговорила мне много всего приятного и чмокнула меня в щеку.

В тот вечер путь в «чудильник» мне был заказан – мне нужно было предъявить своим друзьям, этим спорщикам-неудачникам, неопровержимые доказательства своей героической выходки. Я пошёл ночевать к родителям. Вечером в воскресенье, утомлённой походкой скромного сельского труженика, я ввалился в «чудильник» со словами – «Ну, так, где мой приз?».

Вы все можете, вообще, ничего не делать – лежите себе на печи спокойно, плюйте в потолок и ждите того момента, когда над нами взойдет заря коммунизма. Но грамотно доложить, доложить-то не забывайте!

ТЕАТР АБСУРДА

В марте 1980 года мой объект в Килен-балке посетила высокая комиссия - технику безопасности приехали проверять. Не знаю, как оно так получилось, но в тот день с техникой безопасности на объекте всё было хорошо… Странно, по умолчанию такого не может быть! Ходили, головами крутили, а придраться ни к чему так и не смогли. Даже наш занудный механик Владимир Оганесович Гаспарян, этот герой-подводник, списанный в нашу часть с атомохода, ничего сказать не смог.

Так они и уехали … А через день я получил выписку из приказа, она долго хранилась в моём персональном «архиве абсурда». Там были такие слова – почти дословно. «Комиссия отмечает вопиющие нарушения техники безопасности в подразделении, которым командует капитан-инженер КАРПЕНКО П.П. Несмотря на это, на объекте старшего лейтенанта-инженера ФЁДОРОВА А.С. всё находится в полном порядке – огнетушители заряжены; манометры поверены и опломбированы; средства защиты на напряжении до 1000 вольт испытаны, о чем сделаны соответствующие записи в формулярах; кислородные баллоны хранятся согласно требованиям инструкций и т.д. Всё это свидетельствует о глубоком осознании старшим лейтенантом-инженером ФЁДОРОВЫМ А.С. своего воинского долга. ПРИКАЗЫВАЮ: За образцовое отношение к выполнению своего воинского долга поощрить старшего лейтенанта-инженера ФЁДОРОВА А.С. путём снятия ранее наложенного на него дисциплинарного взыскания».

Как же мне надоело всё к тому моменту. Хуже горькой редьки надоело.

«ЭКАЯ ГЛЫБА! ЭКИЙ МАТЁРЫЙ ЧЕЛОВЕЧИЩЕ!»

Один их моих прямых начальников - полковник-инженер Григорий Перфильевич Симонов (мы его звали просто - "Гришка Отрепьев", тот самый, что однажды сказал мне: «Товарищ старший лейтенант! От занятий по марксистско-ленинской подготовке Вас может освободить только смерть!»; тот самый, что вручил мне на день рожденья гипсовый бюстик Карла Маркса и сказал: "Чем бесполезнее вещь, тем дольше она служит человеку!") изо всех сил старался не вляпаться в какие-либо неприятности - для него главным делом было отсутствие "залётов" и марксистско-ленинская подготовка офицеров. Ну что делать - хотел человек спокойно до пенсии дослужить.

На одном из политзанятий он спросил у меня определение социализма. Я ему и ответил что-то из серии - "Социализм - это то, что после капитализма, но перед коммунизмом". Всё, верно, но Григория Перфильевича мой ответ не удовлетворил - "Ну... Разве это ответ? Вот вчера я ходил на методическое занятие, его лектор из Москвы проводил - кандидат философских наук!!! Он спросил подполковника Игнатьева, что такое социализм. А Игнатьев ответил примерно так же, как и Вы. И тут лектор начал нам объяснять - привел все цитаты из Маркса, из Энгельса, из Ленина и из товарища Михаила Андреевича Суслова. Пятнадцать минут говорил! И ни одного повтора!!!". Мне бы промолчать, но я не смог - "Товарищ полковник! Вот Игнатьев хоть плохо, но ответил, что такое социализм. А вот если бы Игнатьев спросил лектора о том, что такое "шпренгель" (определение из курса статики сооружений - "стержень, служащий для сокращения длины участка верхнего пояса фермы, работающего на сжатие и расположенного между двумя шарнирами; усилие в шпренгеле равно нулю" - прим. автора), то лектор вообще бы ни слова не сказал. У каждого своя работа и свой багаж знаний!". Григорий Перфильевич отреагировал почти мгновенно: "Да уж,

Любимец Партии (так он меня любил называть даже в предельно формальной обстановке, сравнивая меня с врагом народа товарищем Николаем Ивановичем Бухариным, что меня, честно говоря, не очень радовало, хотя и реабилитировали меня, в отличие от Бухарина, ещё при жизни), правильно Вы подметили! Вот откуда ему это знать?"

Через пару лет Григорий Перфильевич благополучно ушел на пенсию, оставив после себя пирамиду Хеопса – целую кучу тетрадей, записных книжек, блокнотов и т.п. "гнидников". Офицеры с интересом читали его теоретическое наследие и однажды нашли запись следующего содержания - "15 февраля - на занятиях по марксистско-ленинской подготовке офицеров Фёдоров сравнил социализм со шпренгелем". Комментарии, как я понимаю, совершенно излишни!

«КРАСНАЯ ГВОЗДИКА – СПУТНИЦА ТРЕВОГ»

Была такая безумная песня о нашей славной коммунистической партии и её не менее славном плешивом вожде-сифилитике, помешанном на убийствах священников и детей. Моя легендарная бабушка постоянно разучивала этот шлягер со своими бесконечными ветеранскими хорами...

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА

Слова Л. ОШАНИНА Музыка А. ОСТРОВСКОГО

В темпе сдержанного марша

Вста-нем, мой друг, зем-ля в ог-

-не-те Жи-вет, жи-вет цве-ток от-

-ва- тот, что до-ро-же всех нам сне-гов и

дан те-бя, и дан ме-ня Крас-на-я гвоз-

(После 3-го куплета петь 2 р)

-ди- ка— спут-ни-ца тре-вог.

Для повторения

Крас-на-я гвоз-ди-ка— жди

Для окончания

rit.

-ток. Как весть меч-ты ваш цве-ток.

История та была очень длинной. По своим убеждениям я – убеждённый бездельник и человек глубоко беспартийный. И в те далёкие героические годы, когда в магазинах можно было купить лишь уксус и «Беломор», я видел себя вне партии, предавая необъяснимому забвению 6-ю статью брежневской Конституции. Нет, конечно же, я не был антикоммунистом – это было исключено напрочь. Даже более того – я дважды прочитал философский труд Вождя под названием «Материализм и эмпириокритицизм», чего и вам всем желаю. Интереснейшее, скажу вам всем, чтиво! Но плавный полёт моей беспартийной мысли был прерван моим благодетелем – Виктором Ивановичем. «Ну, не знаю, что там у тебя за мысли. Скажу одно – в твоём личном деле должна быть запись о том, что ты - член партии или, на худой конец, кандидат в члены. Иначе перевода в Ленинград тебе не видать, как своих ушей». Да, то был мудрый человек!

Я приступил к этой изнурительной и долгой процедуре. Для начала мне нужно было избавиться от висевшего надо мною Дамокловым мечом проклятия в виде неснятого дисциплинарного взыскания – «штрафников» в светлое коммунистическое послезавтра не

брали. Потом был кандидатский стаж – по какой-то странной причине он задержался на два года вместо одного. Мне исполнилось двадцать восемь, и я, уже капитан, выбыл из комсомола по возрасту.

На завтра было назначено заседание партийной комиссии при политотделе, на которой меня должны были окончательно и бесповоротно принять в стройные ряды. А сегодня я коротал время за пультом – стоял в суточном наряде помощником дежурного, меня неумолимо клонило в послеобеденный сон... И тут в деревянное окошечко, через которое офицерам по тревоге выдавали пистолеты, раздался вежливый стук. Я открыл это окошечко и увидел перед собою луноподобный лик нашего лучезарного марксиста-ленинца – секретаря партийной комиссии при политическом отделе подполковника Анатолия Алексеевича Неткачева, которой светился дурковато-доброй ленинской улыбкой.

Вы знаете, когда я видел Неткачева, мне постоянно казалось, что он весь слеплен из говна – таким в моей памяти запечатлелись Порождение Ехидны и Мальчиш-Плохиш из сказок пресловутого Аркаши Голикова.

Последний раз в своей жизни я встретил Неткачева в феврале 1985-го уже после того, как я подписал «обходной» перед убытием к новому месту службы. Встретились мы в гастрономе, где «совесть партии» покупала мягкий батон, который он намеревался тем же вечером заботливо покрошить во рты своим вечно голодным малолетним спиногрызам и прихлебателям. А тут и я - с бутылкой трёхзвёздочного «Арарата» в руке. По лицу марксиста пробежали тучные стада метастаз, и раздался запах палёной резины - он что-то было вознамерился мне сказать, но я лишь весело ему подмигнул – «Будь здоров и не кашляй!». Но до этого момента внутренней свободы было ещё очень и очень далеко, хотя «горбостройка» уже скреблась в наши ворота своей костлявой ручонкой, покрытой редким рудиментарным пушком...

«Товарищ капитан! Мне нужно позвонить по городскому телефону!». - «Не положено!». - «Что значит, не положено???? Я - секретарь партийной комиссии при политическом отделе!!!» - «Вот - инструкция. В ней русским по белому написано, кому разрешается заходить в помещение дежурного. Про Вас там ничего нет!». - «Но мне нужно!!!». - «Не положено. По инструкции не положено». - «Мне очень жаль, что Вы – молодой офицер –

подвержены формализму и мыслите только инструкциями! Стыдно должно быть!!!». И он ушел в сторону горизонта, неся над своей головой флуоресцентное свечение в виде нимба святого. Ну, уж я не знаю, что там было слышно по поводу светлого коммунистического послезавтра, но день завтрашний наступил. К 14-00 я уныло побрел на заседание партийной комиссии. Войдя во врата нравственного чистилища, я увидел подполковника Неткачева, вальяжно развалившегося в председательском кресле. Глядя на кисло-сладкое выражение его лица, я подумал, что сегодня мне припомнят все мои ошибки, начиная с распятия Иисуса Христа и заканчивая поджогом рейхстага. Не очень приятно, но не смертельно – самый главный коммунист эпохи, в своё время, со вкусом и знанием дела грешил с Инессой Фёдоровной Арманд, умершей в 1920-м году от холеры. Так что меня не в чем было упрекнуть!

Началось... «Расскажите о себе. Кто мама? Кто папа?». Такое впечатление, что он не знал, кто мой отец. Но когда я ответил на этот коварный вопрос, «совесть партии» окинула всех остальных членов Большого Курултая победным взглядом – «Вот, видите! Перед вами, товарищи, «начальственный сынок»!». А при чем здесь это? Я так понимаю, что дети появляются на свет при некотором посильном участии мужчин. «Почему Вы постоянно добиваетесь перевода в Ленинград? Весь отдел кадров завален Вашими «челобитными». Вам здесь плохо служится?». Потом он плавно перешел к углубленному изучению моего беспартийного нутра – «В каком году и где состоялся 1-ый съезд партии?» - «В 1891-м году в Минске». - «Как он назывался?». - «Учредительный...». Это я помнил. «В каком году и где состоялся 2-ой съезд партии?» - «В 1903-м году в Лондоне». Я точно тогда не помнил, да и сейчас не помню в деталях, что там произошло, но, как мне кажется, партийцы на том съезде вдребезги разругались друг с другом по поводу формулировки заключительной части первого параграфа Устава. «Как он назывался?». На всякий случая я робко ответил - «Объединительный!» - «А кого он объединил-то?». Да уж... Ведь они там, как раз наоборот, окончательно и бесповоротно разъединились. Что-то я сказал не то, но отступать уже было поздно! «Он объединил разрозненные марксистские кружки!!!». Партийный секретарь с интересом посмотрел на меня. «Скажите, а на какой платформе он их объединил?». Да откуда же я могу такое знать??? «На идеологической платформе, изложенной в газете «Правда». «Ох-хо-хо!!! А в каком же году вышел первый номер этой замечательной газеты?». И тут я понял, что я влетел окончательно. Ведь первый номер подмётной газетёнки «Гальюн таймс» был опубликован по решению 6-й Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП 5 мая 1912-го года – с тех пор именно в этот день мы и праздновали День Печати. Был и такой праздник на нашей улице! «Неправильно!!! Как же называлась та газета?». «Искра», - я выдавил из себя ответ, как засохшую зубную пасту из тюбика.

«Капитан Фёдоров! Преждевременно Вам вступать в НАШУ партию! Подучите её славную историю, и встретимся через год». Перевод в Ленинград откладывался на неопределённый срок. И тут встал хорошо известный узкому кругу единомышленников Юрий Алексеевич Мошкин – волею судеб член этого легендарного Малого Синедриона; он хорошо помнил меня по Училищу, где был начальником курса на нашем факультете. «Анатолий Алексеевич! А Вам не стыдно? Уже все знают, что Фёдоров вчера Вас не пустил в помещение дежурного. Не положено Вам туда входить!!! Вот он впустил бы Вас, а я его потом за это снял бы с дежурства и выговор бы ему «впаял». Офицер всегда должен действовать по инструкции, а не передовым статьям Ваших газет! Товарищи коммунисты, голосуем! Кто «за»?». И меня приняли в «стройные ряды» большинством голосов,

воздержался один – наш не в меру принципиальный марксист-ленинец.

Вот так я стал членом... И не жалею об этом. Нет, кривлю душою! Жалею... Второго августа 1991-го года я вышел из очередного отпуска и заплатил авансом членские взносы за два месяца вперёд – за август и за сентябрь. И уехал на Камчатку, а потом - на Сахалин. А 21 августа того же года наша славная партия приказала долго жить. Я вернулся из командировки и начал требовать деньги за сентябрь обратно. В этих поисках сносил я ноги по самую ... Ну, в общем, вам всем по пояс будет! Золото партии исчезло бесследно! С той самой поры те самые тринадцать рублей жгут мою память горечью невосполнимой утраты.

ПУТЬ НА ПАРКЕТ

Этот путь был долгим – более четырех лет ушло у меня на то, чтобы перевестись с Черноморского флота в Город Трёх Революций. Вся беда была в том, что оснований для этого перевода, кроме моего страстного желания, не было - вот флот меня и не отпускал. Ситуация усугублялась непримиримой позицией отца, который об этом переводе и слышать даже не хотел: «За меня никто и никогда не просил. Никто никуда никогда не звонил! Офицеру положено служить там, куда его назначили! Я никуда не буду обращаться по этому вопросу!». А ведь было достаточно одного его звонка в Москву… Достаточно было одного телефонного звонка! Никаких плодотворный идей в мою голову не приходило.

И вдруг, в мае 1984 года меня направили в командировку в Москву сроком на трое суток. Помните те времена, когда народ в командировки направляли, а мест в гостиницах было не сыскать днём с огнём! Я спросил совета у мамы. Она сказала: «Я позвоню твоей ненормальной тётушке – у неё и остановишься. Знай одно – она, хоть и закончила исторический факультет, искренне помешана на гигиене и санитарии. Каждый раз, когда кто-либо приходит в их дом, она заставляет пришедших мыть руки с мылом, а потом – протирать их раствором марганцовки. Не вздумай сопротивляться. А Александр Алексеевич - большой чин в Министерстве Обороны СССР, вот я им и позвоню по твоему вопросу. Всё в твоих руках! Которые, кстати, ты должен будешь регулярно мыть с мылом и протирать марганцовкой».

Я приехал в Москву, добрался до тётушкиного логова и позвонил. В дверях меня встретила моя совершенно нормальная улыбающаяся тетка! Ещё из прихожей я услышал рев воды в ванной – краны уже были открыты. Не дожидаясь инструкций, я спросил тетушку, где я могу срочно помыть руки. Тетушка с радостью проводила меня в Святая Святых. Я мыл руки минут десять, как хирург перед важной операцией. После этого я вылил на свои ладони половину флакона раствора марганцовки. Вытерев руки чистым полотенцем, я, с совершенно невинным видом, попросил у тетушки ватку, спичку и раствор йода. «Лёшенька, а зачем? Что случилось?». - «Да, ничего не случилось, тетя Фаина! Но ведь я добирался до Вас через всю Москву, в метро держался руками за поручень. Грязно. Вот хочу смазать йодом вокруг ногтей. На всякий случай… Береженого Бог бережёт!». Моя славная тётушка чуть было не потеряла сознание от этих слов.

Александр Алексеевич прибыл со службы, и прямо с порога тётушка поставила ему задачу: «Саша! Никаких возражений! Ты должен сделать всё, но Лёшенька должен быть немедленно переведён в Ленинград! Такой замечательный мальчик!». Поверьте мне – всё остальное было делом техники. Мой дорогой дядюшка обратился к своему старому знакомому Герою Советского Союза генералу-майору Валентину Станиславовичу

Томжевскому, для которого вопрос моего перевода в Город Трёх Революций значил не более чем укус комара. Приказ о моём переводе состоялся через полгода.

Из всего происшедшего я сделал очень важный вывод – если дело в твоих руках, то руки всегда нужно мыть с мылом!

В тот же заезд в Москву я стоял около метро "Щелковская" в ожидании автобуса до Балашихи. Меня переполняло чувство радости от возможности скорого перевода в Ленинград, но даже это радостное чувство так и не смогло освободить меня от присущей исключительно мне эдакой военно-морской "дуринки". Мимо меня прошли две девчушки в курсантской форме со знаками различия ВВС - третий курс. Прошли мимо, увлеченно болтая о чем-то между собой... пилотки в руках... честь не отдали, даже не посмотрели в мою сторону! Непорядок. "Товарищи курсанты! Подойдите ко мне! Почему без головных уборов? Почему не приветствуете? Приведите себя в порядок! Разговорчики!". Они мило улыбнулись, кокетливо надели пилотки с голубым кантом, отдали честь и: "Извините, товарищ капитан! Разрешите идти?". Четко повернулись на достаточно высоких каблуках и отошли от меня, сделав три первых шага "строевым". Я был очень доволен собою! Черноморский флот, что не говори! Всё это время за моими осмысленными действиями с огромным интересом наблюдал какой-то артиллерийский майор с явной московской половой ориентацией во всем своем штабном внешнем виде. Он подошел ко мне и спросил: "Откуда ты, чудо в перьях?". - "Из Севастополя!" - "Сразу видно край непуганых идиотов... Ты хоть знаешь, кого ты сейчас «тормознул»? Знаешь, откуда они? Это же - Институт Благородных Девиц - Краснознамённый Военный Институт Иностранных Языков! Проходной балл для этих кинозвёзд - или папа-генерал-лейтенант, или дедушка - генерал-полковник. Вали отсюда по-тихому, а то ведь, неровен час, завтра утром под Хабаровском проснёшься. Придурок!". Вот так...

ПАГАНЕЛЬ

Был такой профессор - Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества. Ну, тот самый, что из «Детей капитана Гранта».

Всё правильно сказал бородатый безумец Карл Маркс – «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам!». Каменистые тропы науки предстали передо мною в образе заместителя командира части полковника Бориса Васильевича Балашова. Между

собой мы его звали «Паганель», эдакий был Паганель местечкового разлива.

Борис Васильевич на военною службу попал по призыву – и сразу в научно-исследовательский институт, минуя тумбочку дневального. И эта военная служба, со всеми её разводами, строевыми смотрами, «опросами жалоб, просьб и заявлений», дежурствами и прочей святотенью казалась ему чем-то загадочным и неведомым. Человек жил в мире своих безумных формул и графиков, что серьёзно мешало ему заниматься чем-либо иным. В те моменты, когда Борис Васильевич случайно начинал командовать строем на очередном смотре или инструктировать заступающих в наряд, мы, оставшиеся в живых кадровые офицеры, сталкивались с открытиями космического масштаба. Слов нет, Паганель много красивых формул вывел! Кривые на его графиках бились в искрящихся оргазмах и хаотических агониях. С точки зрения науки всё было чинно и благородно. А вот, что делать потом со всей этой красотой, не знал никто. То была чистая наука – наука ради науки.

Нашей конторе была поручена работа по научному сопровождению проектирования одного из сложных объектов на Камчатке. Сразу скажу – этот проект, к всеобщему счастью и ликованию, так и не был реализован. Иначе мы сейчас имели бы ещё один «памятник». Все «технари» отчетливо понимали, с какими сложностями столкнётся всё прогрессивное человечество, пытаясь осуществить гениальную задумку потерявшего связь с реальностью Главкома, но проектирование этого объекта находилось под его личным и неусыпным контролем. Подошло время готовить для Главкома очередную справку-доклад о ходе работ. Разработке этой справки предшествовало совещание, в работе которого приняли участие адмиралы из Главного Штаба ВМФ, генералы из центральных флотских управлений и служб, стратеги-подводники из военно-морской академии. В таком документе должно было быть выверено каждое слово, иначе – не миновать беды. Ни одного лишнего слова по тексту документа!

На одно из таких совещаний по неведомой лично мне причине был приглашен Борис Васильевич Паганель, которого никогда раньше на подобные сборища никто не звал. С чего бы это вдруг звать инопланетянина на такие сходки? Паганель долго слушал, о чем говорили стратеги и тактики. И тут он попросил слова – в тот день ему было, что сказать! «Коллеги!». При этом слове московские адмиралы и генералы заметно напряглись – так к

ним никто и никогда ещё не обращался! «Коллеги! Скажите, а почему мы не можем доложить Главкому всю правду? Почему мы боимся называть вещи своими именами? Я предлагаю доложить Главкому без обиняков о том, что, при физическом моделировании интересующего нас гидравлического явления по критериям Фруда и Рейнольдса, возникли достаточно серьёзные проблемы с достижением явления автомодельности. А поэтому, при пересчете параметра кинематической вязкости двухфазного континуума с модели в натуру, непременно возникнут серьёзные сложности, которые могут заставить нас усомниться в достоверности и корректности полученных результатов!». Над залом повисла гнетущая тишина…. Паганель всех срезал!!! Один из московских адмиралов-певцов термоядерного удара встал и растерянно спросил – «Скажите, полковник, а Вы, вообще, кто такой? Откуда Вы? И что Вы сейчас сказали???». Назревала мелкая неприятность. Борис Васильевич, так и не ответив адмиралу, скромно сел на место и продолжил думать о вечном, а за окном тихо кружились снежинки…

ГУРМАН

Полковника-инженера Вячеслава Андреевича Васильева, того самого, что задумчиво ощупывал перед строем всего личного состава свои вечно уставшие гениталии, наградили орденом «Красной Звезды» с формулировкой «за освоение новой техники». Я долго пытался понять, какую же такую новую военную технику, кроме граненого стакана, смог освоить маловразумительный Вячек за всю свою бессмысленную жизнь. Но факт оставался фактом - по воле Президиума Верховного Совета СССР Вячек раскрутился на культпоход в ресторан. Такое дело нужно было обмыть. Вячек решил оптимизировать размер инвестиций в развитие ресторанного бизнеса. Он вызвал к себе меня и прапорщика Пашу Кравчука, нам была поставлена задача купить и пронести в ресторан водку и квашеную капусту. Мы и внесли – Кравчук тащил портфель с водкой, а я – целлофановый пакет с квашеной капустой. Я поздравил награждённого и торжественно вручил ему пакет. Из пакета тоненькой струйкой на пол лился пенящийся капустный сок. Вячек приоткрыл пакет, вдохнул низкокалорийный запах капустных испарений, закрыл глаза и мечтательно произнёс – «Капустка, капустка – милая закуска! И подать не стыдно, и выкинуть не жалко!».

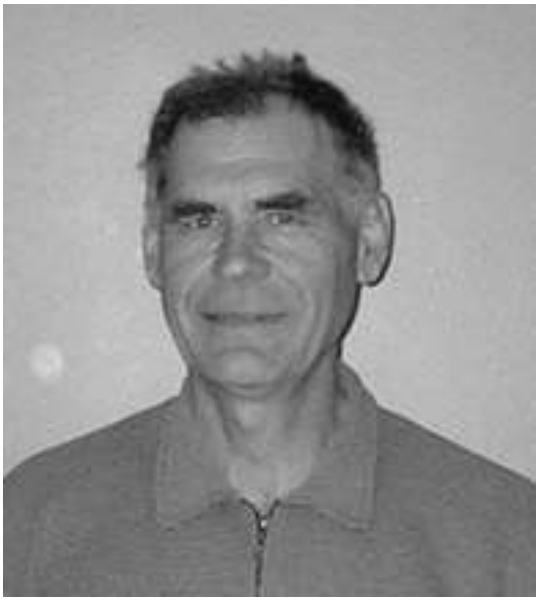
Я долго катался по полу в приступах безумного веселья... А вы смогли бы удержаться?

«ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ» (КАК Я НЕ СТАЛ ДОКТОРОМ НАУК)

Честно скажу вам всем, да я и не собирался становиться им. Я отчетливо понимал и сейчас понимаю, на что я способен, что я могу и чего достичь я не смогу. Кандидатом наук – куда не шло, ведь кандидат наук ещё не учёный – всего лишь кандидат в ученые. Но Борис Васильевич Паганель имел свою точку зрения по этому вопросу.

Борис Васильевич Паганель, увидев меня, тут же изъявил горячее желание стать моим научным руководителем. Увы и ах, я был его «первенцем», и Паганель неутомимо отрабатывал на мне свои новаторские методические приемы. Он высушил мне весь мозг своими гидродинамическими мыслями. В течение полугода я ходил кругами вокруг темы исследования, но так и не смог подойти к ней вплотную. «А Вы попробуйте подойти к решению с использованием моего энергетического метода», «А как это согласуется с результатами моих исследований?». К моменту каждой нашей последующей встречи Борис Васильевич напрочь забывал о том, что мы говорили ранее – каждый раз он был на

сносях всё новых и новых безумных идей. У меня, зачастую, опускались руки, а тут ещё горячо любимый личный состав, дежурства по части, безвылазные командировки и неработающая материальная часть. Время безжалостно наступало на пятки. И тогда я принял единственно верное командирское решение – делать всё самостоятельно и не ходить к Паганелю вообще. Через полтора года я пришёл к нему и смиренно сказал – «Готово! Всё отлично согласуется с Вашими мыслями, постулатами и решениями. Я учёл всё, что Вы говорили!» - «Молодец! Оформляй и главное – скажи мне вовремя, на какое число будет назначена защита. И в какой аудитории!!!». Паганелю так и не хватило времени прочитать мою диссертацию – его хватило лишь на автореферат, ну и слава Богу, но как же красиво он выступил на защите - без подготовки говорить ни о чем, на одном лишь вдохновении!



После моей защиты прошло не более чем полгода, Паганель вспомнил обо мне и вызвал к себе в кабинет. «Помню-помню, как хорошо ты защитился. Не дело тебе командовать. Пора тебе садиться за докторскую!». Тут я чуть в обморок не упал. Ну, не моё это! Не моё!!! «Подумай над темой и садись! У тебя получится!». Господи, спаси и сохрани! Только этой головной боли мне не хватало! Ещё пять-шесть лет!!! А было мне тогда уже 35 - нет, на такое безумие я пойти не мог по своим убеждениям. Я был убеждённым бездельником!!!

Однако, приказ начальника – закон для подчиненного. Я засел за теорию надёжности технических систем и математическую статистику. Набрал достаточно много статистических данных, для этого пришлось несколько раз съездить в командировки – в Лиепаю, Болдераю, Таллинн и Пиллау. Потом я выполнил бесхитростную обработку имевшихся в моём распоряжении статических выборок и грамотно применил одновыборочный критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. Все мои сослуживцы диву давались – «как можно из ничего сделать науку». Красивые кривые на моих графиках бились в хаотических припадках, а мысли пенились подобно шампанскому «Князь Голицын».

Не хватало главного – понять, из-за чего эти исследования были начаты. И я выбрал мишень для своей критики – нормальное, на мой взгляд, начало любого серьезного исследования. По результатам расчетов я подготовил статью в закрытый сборник трудов части. По тексту статьи было русским по белому написано – «В связи с этим вызывает обоснованное сомнение правильность подхода к решению этой группы задач, предложенного докт. техн.

наук, проф. В.Д. Костюковым». И отправил черновой вариант статьи Паганелю, предварительно включив оного гения в сонм соавторов. По правде говоря, Виктор Дорофеевич Костюков, хоть и был доктором наук, в своих измышлениях пошел против истины, так как погнался за «красивыми картинками» и смешал в одну зловонную кучу несколько различных понятий, а именно – понятие «отказа сложной технической системы» и понятие «аварии» (т.е. предельного состояния). С точки зрения инженерной науки и здравого смысла я был безусловно прав, но Костюков был доктором наук и руководителем крупнейшего отраслевого научно-исследовательского института. Получалось так, что я замахнулся на «гиганта мысли» и отца-основоположника, с которым было принято советоваться, делиться с ним сокровенными мыслями и отправлять ему для отзыва докторские и кандидатские диссертации. Моя выходка была чревата катастрофическими последствиями…

Через пару дней мне позвонил взволнованный донельзя Паганель - «Что Вы там написали? Вы в своём уме? Или как? Вы, что, хотите меня поссорить с Костюковым?» - «Борис Васильевич! Смотрите сами – вот, вот и вот. Без критики Виктора Дорофеевича Костюкова работать над темой дальше мне никакого смысла нет!». Изначально лишенный всяческой харизмы Борис Васильевич уныло произнёс - «Давайте не будем торопиться. Поищем альтернативные пути решения задачи…» - «Давайте!». И он резко отстал от меня со своими псевдонаучными домогательствами.

Вот так я и сошел с этих самых «каменистых троп». Раз и навсегда! И возвращаться никогда не помышлял – каждому своё, по мощам и елей! Говорят, что последние годы Паганель подвизался на поприще экологии. И как тут мне не вспомнить слова моего Учителя и Благодетеля Виктора Ивановича Манойлина – «Алексей, как почувствуешь, что ты более не в силах заниматься инженерными делами, иди работать напрямую или в охрану окружающей среды, или в технику безопасности – туда, где мрачно господствует презумпция виновности!».

ТАТАРОЧКА С ВЫХОДОМ

Нет, я вам всем честно скажу, что лично мне легче было командовать сотней матросов, чем иметь в подчинении хоть одну женщину. Матрос всё понимает дословно – без полутонов, а в случае с женщинами жизнь постоянно заставляет искать какой-то тайный смысл во всех их поступках и словах. С той героической поры прошло много более, чем четверть века…

Санинструктор 1-ой роты младший сержант Малика Гималетдинова, уроженка далёкой Бугульмы, постоянно опаздывала в строй. Кудряшки свои чёрные она, видите ли, под шапку укладывала! До того, как меня ВРиД ротным назначили, она вообще на развод не ходила! Сразу – в санчасть бежала, и не по форме одетой, а так – в шубке нараспашку. А тут еще ротный замполит поведал мне, что два раза в неделю я должен после обеда её направлять в распоряжение «большого» замполита. Дела… У меня стрельбы по расписанию – без санинструктора никак нельзя на стрельбище выходить! И что делать? Я немного повозмущался, но «приказ начальника – закон для подчинённого!». Около месяца она где-то пропадала с завидной регулярностью. «Большой» замполит как-то сказал мне: «Вы, эта… стало быть, товарищ капитан, не о том думаете, так сказать! Это – раз! И не нужно мне говорить о том, как это плохо, что Гималетдинова не ходит на стрельбище, и что в её

автомате, так сказать, скоро от грязи мокрицы заведутся! Пусть за неё этот автомат почистит кто-нибудь из матросов. Это – два! Вопросы есть? Вопросов нет, так сказать!».

30 апреля 1985 года мы все строем отправились в клуб на торжественное собрание и праздничный концерт. Торжественное собрание, на котором мы, в очередной раз, заклеймили позором американских империалистов и их пособников – сионистов, прошло в режиме вялотекущей шизофрении. А вот концерт подкинул мне зажигательное открытие! Объявили очередной номер - телефонистки из штаба, секретчицы и фельдшерицы из лазарета заплясали «Цыганочку»! В одной из танцующих я, к своему удивлению, опознал постоянно опаздывающую в строй санинструктора комсомолку младшего сержанта Малику Гималетдинову. То было строгое время, которое особо не баловало нас хореографическими изысками. В моде был идеологически выдержанный танец «Яростный стройотряд» на музыку композитора товарища Александры Пахмутовой и балет «Ангара» - тот самый, где балерины, одетые в валенки и ватники, появлялись на сцене верхом на шагающих экскаваторах. А тут, похоже, проглядел наш бдительный комиссар! Здесь были и мониста, и цветастые юбки веером, и черно-смоляные кудряшки… Младший сержант Гималетдинова плясала и задорно скакала, как молодая горная козочка. Лучше бы она автомат свой лишний раз почистила! Или научилась бы без промаха стрелять очередями на огневом рубеже 200 метров, научилась бы в строй не опаздывать и на политзанятиях без запинки докладывать о преимуществах социализма. Весь зал заворожено смотрел на сцену, а потом взорвался аплодисментами, переходящими в продолжительные бурные овации. А в перерыве ко мне подошёл «большой» замполит – «А ты что подумал о ней? И про меня тоже, так сказать… Салага ты, понимаешь ли, ещё!».

Ты уж прости меня, Малика Магомедовна! Простите меня, товарищ младший сержант!

«ПОД ГОРОДОМ ГОРЬКИМ, ГДЕ ЯСНЫЕ ЗОРЬКИ…»

Электрическое реле, как известно из «Физики» Пёрышкина, предназначены для того, чтобы производить скачкообразные изменения в выходных цепях при заданных значениях электрических воздействующих величин.

В декабре 1985-го оказалось, что у нас не хватает шести реле для того, чтобы ввести в строй одну из специальных установок, на которой подлежала опытно-конструкторской отработке модель одного очень специфического устройства – «нового вида вооружений и военной техники». Запустить эту установку без шести злосчастных реле не было никакой возможности. По крайней мере, так было написано в учебнике Пёрышкина. А в те далекие годы всё делалось исключительно по плану. Нужно тебе реле? Шесть штук? Нет проблем! Пиши заявку, согласуй её в десятке-другом центральных флотских управлений и отделов, отнеси её в Госплан. Потом план, в котором прописаны нужные вам реле, утвердят на очередном историческом съезде КПСС, и пожалуйста - в следующей пятилетке получите свои уже никому не нужные шесть реле! Правда, это будет возможно лишь в том случае, если завод-изготовитель реле вовремя подал заявки на провода, изоляционную ленту, канифоль и прочую голубую муть, без которой эти реле не собрать. Командир части распорядился послать на завод в город Чебоксары офицера с приказанием – «Без реле в часть не возвращаться!». На свою беду я проходил рядом с командирской приёмной. Энергичный инструктаж был предельно краток – «Купи с собой в дорогу килограмм

сливочного масла и килограмм колбасы. Может пригодиться. Если не пригодится, то ты их сам съешь – в Чебоксарах нет ничего…».

В три часа ночи самолёт приземлился в аэропорту Казани. Пронизывающе-холодный ветер на улице, ужасная вонь и неработающие гальюны в здании аэровокзала; какие-то странные люди в ватниках и валенках с галошами спят на полу и на газетах - нет, не бомжи, похожи они были на инженеров из «оборонки». На призывный крик «Кому ехать?» я откликнулся первым, даже не спросив, а куда поедем-то. Мне было безразлично. Через полчаса автобус остановился у железнодорожного вокзала. Здание вокзала было закрыто на ключ! На улице – минус двадцать, климат – резко континентальный. У знатоков, толпившихся перед входом, я узнал, что я заехал совсем не туда, куда мне было нужно – теперь до Чебоксар можно добраться только через город Свияжск, до которого еще нужно ехать часа два на электричке. Минут через двадцать электричка унесла меня в сторону этого самого якобы города Свияжска, о существовании которого я раньше даже не предполагал. Город Свияжск оказался на удивление красив. Эдакая центрально-нечернозёмная пастораль – ряд аккуратных домишек, из труб клубится дымок, голубой от мороза воздух, мужик едет на розвальнях… И посреди всей этой идиллии стою я - в черной шинели и прочем абсолютно неуместном великолепии. И я побрёл в сторону покосившегося деревянного сооружения, называемого в народе автовокзалом. Ровно в восемь часов поутру начался штурм касс автовокзала – кричащие тетки с баулами, кошелками и мешками; шустрые цыганки с плачущими детьми; похмельные мужики явной уголовной внешности… Через пять минут штурм закончился – за этот поистине рекордный промежуток времени в кассе были на сегодня скуплены все билеты на все направления на все рейсы. Мне показалось, что славный город Свияжск пытается куда-то уехать от самого себя. Автовокзал закрылся до следующего утра! И тут я услышал – «Товарищ командир! Вам куда ехать?». Рядом со мной стоял приветливо улыбающийся человек лет тридцати. Знаете, есть такие характерные для этой местности типы – такое впечатление, что ему по лицу со всего маха ударили сковородкой. Это был «свой» - водитель местечкового военкома, который, на моё счастье, ехал в Чебоксары!

Ближе к полудню, на проходной завода «Электроприбор» меня ждал очередной зигзаг неудачи – выглянувшая в окошечко бюро пропусков эдакая старуха Шапокляк со значком «50 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ СССР», улыбаясь однозубой улыбкой, торжественно сообщила мне, что приехал я напрасно, и никто со мною даже разговаривать не будет. Но телефон отдела сбыта, всё-таки, выдала. Усталый голос сотрудницы отдела сбыта довел до моего сведения прописные истины - про плановую экономику, про эпохальные решения очередного исторического съезда КПСС и про Госплан. А также и про директора, которому мои верительные грамоты до одного места, и про то, что таких реле на складе готовой продукции нет. И ранее второго квартала следующего года не предвидится. А старуха Шапокляк из бюро пропусков, улыбаясь своей дежурной однозубой улыбкой, напоследок вбила козырной гвоздь в крышку моего гроба – «Поезда на Москву сегодня не будет!!!». Человек я незлобивый, вы сами все это хорошо знаете, и, посему, я протянул однозубому ветерану «кровавых органов» свёрток с колбасой и маслом, совершенно искренне сказав – «Ладно. Держите на прощанье! Поеду назад – делать нечего». - «А что это такое?». - «Да ладно…», - и я гордо вышел из проходной на декабрьский чувашский мороз.

Через несколько секунд мне вслед раздалось – «Товарищ моряк! Подождите!! Стойте!!! Идите сюда!», - старуха Шапокляк махала мне рукой. - «Дайте мне Ваши бумаги. Посидите у меня в бюро пропусков, сейчас я Вам стаканчик чаю налью. Пейте – вот сахар…», - и бывшая лагерная надзирательница выскочила из своей насквозь прокуренной каморки. Где-то минут через тридцать-сорок она вернулась, вся сияя неподдельной радостью. «Порядок – завтра к десяти утра всё будет готово. Придёте и получите, Ваш пропуск будет готов с утра. А сейчас идите по отделам, всё визируйте и оформляйте – до конца рабочего дня мало времени осталось, нужно успеть!».

Часа два я бегал по заводоуправлению - подписывал, визировал счета-фактуры и какие-то накладные, ставил печати и собирал чьи-то резолюции… Семь кругов ада! По ходу дела мне нужно было перейти с одной территории на другую, в пункте перехода у меня потребовал пропуск очередной персонаж, одетый в форменную ВОХРовскую шинель, подпоясанный портупеей с наганом и тоже получивший в детстве сковородкой по морде. «Фёдоров… Чуваш?». - «?????». - «А чего – фамилия-то чувашская!». - «…..». - «Да я и сам Фёдоров. Все мы Фёдоровы – чуваши!». Во второй половине этого дня, богатого событиями и новыми открытиями, меня уже ничто не удивляло, поэтому я отказался от комментариев по поводу своего чувашского прошлого и решил повернуть дело в практическое русло: «Слышишь, сродственник, а где тут ближайшая гостиница находится? Мне бы кости где-то надо бросить!». - «А зачем гостиница? Сейчас девчата со смены пойдут – я договорюсь, они тебя и обустроят, и накормят, и напоят. Здесь моряков, ох, как любят! Я ведь и сам бывший флотский – в Ленинграде служил, в учебном отряде подплава. Фёдоров я – старшина второй статьи был!». Перспектива бурной ночи в общаге завода электрических приборов вместе с девчатами, честно отстоявшими у станков трудовой день, не впечатляла. Более того! Я выхватил из замерзших на декабрьском ветру рук бывшего флотского «сковородочника» свой пропуск и помчался дальше по отделам и управлениям - ставить печати и собирать подписи…

У дверей какого-то очередного препятствия меня встретил молодой человек, похожий на артиста Хазанова: «Откуда? Из Ленинграда? Моряк! А я в Ленинграде в командировке был – на «Электросиле»! С гостиницей помочь? Да что два пальца об асфальт! Пойдемте со мною!». В какой-то комнатке Хазанов начал о чем-то шепотом говорить с сидевшей там женщиной. Она его выслушала и расплылась в искренней улыбке: «Гостиницу? Конечно же! Я сейчас в «Центральную» позвоню – там сегодня слёт учительниц Чувашии проходит!».

В гостинице меня уже ждали – «Да, нам звонили – моряк из Ленинграда!!! Вы к девяти часам спускайтесь в холл – тут у нас будет самодеятельность, а потом – танцы!!!». Я поднялся на четвертый этаж и вошел в достаточно аккуратную комнатушку. Знаете, сейчас я получил бы от вида той комнаты инфаркт миокарда, но тогда мне она показалась сказочным райским дворцом! Я разделся и уснул, напрочь забыв о том, что в тот день кроме стаканчика крепкого «чекистского» чая я ничего не видел. Да какие там учительницы!

Утром я явился в бюро пропусков. Радушная старушка Шапокляк выдала мне пропуск и начала куда-то звонить. На её призывные звонки пришла Галя – бригадир из сборочного цеха. По дороге в цех Галя успела сообщить мне, что все реле готовы, сейчас их заканчивают упаковывать. «Товарищ командир! Вы знаете, ведь этих реле не было в плане, а тут Клавдия из бюро пропусков позвонила. Говорит, что надо сделать - что моряк приехал из

Ленинграда. С девчатами остались на ночь – линию перенастроили, всё сделали. Вот сейчас всё упакуем и отдыхать. Пойдемте с нами в общагу – мы пельмени сварим, салат сделаем, спать Вас уложим…». И как-то это всё так трогательно позвучало, что у меня что-то дрогнуло и ёкнуло внутри, и я сказал – «Спасибо и тебе, Галя, и всем девочкам, но мне уезжать надо. В следующий раз!».

С чувством до конца выполненного воинского долга я вышел через проходную завода в сторону привокзальной площади. Через несколько шагов я остановился и оглянулся назад - в дверях проходной стояла Клавдия, она помахала на прощание рукой и улыбнулась мне вслед, а на её груди, через расстегнутую шубку тускло блестел значок «50 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ СССР».

«ЗВАЛИ ВОВКА ЕГО КОРОЛЁВ…»

Начальник отдела полковник Владимир Александрович Королёв, ну, тот самый, который с похмелья продувался в канале Петровского дока, слыл среди нас человеком-легендой. Более легендарным, по праву, мог считаться только лишь мичман Лука Пустошкин из рассказов Сергея Колбасьева, тот самый, что в Сингапуре, вообразив себя обезьяной, голый по баобабу лазил.

Между собой мы звали его просто - "Вовка" и частенько злословили между собой:

«Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездило там шоферов,
И средь них был отчаянный шофер,
Звали Вовка его Королёв!».

Он постоянно путался в наших именах и отчествах; в его мозгу постоянно варилась какая-то тягуче-странная каша "Геркулес", и каша эта состояла из дат - он путал дни рождения с датами, когда на кого-нибудь из офицеров нужно было писать представление к очередному званию и т.д.

После защиты кандидатской диссертации я пригласил своих сослуживцев «на отметить это дело» к 19.00. Пошли все – дело святое! Да, без Вовки такое мероприятие лишалось всяческого содержательного смысла. Даже если бы я, паче чаяния, не защитился, то мероприятие всё равно состоялось бы. Как матч - при любой погоде! А дело-то всё было в том, что именно в этот вечер моя жена должна была проводить вечерние занятия со студентами, и домой она могла прийти не ранее девяти часов. Она попросила Наталью - жену моего товарища по училищу Костика – прийти к нам вечером и встретить гостей, рассадить их… ну и т.д., т.е. побыть хозяйкой какое-то время. Наталья с удовольствием согласилась – она была свободна, т.к. догуливала последние денёчки декретного отпуска.

Переполняемая гордостью Наташка радушно встретила гостей, а меня поздравила и чмокнула в щёку. Рассадила всех по местам, и мероприятие началось. Первым, в нашем деле, тост должен был говорить старший по званию. И им, как вы поняли, оказался героический Вовка Королёв, который, как вы уже знаете, практически не знал ни дат рождения, ни, даже, отчеств своих гениальных подчинённых. Ну а про их семейное положение – тут я просто промолчу.

В торжественной тишине Вовка солидно откашлялся и вдохновенно высказался: «Алексей! Ты – молодец! Всё у тебя так складно получается, во всём у тебя порядок! Твоё непростое заведование работает, как швейцарские часы – без сбоев… Вот командир тебя на строевом смотре хвалил… И диссертацию ты быстро накатал… И защитился без «чёрных шаров»… И даже тут ты успел!!!». И Вовка указующим перстом показал на круглый Наташкин живот. Всё молчат. Ну, не знают, что и сказать. И тут, в этом гробовом молчании военно-морских египетских пирамид, встал Наташкин муж Костик: «Владимир Александрович! Вот уж спасибо Вам! Вы – настоящий товарищ! Как камень с души моей сняли! Теперь я, наконец-таки, узнал, кто это сделал…».

ПРИТЧА О БЕЛОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Однажды к старому мудрецу пришел молодой парень и попросил помочь ему стать ясновидцем, открыв в себе третий глаз. Мудрец говорит: "Ничего проще нет. Не думай про белых обезьян". "Я и так не думаю". - "Ну и не думай дальше". Тот пошел спать. А утром молодой человек пришел с красными глазами: "Что вы со мной сделали!? Я ни о чем другом сейчас не могу думать, кроме как об этих проклятых обезьянах!" - "Вот теперь попытайся не думать. Это будет начало твоего пути". Следите за своими мыслями! Не

думайте о плохом! Не думайте о той нехорошей белой обезьяне. Не думайте о ней и обретёте бессмертие!

Очередная белая обезьяна предстала передо мною в образе заместителя начальника 1 управления лауреата Премии Совета Министров СССР, кандидата технических наук, полковника-инженера Юрия Дмитриевича Кравчука. Как говорится, если человек талантлив, то он талантлив во всём! А уж если человек – идиот, то это – надолго! Лично на меня Кравчук всегда производил впечатление вшивого и дурно пахнущего бомжа из подземного перехода московского метро – растрепанные остатки волос, бегающий взгляд, никогда не видевшие утюга брюки и форменная рубашка с грязным воротничком и манжетами, фуражка без малейшего признака наличия пружины, стоптанные задники ботинок … Он постоянно «тыкал» младшим по званию. После занятий по физической подготовке офицеров (а Кравчук играл в теннис!) он развешивал на батареях в служебном кабинете свои дырявые носки, вонючие трусы и потные майки. Зайти к нему для доклада было физически невозможно! Удушливый аромат физиологических выделений Юрия Дмитриевича преследовал меня много-много лет без остановки. Ну, что ещё можно сказать о нём? Из помещений, в которых находился отдел, возглавляемый Кравчуком, постоянно неслись истошные крики – то безумный Кравчук с пеной у рта задорно объяснял своим подчинённым принципы моделирования гидравлических явлений по Фруду в автомодельной по параметру Рейнольдса области.

Идеи выскакивали из мозга Юрия Дмитриевича, как сороки из жопы! Он мог вызвать меня в пятницу около 16-00 и, ничтоже сумняшеся, с пеной у рта истошно прокричать, что к утру понедельника лоток 4 должен быть готов к проведению его очередных околонаучных экспериментов с моделью авианосца. Ни много, ни мало! Прикиньте сами – очистить от ржавчины металлические конструкции (до металлического блеска!), загрунтовать их и окрасить суриком железным или свинцовым за два раза; кроме того – сделать так, чтобы к утру понедельника краска высохла, иначе в лоток воду набирать не будет никакой возможности. Однажды я не стерпел и сказал – «А где же Вы были всю неделю? У меня, для реализации Ваших новаторских идей, нет ни олифы, ни пигмента, ни малярных кистей, ни щёток с металлической ворсой! Что Вы хотите от меня?». Кравчук посмотрел на меня с презрением – как солдат на вошь! «Пойдем со мной, и я покажу тебе, как нужно решать вопросы!», - промолвил Кравчук с улыбкой Мефистофеля на устах. Кравчук остановился перед дверью в кабинет помощника командира части по МТО подполковника интендантской службы Ивана Самуиловича Брундукова и собрался с мыслями. Резко рванув дверь на себя, Кравчук, подобный разряду молнии, ворвался в кабинет, где Иван Самуилович находился в послеобеденном блаженном состоянии, вдумчиво переваривая остатки низкокалорийного военторговского обеда. Свою просьбу холерик Кравчук предварил следующим тезисом – «Ваня!!! Мы в полной жопе!!!». Несчастного Ивана Самуиловича на ближайшие выходные покинули даже малейшие признаки остаточной эрекции. Кстати, ни кистей мы не получили, ни ветоши. Не сработало!

И до сей поры я уверен в том, что Кравчука изначально нужно было направить трудиться в должность директора какого-либо родовспомогательного учреждения – вот уж где его дурковато-неукротимая харизма была бы к месту. Как-то в 1993 году я был в Севастополе и на одной из подпорных стенок прочитал немеркнущее в веках: «Крым – Россия! Рух – фашизм! Кравчук – сука!». Вот тогда-то я окончательно понял, что хорошее дело

«кравчуком» не назовут!

Однажды в далёкой северной Гремихе оборвало льдом несколько плавучих причалов, и целая дивизия атомоходов проекта 667-б начала испытывать существенный дискомфорт. Главкомат ВМФ решил послать туда Кравчука для решения всех вопросов. Кравчук ехать один не захотел, что было понятно, и приказал выделить одного из офицеров нашего отдела. Узнав об этой мрачной перспективе, я сказал начальнику отдела, что пусть меня лучше кастрируют, но с Кравчуком я не поеду! Поехал мой сослуживец Сергей Викторович. Если бы он только знал, что ему предстоит. По приезде Серёжа рассказал мне следующее. «В первый же вечер Кравчук дематериализовался – пошёл с флотскими пить «огненную воду», а я лёг спать. Где-то за полночь пьяный Кравчук вернулся в гостиницу - целый час ходил по комнате, пил воду, плевался в умывальнике, сморкался в простыни, сбивал в темноте тумбочки и табуретки… Потом, слава Богу, утих. Утром я проснулся, начал его будить, чтобы на завтрак идти, а он и говорит – «Иди один, а я ещё посплю чуток». Пошёл я в буфет, взял завтрак, сунул руку в карман за кошельком и тут… Вынимаю из кармана ужасную вставную челюсть – между зубов висят капустные лохмотья, прожилки мясные, крупинки каши какой-то… Меня чуть было не протошнило! Первое, что я хотел сделать, так сразу же выбросить её в помойное ведро. А потом я понял, что это пьяный Кравчук ночью по ошибке засунул её в карман моей тужурки. Завернул в салфетку, кое-как позавтракал. Прихожу в номер, а там сидит с потерянным видом этот логопед хренов – «Фы-фы, малыфы…». Так обрадовался, когда я ему эту челюсть вернул!».

С тех пор, на каждой «сходке», я предлагал тост – «За вставную челюсть полковника Кравчука!». Прошло много-много лет с той поры, и судьба вновь свела меня с безумным Кравчуком, над которым время было не властно – властны были лишь его отвратительные привычки. Одно радовало – отношений подчинённости между нами уже не было! И тогда я сказал ему на прощание: «Ещё раз «тыкнешь» мне, и тебя вынесут отсюда ногами вперёд!». За сим мы церемонно раскланялись. С тех пор я стараюсь не думать о белой обезьяне. Стараюсь, но не всегда получается.

«КОТ ВАСИЛИЙ»

Помните старый анекдот о том, что люди заметили, что у военных пенсионеров смертность наступает раньше, чем у пенсионеров гражданских? Ну так вот, поручили исследовать этот феномен одному из крупнейших НИИ отечественной геронтологии. Через полгода ученые мужи нашли подтверждение феномена. Они разделили популяцию мышей на две равные части и посадили их в клетки, назвали левую половину гражданскими, а правую - военными. Так вот, "военные" мыши умерли раньше гражданских потому, что ученые мужи им каждый день кота показывали.

Однажды, вернувшись из отпуска, отец спросил своего заместителя, что интересного было в его отсутствие. Ответ был краток - "Кота показывали!". Это означало одно - в часть с проверкой приезжал командир соединения вице-адмирал Василий Николаевич Виргинский. Да уж, то был настоящий флот! Военно-морской флот! Океанский! И были на том флоте адмиралы, ему соответствовавшие. Настоящие адмиралы - не чета нынешним полудурковатым флотоводцам нового облика. Как писал неизвестный автор – «Наших адмиралов можно даже в Англию на выставку приглашать. Галерея этих ярких флотских образов заставит вздрогнуть даже самое больное воображение…». Настало время

товарищу вице-адмиралу на покой идти – в запас увольняться. Как-то раз отец встретил его, бредущего по Советской с сеткой в руках. Тогда в народе такие сетки назывались просто – «нихераськи». Отец и спросил грозного адмирала – "Василий Николаевич, а чего так-то?». А ответ был ужасно прост – «Серёжа, а ты думаешь, вице-адмиралу так легко в Севастополе работу найти?». Труднее всего вице-адмиралу было найти работу по душе. Но не к лицу было герою-черноморцу бояться трудностей. Он привык их героически преодолевать.

Однажды рано утром на Минную стенку, где стояли корабли 30-й дивизии, прибыл никому не известный вице-адмирал.

Без лишних слов он проследовал на один из больших противолодочных кораблей, ошвартованных у стенки. Поднялся по сходне, чем поверг в обморок командира вахтенного поста на юте. На ют прибежал дежурный по кораблю, который тоже тихо замер в состоянии искренней каталепсии. Вице-адмирал!!! В пять часов утра!!! Вице-адмирал приказал вызвать наверх командира корабля или старпома. На ют прибежал бледный от страха старпом, который тут же попал под шквал язвительно-грозной вице-адмиральской критики – «Почему медяшка плохо надраена? Почему якорная цепь не побелена? Почему? Почему?? Почему??? Устранить немедленно!». В 05-10 на БПК сыграли «большой сбор», после чего команда приступила к внеплановой большой приборке. Красили борта, надстройки и палубу, белили резину, драили медь и железо, проходили с солидолом барашки... Драили, драили и ещё раз драили... Следующим утром картина повторилась на соседнем сторожевом корабле... Так продолжалось около недели - неизвестный грозный адмирал держал в страхе почти всю 30-ю дивизию. Заветной мечтой командиров и старпомов кораблей 2-го ранга, стоявших на Минной стенке, стал постриг в монахи. И никто не мог ответить на вопрос о том, кто же этот злой гений? Страх обуял всех командиров и старпомов, и в этом страхе они боялись спросить у адмирала его фамилию. Через какое-то время штабные нашли ответ на этот вопрос. Это был Василий Николаевич Виргинский собственной персоной. Его потому никто в Севастополе и не знал, что он в Феодосии соединением до того командовал. Василия Николаевича срочно вызвали в штаб флота и потребовали прекратить террор - "Вся дивизия забросила боевую подготовку и занимается только приборками!!! Прекратите немедленно, иначе форму адмиральскую отберем...".

Через несколько дней отец вновь встретил его, бредущего по Советской с "нихераською" в руках. Отец спросил грозного адмирала – "Василий Николаевич, а чего так-то?». И ответ Пенителя Морей вновь ужасно прост – «Серёжа, а ты думаешь, вице-адмиралу так легко в Севастополе работу найти?».

Исполняя интернациональный долг в далёком Западном Туркестане, я получил письмо от одной из читательниц первой редакции моих мемуаров. Вернее - из писательниц. Она, как человек благовоспитанный, представилась, конечно же. Это была достаточно известная в Севастополе драматург и поэтесса Мария Васильевна Виргинская. Или просто Маша.

Маша Виргинская – под этим именем её знали в Севастополе в ту далёкую пору, когда в магазинах можно было купить только лишь уксус и «Беломор».

"Письмо вернулось, и сомкнулась даль
В конверта точке. Мрачно стало, сыро.
Ты не звони мне больше никогда
Из навсегда утраченного мира.
Связь прервалась, а дружбе вышел срок,
Сквозь много весен грянула расплата,
И ты сегодня мною пренебрег,
Как я тобой давным-давно когда-то."

[Маша Виргинская]

В те далёкие героические годы её имя было на слуху у каждого севастопольца, но это уже совсем другая история...

ФРАУ АДМИРАЛ

То было интересное время. Строгое, но справедливое! И люди были интересные - не чета нынешней кисло-сладкой мадам Нарусовой и её дурковатой дочери Ксюше.

Командовал в ту пору Черноморским флотом адмирал Виктор Сергеевич Сысоев. Это он лично вручил мне на выпускном вечере «Аттестат половой зрелости» и пожелал мне дальнейших успехов на моём и без того скользком жизненном пути. Он был невысокого роста, с пронзительно-недобрым взглядом. Настоящий командующий флотом! При нём

флот не вылезал из дальних плаваний, а порядок в севастопольском гарнизоне был доведён до высшей степени флотского маразма!

Я окончил школу, учась в параллельном классе с его сыном.

После девятого класса нас всех послали «отбывать трудовую повинность» в деревню Терновка – эдакий мегаполис, что скромно затаился на бескрайних просторах Гераклейского полуострова между Сахарной Головкой и Эски-Керменом. Днем мы якобы трудились в полях в зоне рискованного крымского земледелия, нанося невероятный ущерб и без того проблематичному сельскому хозяйству, а вечерами купались в озере, расположенному неподалёку от здания, в котором находилась терновская средняя школа – наш подшефный источник знаний. Работа в полях нас не прельщала – ученики «спецшколы для особо одарённых вундеркиндов с преподаванием ряда предметов на английском языке» изначально мыслили себя вне аграрного сектора страны и изо всех сил старались найти любой благовидный предлог, чтобы не пойти утром на работу. В тот день от работы удалось отлынить мне и одному из моих одноклассников - ко второй половине дня мы всё-таки успели проснуться и, лежа поверх грязных одеял, мечтали о том, как скоро мы вернёмся в Севастополь...

И тут яркие горизонты деревни Терновка внезапно засверкали нестерпимым блеском, а над покрытыми пожухлой краской стенами нашего «спальника» взошла заря! Это на крыльях свежего ветра грядущих перемен к нам внесло Марию Логвиновну - мать нашего одноклассника и, в то же время, супругу Командующего Черноморским флотом адмирала В.С. Сысоева. И, прямо с порога, началась «требовательность» – «Ну и как давно вы в последний раз приборку в этом помещении делали? Почему такая грязь? Грязь – источник всевозможных заболеваний!!! Вам не стыдно? Когда последний раз ваши учителя проверяли качество приборки?». Мы удрученно молчали – оправдания нашим преступлениям против человечества и человечности не было! И быть не могло! Сюжет разворачивался более чем стремительно – «Ваня!». На этот зов незамедлительно прибыл матрос-водитель адмиральской машины. «Принесите сюда обрез и голик! И тряпку для мытья полов. Тряпки нет? Дайте мне Вашу тельняшку!». После этого она быстро и

качественно «подголячила палубу» и вымыла её до такого блеска, который деревня Терновка отродясь не видывала. «Ваня! А теперь - заносите главное! Ребятам надо поесть. Оголодали...». И Ваня внёс холодцы из курицы и не из курицы, крабы, колбасу всевозможных сортов, сыр, пирожные, сгущенное молоко... Чего там только не было! Всё эти Дары Волхвов были красиво выложены на покосившемся столе, за который мы и были приглашены – перекусить после трудов праведных. Так мы и сидели вкруг установленного яствами стола – два дезертира трудового фронта, матрос Ваня и фрау Адмирал.

Да уж! То было справедливое время. И люди были ему соответствовавшие. Не чета пижонам нынешним! Не чета нынешней кисло-сладкой мадам Нарусовой и её придурковатой дочери Ксюше...

НАСТАВНИК

Мой духовный наставник – подполковник-инженер Анатолий Григорьевич Константинов – перевёлся служить в Крым из Забайкалья. Главной своей задачей он видел исключительно получение квартиры с последующим безболезненным выходом на пенсию. Проще говоря, он плевать хотел на всё – и на службу, и на политотдел, и на Моральный Кодекс Строителя Коммунизма, на всё без исключения. Этот, невысокого роста и вдребезги лысый человек, обладал потрясающей харизмой – от него исходило такое доброе свечение, что «мамочки» слетались на него, как мотыльки слетаются на свет деревенской керосиновой лампы. А больше всего Толик любил ходить в наряд – оперативным дежурным. Спокойное такое было дежурство с 10.00 до 10.00 следующих суток, там было главное – вовремя вскрыть мобилизационный пакет и попытаться понять по карте местности, в какой район сосредоточения нужно выводить потешные войска в случае начала войны с Зимбабве, а потом – свободен целый день. Это вам не сутки в карауле мокрую от дождя шинель не снимать.

Однажды я вернулся из отпуска и узнал, что наставник лежит в кардиологическом отделении военно-морского госпиталя. Я купил бутылочку лимонада «Буратино» и банку килек, и ноги понесли меня в госпиталь - поспешил навестить больного человека… Я, искренне сокрушаясь, спросил страждущего Толика о причине происшедшего с ним несчастья. «Ты знаешь, Лёша, заступил я оперативным. Перед дежурством купил баночку растворимого эрзац-кофе, лимон, пачку сахара и бутылку коньяка. Еле дотерпел до вечера. Пригласил в «дежурку» на после 21.00 старшую машинистку из секретной части (была у нас такая Наташа по кличке «язва желудка»). Выпили с Наташей коньяк и кофе, ну и потом я её до утра на карте местности … Сменился с дежурства, думаю – ну зачем домой так рано идти? Как говорится, куда х… - туда и ноги! Пошел к Вере из конструкторского бюро. Хорошо, что она в отгуле была. У Веры до 18.00… Потом решил, всё-таки, домой пойти… Прихожу домой, а там жена ждет! Да такая хорошенькая… Прическу красивую сделала! Ну, я и жену… того! А вот этого делать не нужно было! Это оказалось лишним! Теперь вот в кардиологии лежу…».

ПЕРЕПИСКА ГЕРЦЕНА С ОГАРЁВЫМ («ФОРМУЛА БЫКОВА»)

Та история началась исподволь… Начальником отдела измерений на фиолентовском полигоне, где служил отец, был легендарный человек – Герой Советского Союза, капитан 1 ранга Василий Иванович Быков.

Во время войны он служил на Северном флоте и непосредственно участвовал в знаменитой торпедной атаке в районе мыса Кибергнес, когда, под прикрытием дымовой завесы, звено торпедных катеров полностью разгромило немецкий походный ордер. Настоящий моряк!

Вот, что написал инженер-механик И.Г. Шабалин о Василии Ивановиче Быкове – командире эсминца «Беспокойный»: «Василий Иванович Быков, капитан 3-го ранга, был прирожденным командиром и моряком-романтиком в русской, так сказать, ипостаси этих понятий. Умный с хитрецой, с открытым живым лицом, он часто улыбался и так же часто хмурился, как бы подыгрывая самому себе, дополняя классический образ отца-командира оттенком эдакого мужичка-простачка. Он мог несколько нарочито даже пошуметь, распекая матроса или офицера за упущение по службе, но при этом никогда не задевая достоинства подчиненного. Если упущение или проступок были значительными, он добавлял в сердцах: «Не наказываю только потому, что меня не наказывали». Хорошо зная военно-морскую историю, Василий Иванович мог на память прочитать положения из Петровского устава или его указов, а также при случае вспомнить Ланского, Орлова и других фаворитов Екатерины II. У него определенно была педагогическая жилка - Василий Иванович любил афористические сентенции. Если на совещание кто-нибудь из офицеров приходил без рабочей тетради, он обычно замечал: «Каждый офицер в любое время должен иметь при себе презерватив, машинку и записную книжку!», - и отправлял провинившегося за оной. Наставляя интенданта или других получателей необходимого имущества на берегу, он требовал безусловного его получения несмотря на категорический, казалось бы, отказ по телефону: «Ничто не может заменить личного общения, даже телефонный разговор!». Команда любила своего командира и на "Беспокойном" не было случая, чтобы матрос при виде идущего навстречу ему командира перебегал с одного борта на другой. Конечно, Василий Иванович был требовательным начальником, но известный либерализм у него все-таки можно было обнаружить:

повседневную тужурку он носил только с американскими полуботинками. Уставом это прямо не запрещалось, но принципиальные блюстители строевого порядка не позволяли себе эдакой вольности».

В Севастополе его постоянно назначали командиром офицерского полка парадного расчета на всякие праздники. Это было реально завораживающее зрелище! И была у Василия Ивановича места заветная – стать адмиралом. Он как-то сказал отцу: «Ты знаешь, Сергей, хоть ветеринарной службы, лишь бы генералом!». Стал контр-адмиралом, правда, для этого пришлось сменить Севастополь на Тихий океан.

Однажды Василий Иванович поехал с женой в санаторий какого-то военного округа в Центральном Черноземье, где море и моряков видели только на картинках и в кино про войну и оборону Севастополя. Приехал он в гражданской одежде, в чемодане лежала форма – после санатория Василию Ивановичу нужно было явиться в Москву, одетым, как положено – по форме. В регистратуре им сказали, что номера на двоих нет, скоро освободятся, а пока, несколько дней, им придётся пожить раздельно. Нет проблем. Прошёл день – два – три… Уже к исходу подходила первая неделя, а они все раздельно живут. Жена сказала Василию Ивановичу – «Вася! Это – непорядок! Иди к начальнику санатория и пожалуйся». Пошел, объяснил ситуацию. А начальник санатория, какой-то ветхозаветный пехотный подполковник медслужбы, говорит: «Быков? Василий Иванович? Капитан 1-го ранга? Всё верно! Вот полковников и подполковников мы уже расселили, майоров заканчиваем расселять и, сразу после этого, начнём расселять капитанов! Ещё самую малость подождать нужно…». Герой Советского Союза капитан 1 ранга Василий Иванович Быков в состоянии, близком к полной прострации, бегом добежал до своей «одиночки», достал из чемодана флотскую форму - по три больших звезды на погонах и Звезда Героя - и вернулся в кабинет начальника санатория со словами: «Здравствуйте ещё раз! Разрешите представиться? ПОЛКОВНИК Быков!». Занавес!!!

… Покрышки на колесах отцовского «Мустанга» малость поизносились. По договору с Ярославским шинным заводом изношенные до окончания гарантийного срока покрышки подлежали замене за счет завода. Отец и написал на завод предельно вежливое и обстоятельное письмо с приложениями. Завод хранил гробовое молчание. Несколько последующих писем и телефонных звонков на завод были безрезультатны. Все письма и квитанции о междугородних звонках отец хранил в специальной папочке с тесёмками – похоже, он исподволь готовился к затяжным боям, что было понятно. Завод молчал… Тогда мама взяла управление на себя: «Воспользуйся формулой Быкова!». Отец возмущался и возражал, говорил, что так нельзя, что он, всё-таки капитан 1 ранга, но сдался и написал грозную телеграмму примерно следующего содержания: «Срочно пришлите покрышки. Если не пришлёте – напишу в «Правду». ПОЛКОВНИК Фёдоров». Покрышки приехали через неделю, а на черновике телеграммы дыроколом были пробиты дырки, и она упокоилась в легендарной папочке с тесёмками. Это была роковая ошибка, допущенная отцом! Папочка попала мне в руки, я детально ознакомился с её содержимым и сохранил её для истории. Особенно радовала моё воображение последняя телеграмма. Полковник!!!

Прошло время. Одним из вечеров мама сказала мне: «Чем время бесцельно тратить, ты бы почитал что-нибудь – умнее станешь. Вот, например, почитай переписку Герцена с Огарёвым».

И тут я резонно заметил: «Чем читать эти пожелтевшие страницы, так я уж лучше почитаю переписку ПОЛКОВНИКА Фёдорова с Ярославским шинным заводом! Куда более интересно!». От сидевшего рядом отца во все стороны полетели электрические искры, а в воздухе повис запах сгоревшей изоляции – «Где эта папочка??? Дайте её мне!!!». Не тут-то было! И по сей день где-то в архивах пылятся так и не опубликованные главы из переписки Герцена с Огарёвым…

«УСТАМИ МЛАДЕНЦА ГЛАГОЛЕТ ИСТИНА!»

Похоже, что под воздействием будоражащих моё пытливое воображение факторов ещё в самом раннем детстве мне светила перспектива яркой и увлекательной службы в советском подводном флоте. А что тут такого? Как говорил А. Покровский - «Наш флот – рабоче-крестьянский, а подводный флот – вообще крестьянский!». Всё складывалось удачно за исключением одного – мой, в ту пору, сопливый нос препятствовал мечтам о подводном флоте. Это сейчас у меня соплей нет! С этим сопливым безобразием было решительно покончено накануне моего поступления в Училище. Соплей нет и не предвидится! А тогда мама постоянно лечила мои хронические и острые риниты при помощи физиотерапии – электрофорез или ионофорез с диатермией. Однажды она привела меня, пятилетнего, в госпиталь и уложила на кушетку под электроды физиотерапевтических установок. Обмотанный проводами, я лежал на кушетке и слушал, как тихо журчит вода в соседнем гальюне – я мысленно готовился к почетной службе в подводном флоте. А мама читала книгу, сидя рядом со мною...

И тут двери распахнулись - в помещение вошел командующий эскадрой Черноморского флота вице-адмирал В.Ф. Чалый в сопровождении целого сонма флотских Гиппократов и Эскулапов. Оказывается, товарища вице-адмирала тоже «пробило на сопли»! Врачи бегали вкруг него, помогали ему снять тужурку, поправляли простыню на соседней кушетке, укладывали под руки. И всё было так чинно-благородно! Тишину госпитальной палаты прорезал звонкий детский голос: «Мама, а что – дядя сам раздеться не может!». Над 1472 Краснознамённым военно-морским госпиталем повисла зловещая тишина неопределённости.

«А Я О НЕЙ, ТОВАРИЩ КОМАНДИР, ВСЕГДА ДУМАЮ...»

О занятиях по марксистско-ленинской подготовке офицеров сейчас принято складывать легенды в стихах. А ведь тогда нам было не до шуток - мы постоянно путались в непроходимых исторических дебрях, козлиные облики бородатых ревизионистов и отвратительных оппортунистов судорожно перемежались с сияющими лицами передовиков первых пятилеток...

И никогда, ни при каких обстоятельствах, мы так и не могли запомнить фамилии участников революционной "Группы Освобождение Труда" - там сам чёрт мог ногу сломать, все фамилии звучали очень подозрительно - пока с нами не провел вдумчивое методическое занятие один маститый политработник. Гений! Простой как сатиновые трусы нутряной теоретик марксизма-ленинизма, не лишённый чувства юмора!!! Перед тем, как ложиться спать, он клал под подушку томик "Коммунистического Манифеста". Я так понимаю, что жена представала пред ним поочередно, то в облике поражённой базедовой болезнью Наденьки Крупской, то в облике коварной обольстительницы Инессы Фёдоровны Арманд. Оргазм он, судя по всему, отождествлял с историческим залпом крейсера "Аврора". Его

воспалённое воображение с завидной постоянностью рисовало одни и те же эпохальные картины – призрак коммунизма, шарахающийся по Европе, … толпы пьяных матросов, штурмующих Зимний … Владимир Ильич, падающий по пьянке с броневичка ... проститутка Троцкий, прячущий куда-то то самое заветное надувное бревно... Марксист - ленинец предложил расположить фамилии этих героев в такой последовательности и запомнить только ПЕРВЫЕ буквы их фамилий

Можете проверить! Такое не забывается!!! С тех героических пор и я наизусть помню имена неутомимых борцов за торжество так и не понятых мною идей...

ИЗ ЖИЗНИ УЧЕНЫХ

Осенью 1997-го года я вернулся на грешную землю из благополучной Шотландии. Товарищи мои ещё долго не могли мне простить этот шаловливый отрыв от материнской пуповины под названием "он работал в Шотландии". А вот Мой благодетель и, я не побоюсь того слова, Учитель - Виктор Иванович простил меня сразу и предложил мне должность главного инженера в одном из подразделений НК "Сургутнефтегаз", что находилось в ту пору под его началом. Шутка ли???

В том же подразделении работал и мой друг ещё с училищной поры Сергей (ну так … сын Виктора Ивановича), который настойчиво лоббировал моё назначение, ведь на меня можно было свалить столько разных полезных дел. Я начал работать в 09-00 утра понедельника, а в 09-00 утра среды той же недели я был уволен по личному распоряжению президента "Сургутнефтегаза" (прикиньте, как это почетно!!!) - кадровики допустили оплошность при моем назначении. Я не пошёл искать правду по судам - не хотел подводить Виктора Ивановича. Я пошёл работать на стройку - два месяца бетон лопатой кидал, до самого Нового года. Потом меня решили восстановить в должности, на что я ответил резонно - я вступлю в должность только после того, как этот президент ЛИЧНО принесёт мне свои извинения. Ничего он не принёс, но и я работать туда не пошёл. Упрямый я тогда был... Продолжил бетон лопатой кидать. После Шотландии - самое то!

А Серёге без меня было тяжело. И однажды, года через полтора-два, он попросил меня прийти к нему, что-то перевести с русского на английский. Всё было обставлено красиво - Серёга купил бутылочку якобы армянского коньяка, какой-то невнятный сыр цвета хворой мыши и "конфет сладких"(тм) на закуску. Выпили - закусили... Серёга, при этом, опрокинул пластмассовый стаканчик с остатками коньяка на развернутые чертежи. Я засел за письменный перевод какой-то мудрёной бумаги, технический текст после 250 грамм коньяка давался с боями, с боями местного значения... Но я не сдавался - не к лицу такой пассаж герою-черноморцу! А Серёга? Серёга спокойно заснул, сидя за своим шикарным столом, на котором в лужице разлитого коньяка сиротливо валялись огрызки сыра и облатки от конфет вперемежку с пластмассовыми стаканчиками и чертежами сложных технологических установок. Я метался между монитором и словарём Мюллера на 60 000 слов, вспоминая заветы английской грамматики по учебнику Бонка, Кабо и Радзевича... И тут... И тут в кабинет вошел САМ! Движимый чувством безграничного уважения и сохранившимися в памяти остатками знаний о правилах воинской вежливости, я бодро доложил вошедшему Виктору Ивановичу - "Здравия желаю, товарищ командир!".

Виктор Иванович строго осмотрел поле брани, заваленное огрызками и объедками - поле брани, средь которого вальяжно похрапывал его сын. Потом посмотрел на меня с сожалением и сказал - "А ты всё пьёшь...". Покачал головой, махнул рукой и вышел... Он всегда умел с достоинством выходить даже из самых безвыходных положений!

ВНУК ВОЖДЯ НАРОДОВ

Скажу вам всем откровенно, что безупречная военная служба – все эти бессонные ночи на дежурствах, частые перелеты с драматической сменой часовых поясов, обеды в военторговских «столовках» ни для кого не проходят бесследно, и это – правда жизни.

И однажды я решил заняться собой, благо дело было в Москве. Для начала я решил записаться к кардиологу, а потом и ко всем остальным спецам – наркологу, венерологу, травматологу, психиатру и имя им «Легион». В регистратуре мне сказали, что я записан на приём к профессору Аллилуеву.

Я удивился редкости фамилии. Согласитесь, не каждый день можно встретить такую! Какие-то смутные параллели пронеслись в моём воспалённом мозгу, но к окончательному выводу я так и не пришёл. В назначенный день я прибыл в поликлинику и на дверях кабинета прочитал - «Доктор медицинских наук, профессор АЛЛИЛУЕВ Иосиф Григорьевич». Первая мысль была очень забавной – «Ну и приколисты же предки этого Иосифа… Такое удумали! Уважаю!».

В кабинете я увидел человека, который внешне напомнил мне доброго доктора Айболита из старой детской сказки… И с первой минуты нашего общения этот человек покорил меня своим спокойствием, желанием и умением слушать, умением найти самые правильные, умные и спокойные слова. От него веяло какой-то уверенностью в правильности своих действий, да так, что я всегда выходил из его кабинета в спокойном и «беспроблемном» состоянии.

Вы понимаете, о каких возможных «проблемах» я говорю – сами знаете этот наш прирождённый идиотизм, который, даже в случае элементарной ангины, заставляет человека думать о том, что у него рак горла в последней стадии. Иосиф Григорьевич умел и тактично пошутить – «Вы знаете, в возрасте старше сорока лишний вес появляется уже не от котлет, а от лет», или просто сказать – «Забудьте о всякой ерунде – холестеринах и так далее. Ступайте с Богом! Всё нормально! Выйдите от меня – купите себе хороший шашлык и кружку пива». Его спокойствие и уверенность в правоте своих слов полностью передавались мне. Дни, когда я должен был сходить на приём к Иосифу Григорьевичу, были для меня днями «полковых праздников». И это был первый такой случай на моей памяти.

За несколько дней до окончания контракта в Москве я зашёл к Иосифу Григорьевичу попрощаться и поблагодарить его. Это заняло пять минут - пять коротких минут, что мне отвели небеса для последней встречи с этим замечательным человеком. На прощание Доктор сказал - "Будете в Москве - обязательно заходите! Вот Вам мой телефон - позвоните предварительно. И не теряйте время на регистратуру - сразу ко мне!". А через месяц после той последней встречи по «дуроскопу» передали, что в Москве скоропостижно скончался

доктор медицинских наук, профессор Иосиф Григорьевич Аллилуев - внук товарища Сталина… Как гром с небес! Смерть Иосифа Григорьевича я переживал, как потерю очень близкого человека, если не сказать – родного человека. Но главное не в том. Я никогда, даже на секунду, даже на долю оной, не задумывался о том, что он может быть внуком Вождя Народов. Удивительно – просто видишь перед собой грамотного, умного, достойного человека и не задумываешься о том, был ли он чьим-то внуком. А уж тем более – внуком самого товарища Сталина.

ГИГАНТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В СССР, как известно, секса не было! Вот пятилетки были, а секса не было. Но во времена недоброй памяти всех этих «Азейбарджанов» и «судьбоносных консенсусов» в целомудренные умы лучших представителей советского народа хлынули гигабайты нужной и полезной информации…

В нашей части служил хороший парень Дима. Каким таинственным образом Дима попал на военную службу не знал никто - Димин папа был психотерапевтом, доцентом кафедры психиатрии и нервных болезней, да и в клинике практиковал эпизодически. На волне горбачёвских перестроечных припадков Димин папа срочно переквалифицировался в сексопатологи, что обещало ему, как он представлял себе, обильные финансовые урожаи и всенародное признание на этом благородном, но ещё неизученном околонаучном поприще. Мы искренне уважали Диминого папу и, между собой, почтительно называли его богатым словом «еблевед». Димин папа сел за написание выношенного под сердцем околонаучного опуса под названием «В помощь молодой супружеской паре». В качестве теоретической основы этого эпохального трактата им были приняты психоаналитические изыски Зигмунда Фрейда и цитаты из романов Ги де Мопассана. Но не хватало главного – практических советов начинающим супружеским парам, вступившим на тернистый путь греха. С этими вопросами папа обращался к Диме – психиатр, к тому времени, находился уже в почтенном возрасте, да и предмет-то он знал ровно настолько, чтобы получился Дима. Мы валялись от хохота в курилке, когда Дима рассказывал нам о бесплодных научных потугах своего отца, выдумывали разные советы практической направленности и сообщали их Диме для передачи папе и последующего включения в эпохальный трактат. Дима, этот человек с юмором, улучшал стилистику наших предложений и категориальный аппарат. В результате Димин папа вставлял в свой научный труд по какие-то фантастические величины и эмпирические зависимости, являвшие собою среднее арифметическое между анекдотами про поручика Ржевского и «Кама-Сутрой». Страна была готова содрогнуться от раскатов демографического взрыва!

К-19

Была такая печально известная атомная субмарина в составе ВМФ СССР. Ну, вы все знаете, как минимум, одну из трагедий, что на ней произошла. А этих трагедий было много раз более. Это было наказание Господне для всего флота…

На обратной стороне снимка рукой отца написано «ПЛ “С-30”, 1950. Штурман лейтенант Затеев». Да-да, именно тот самый Николай Владимирович Затеев, которого мы все знаем по блокбастеру «К-19» как капитана Вострикова - оказывается крутые повороты военно-морской службы однажды свели их вместе!

Вот и у меня под моим началом была такая же трагедия под названием «К-19»! Звали её Ирина Георгиевна Тимофеева – главный инженер проекта. До сих пор я помню этот безумный взгляд её глубоко посаженных глаз и несвязную речь; в её бесконечных предложениях напрочь отсутствовали и подлежащее, и сказуемое. И, вместе с тем, ответственную должность она занимала. Человек, назначенный на эту должность, в первую очередь, обязан быть политиком и дипломатом самого высокого ранга. А это даётся человеку только на генетическом уровне! А вот гены Ирины Георгиевны загуляли где-то с пьяными матросами-подводниками. Вместо того, чтобы культивировать в себе положительные качества, которые у неё, между прочим, отсутствовали напрочь, Ирина к её сорока годам успешно, как она думала, закончила курсы английского языка и международные курсы по подготовке менеджеров с пейджерами. Последнее отбило и вовсе у неё полученные в стенах института знания инженерных дисциплин и понимание элементарных жизненных правил, которыми обязан руководствоваться в повседневной деятельности любой нравственно здоровый инженер. А от её английского Уильям наш Шекспир нетерпеливо ворочался в гробу и чесался в самых нескромных местах! Даже норковая шуба Ирины Георгиевны и её навороченный радикально-чёрный “BMW” не могли исправить положение…

Она могла встать посреди совещания и, с видом профессиональной записной девственницы, сделать по любому вопросу повестки дня глубокомысленное заявление космической глупости, а я потом мучительно размышлял над вопросом «А что это было?». Она, уподобляясь вождю мирового пролетариата - этому плешивому и картавому импотенту Володе Ульянову-Ленину, помешанному на убийствах священников и детей, читала требования инструкций и нормативных документов «по диагонали», от чего в её голове царил невообразимый хаос, лишавший её возможности благополучно отделить мух от котлет. Потом она решила, что единственным верным показателем её титанической

деятельности является количество писем и служебных записок, которые она мне напишет. И она стала заваливать меня этими сомнительными литературными изысками с педантичностью сорвавшейся с привязи маньячки. Пятнадцать раз в течение месяца она «доложила» мне, что мною до сих пор не получены технические условия на подключение тепловых и электрических нагрузок. Мало того, что мне слала эти ультиматумы! Несмотря на мои многочисленные предупреждения, она копировала их власть предержащим индивидуумам. Как сказал когда-то Глеб Георгиевич Жеглов - «Я вижу, Маня, мои уговоры на тебя не подействовали…». И тут я обрушил на Ирину Георгиевну всю тяжесть своих дисциплинарных полномочий. Нет, конечно же, я не объявлял ей выговоры и строгие выговоры! Взамен этого на всех служебных совещаниях я смело вскрывал гнойники недостатков и прилюдно разбирал её антигуманные ошибки. Говорят, что Ирина Георгиевна от отчаяния даже иногда пускала слезу, но остановиться в своей бурной деятельности она уже не могла. На одном из совещаний меня настойчиво попросили снизить давление в котлах, мотивируя это тем, что Ирина работает так вдумчиво и допоздна, что её супруг скоро перестанет её пускать домой, ибо всё её семейство уже перешло на питание через «Макдональдс». И тут я, на полном серьёзе, спросил, знает ли кто из присутствующих номер её домашнего телефона - позвонить бы её мужу и попросить его, чтобы он отобрал у главного инженера проекта норковую шубу и ключи от машины, чтобы она не смогла более добраться до работы.

На мой день рождения в мой кабинет ввалились толпы ликующей молодёжи, мне подарили кружку - чайком побаловаться. А вы знаете, я не очень-то люблю, когда кто-нибудь посторонний пользуется моими предметами. А про кружку, так тут и говорить нечего. И я повязал вокруг ручки резинку от трусов, это был отличительный знак – нечто вроде шлюпочной флюгарки. Вот тут-то и произошло главное. Слышимость в служебных помещениях у нас была очень хорошая. Как-то раз я, совершенно случайно, услышал разговор наших переводчиц – «Девочки, я вчера видела, как Ирина взяла его кружку и, захлебываясь от очередного приступа возбуждения, пила из неё чай! Это – полнейший завал. Теперь он эту бедную Ирину окончательно доведёт до самоубийства! Только ему не говорите об этом!» - «Ага, сейчас, теперь-то уж точно скажу. Посмотрим, как его перекосит! Это будет последний день Помпеи!».

ЭТЮД В ОСЕННИХ ТОНАХ

Осень 2009 года, начиная с середины сентября, была для меня порою прекрасных сновидений. Что было тому причиной? Я не знаю. А, может быть, и знаю! Скорее всего, знаю!!! Те сны были подобны теплому осеннему морскому бризу, который когда-то так ласково обдувал мне лицо, в то время, как я по выходным предавался упоительному безделью, валяясь в траве на северном берегу острова Путятин, что сторожит вход в залив Стрелок. Те сны будоражили мои обоняние и вкус, подобно экзотическому коктейлю «Дайкири», так мастерски воспетому в романах Эрнста Хемингуэя…

К середине ноября содержание снов, под воздействием обстоятельств, начало катастрофически меняться. То было время беспробудной работы без выходных и проходных, перемежавшееся экстренными командировками. Другое дело, куда мне приходилось ездить – Париж, как известно, стоил мессы. Но не в том суть.

С завидной постоянностью, мне снился один и тот же сон. Почти каждую ночь! Я умер… Позади всё – подъемы под звон будильника, построения для строевого смотра, разводы караулов, бесконечные командировки, учения с выездом и без выезда, сломанные конечности моих подчинённых, горы ненужных бумаг… Всё уже позади! Меня несут в последний путь - я лежу в гробу со спокойным и умиротворённым лицом, аккуратно побрит, с мастерски нанесённым макияжем, делающим меня ещё более красивым, чем я был в своей грешной жизни. Оркестр слёзно исполняет величественный «Похоронный марш» - сочинение господина Вольфганга Амадея Моцарта, чеканит траурный шаг строй морской роты почётного караула, вооруженной 7,62-мм СКС… Ладно, я согласен на взвод! Венки с лентами, на которых золотом начертаны слова искренней благодарности – «Товарищу Фёдорову от героев-черноморцев» … «Дорогому Учителю от его неразумной паствы» … «Лёша! И чтобы ты жил, с кем хотел!!!». Офицеры флота несут на бархатных подушечках мои многочисленные боевые награды – «За героическое форсирование Лебяжьей Канавки», «За стойкость духа при обороне Приморского бульвара» и другие, не менее значимые! И, посреди всего этого траурного благолепия, за гробом бежит Геннадий Сергеевич Зайцев - заместитель Генерального Директора. Он, вытирая горькие слёзы осознания невосполнимой утраты, кричит – «Алексей Сергеевич! Куда Вы? Стойте!!! Вы ещё не исполнили входящий № 23-6743/ БГ-967 от 15 ноября 2009 года! Стойте!!!», - и заталкивает в мой гроб какие-то бумажки, украшенные витиеватыми резолюциями…

И в этот момент раздавался душераздирающий звон будильника… Я, с плохо скрываемым отвращением, спускался на грешную землю с небес обетованных. Наступала пора идти на работу, где меня с нетерпением ждал легендарный Геннадий Сергеевич с его так и неисполненными входящими.

«ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ? КТО ВАМ ЦЕЛУЕТ ПАЛЬЦЫ?»

«…Что вы там пьёте? Мы совсем не пьём –
Здесь только снег при солнечной погоде,
Ребята, напишите обо всём,
А то здесь ничего не происходит…»
[В.С. Высоцкий]

Летом 2002 года меня пригласил к себе генеральный директор конторы, в которой я работал без тени малейшего энтузиазма. Отвратительный, скажу я вам, человек был. Более подробностей не будет, иначе вы меня упрекнете в откровенной ксенофобии, которой нет и в помине - это был гражданин Франции, араб по происхождению, исповедующий иудаизм (я до сих пор понять не могу, почему этот мутант работал по субботам, да ещё и нас привлекал к тому же). Такая вот “le melange du diable” (фр. «лё меланж дю дьябль» – дьявольская смесь) образовалась. Стыдливо опуская глаза, он сказал, что некому поехать к черту на рога в Солнечное Заполярье - на дальнюю Харьягу, в Ненецкий автономный округ Архангельской области (обустройство 2-ой очереди нефтяного месторождения, где я и познакомился с Равадом, который в последующем сыграл немаловажную роль в моей жизни).

Не знаю, по какой причине, но я мгновенно согласился – тяга к странствиям пересилила всё остальное. Мне дали подписать бумагу, включавшую три пункта: - я добровольно прохожу медкомиссию на предмет годности к работе в районах Крайнего Севера; - я понимаю, что, если меня в командировке «прихватят» по пьяному делу, то я буду немедленно депортирован с объекта; - то же самое по «женской части». Подписал и поехал…

Вместе со мной в составе сентябрьской вахты 2002 года в должности сменного старшего инженера-механика работала француженка из Марселя по имени Альбан Арсегель - лет

тридцати двух-тридцати четырёх, с чисто арабской внешностью. Назвать её француженкой можно было с очень большой натяжкой – разве что паспорт. Вот вы поезжайте в Париж, выйдите из метро на площади Шарль дё Голль Этуаль и встаньте лицом в сторону площади Конкорд, так вы там таких «французов» увидите – мама, не горюй! Работали мы там по двенадцать часов в день (с 07.00 до 19.00) без выходных; правду скажу – платили там так, что и сегодня в Москве не каждый такую зарплату получает. Плюс к тому, мне по должности, как старшему сменному инженеру, ещё и дежурства выпадали – с 19.00 до 07.00 следующего утра. По графику мне выпали дежурства в паре с Альбан, но меня это совершенно не пугало – я ведь подписку о воздержании дал! Делать ночью на объекте было особо нечего – сделав все дела, мы коротали время в комнате дежурной смены – пили кофе, курили (а курила Альбан, как паровоз!) и говорили ни о чём… Я таким образом свой французский улучшал путем общения с носительницей. Один раз задал вопрос (как я сейчас понимаю, задавать такие вопросы не рекомендуется - на всякий случай, а случаи бывают разные!) – «Альбан, а откуда твои корни происходят? Тунис? Ливан? Алжир?» - «Нет, Алёша, я - украинка». Oh mon Dieu! Мне почему-то всегда казалось, что т.н. «украинки» выглядят несколько иначе – все эти приснопамятные вышиванки и венки в косах… Я уже и не знал, что спросить дальше. «Моя бабушка до революции жила в Харькове. Княгиня Ларионова. Так что, я – княжна!». Хотя, для меня Харьков и феномен пресловутого «украинства» несовместимы.

Princess Larionoff была на удивление вынослива. Представьте себе эдакий средиземноморский экзотический фрукт за Полярным кругом, рядом только мужики – даже гальюнов женских на объекте не было, да и другие неизбежные женские проблемы со счётов не скидываем. У княжны постоянно текло из носа – так она и ходила по объекту; обболтавшись соплями, княжна зябко куталась в шарф, а в её рабочем помещении был постоянно включен масляный радиатор. А она выдержала! Я бы даже сказал – выжила. После Харьяги княжна Ларионова получила назначение в Иран – на месторождение «Друд».

Где ты теперь, княжна Ларионова? Кто целует твои измазанные нефтью пальцы?

НА ДЕТЯХ ГЕНИЕВ...

У моих родителей были хорошие знакомые в Ленинграде, я бы, даже, сказал, друзья – ещё с военной саратовской поры. У них был внук – Антоша, а у Антоши была гениальная мама - Катя, в тридцать с небольшим она стала доктором физико-математических наук и ещё при СССР, на официальных основаниях, долгое время работала за границей – какую-то там приставку к синхрофазотрону усовершенствовала. И Антоша был гений...

Как-то родители пришли к ним в гости, и бабушка попросила Антошу спеть какую-нибудь хорошую и добрую песенку. Антоша исподволь готовился к представлению! И ... лицо семилетнего Антоши покрылось липким потом, жидкие светлые волосы на его лбу слиплись в какой-то замысловатый комок, глаза налились кровью и вывалились из орбит, лицо перекосилось, Антоша задрожал малярийной дрожью, изогнулся дугой и голосом Высоцкого запел - "Но что за кони мне попались ппрррривередливые....".

Волшебная сила искусства! Я не удивлюсь, если узнаю, что Антоша уже - доктор наук!

ПРОРЫВ В СТРАТОСФЕРУ

К середине 1995 года, поддавшись влиянию болезнетворных порывов приобщения советского народа – этой новой исторической общности людей - к европейской культуре и общечеловеческим ценностям, я не безосновательно и в полной мере считал себя просвещенным европейцем с гетеросексуальными отклонениями. Для этого у меня были всего основания – десять лет стенах севастопольской средней школы № 3 для особо одаренных вундеркиндов с преподаванием ряда предметов на английском языке; два года, проведенные на Мууга-Лахт, этих сучьих выселках, расположенных на окраине Таллина, и туристический прорыв на пароме в Стокгольм. А у моего дружка-приятеля – «корабела», закончившего некогда «Дзержинку», эта самая пресловутая «европейскость» была прописана на лбу готическим шрифтом. И решили мы это дело закрепить короткой поездкой в солнечный Хельсинки…

Ранним июльским утром комфортабельный автобус доставил нас на приграничную автостанцию Валимаа, где мы подверглись всевозможным видам пограничного и таможенного контроля с финской стороны, нам разве что в прямую кишку ректоскопом не пробрались. После всех этих гуманных процедур у нас осталось около двух часов – попить кофейку в ближайшей точке финского общепита. Точка поразила истинно финской тишиной, чистыми полами и деликатным обхождением. Но! Кадровые в прошлом офицеры военно-морского флота СССР окончательные выводы могут сделать лишь на основании проверки порядка в гальюне – и ни шагу назад! Ведь ещё приснопамятный Юра Кялин отлил в бронзе и высек в граните немеркнущее в веках – «На флоте есть три священных места – строй, гальюн и тумбочка дневального!». И мы зашли в гальюн, сияющий огнями и благоухающий хризантемами и розами озонатора.

С благоговением сделали все дела и отправились помыть руки. По стенам ровными рядами были расположены какие-то космические аппараты с надписями на финско-угорском. Сомнений у нас не возникло – то были высокотехнологичные аппараты для сушки рук. Ну, поднесли руки к одному аппарату и начали ждать поток теплого воздуха. Воздух не пошел… Повторили подход к аппаратам – тот же нулевой эффект. Начали махать руками перед выходным отверстием – ноль! Что делать? Пренебрегши главным флотским правилом «Прежде, чем дёрнуть за какую-то рукоятку на пульте, дёрни себя за х…!», мы, сопровождая свои потуги непарламентскими выражениями, начали лихорадочно нажимать на разноцветные кнопки в надежде получить результат. Результат не получался.

Стоявший неподалёку от нас амбициозно-замшелый финн в мягкой фетровой шляпе молча наблюдал за хаотическими припадками нашей объединённой инженерной мысли. Финн подошёл к нам, молча подвинул нас в сторону и опустил в слот аппарата монету в пять финских марок. Аппарат весело заиграл цветными огоньками надежды. Финн победно посмотрел на нас и нажал на Главную Кнопку, в ответ на это внутри аппарата что-то отвратительно зачавкало, захрипело и застонало. Финн запустил пальцы в какое-то устройство и вытащил оттуда пакетик с двумя презервативами «Вассила» (со вкусом клюквы!), которые он и вручил двум остолбеневшим от искреннего изумления Винни-Пухам. Утреннее небо старой доброй Суоми прочертили хвостатые траектории комет…

Из происшедшего я сделал главный вывод – нельзя пренебрегать изучением иностранных языков, финско-угорским в том числе. Вот и живу я с той поры под лозунгом:

«Да будь я и негром преклонных годов,
и то, без унынья и лени,
я МОВУ бы выучил только за то,
шо трэба допрашивать пленных».

Но ведь до сей поры меня жжёт и терзает другой вопрос – за кого нас тогда принял хладнокровный почитатель сочинительского таланта Юхана Юлиуса Христиана Сибелиуса и полководческого гения Карла Густава Эмиля Маннергейма?

ИЗ ПОЛЕМИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК ЧЕРНОМОРСКОГО БУРЕВЕСТНИКА

Я не претендую на то, чтобы выдавать истины в последней инстанции - "Nul n'est prophete dans son pays!" (фр. «Нет Пророка в своем Отечестве!»). Именно по этой простой причине в заголовке скромно красуется слово «полемические».

Потерянное поколение. Может статься так, что я чего-то не понимаю. Может быть я не понимаю и уже никогда не смогу понять волны новой жизни, стремительно врывающиеся в затхлую атмосферу флотских казарм, в которых я провёл большую часть своей странной жизни. Всё может статься! Именно по этой простой причине все мои околофилософские выкладки и псевдологические построения проходят через призму моего извращённо-субъективного восприятия истин объективной реальности.

Новое поколение, выращенное в теплицах и на оранжерейных грядках. Я искренне жалею этих сопливых несмышлёнышей, воспитанных на «вечных ценностях», которые громогласно проповедует пламенная идиотка Ксения Собчак. Поколение, вскормленное «мак-факами» и вспоенное колой….

Оно уже никогда не услышит полифонию корабельных оркестров, исполняющих «Подъем флага». У этого поколения никогда уже не замрёт сердце при виде реки белых бескозырок, плавно стекающей с ул. Ленина на «Минку». Они ничего не знают про Пушкина… Они слыхом не слышали «о Вильяме нашем Шекспире» (с)… Поколение придурковатых «менеджеров с пейджерами», имеющих в кармане дипломы MBA от какой-то заштатной забегаловки из пыльного, потного и вонючего Арканзаса или прочую талмудическую ересь. Целое поколение «финансовых аналитиков», «менеджеров по стратегическому планированию», «мерчендайзеров» (что это такое?), «супервайзеров над промоутерами», «хэдхантеров», психологов, бесконечных главных бухгалтеров, системных администраторов и неграмотных правоведов… Поколение, которое так и не научилось писать без ошибок на своём РОДНОМ языке. Поколение, которое уже не в состоянии перебрать водопроводный кран, чтобы из него не текла вода… Поколение, так и не узнавшее, что нагрузку можно измерять в «амперах». Поколение, которое не даст миру замечательных хирургов (исключения, конечно же есть, но, к моему вящему удовольствию, они крайне редки! Это – исключения из правила!), талантливых учителей, грамотных инженеров. Поколение, которое так и не сможет познать всю радость победы или всю горечь поражения.

Странного вида юнцы и дурковато-аляповатые барышни, понаехавшие в обе столицы из Барнаула или Старого Оскола в поисках лучшей беззаботной, как им кажется, жизни. Эти бесконечные учительницы английского языка, пытающиеся выдавать себя за переводчиц

и «специалистов по контролю затрат» (ещё один неологизм нашего времени…). Я, порою, даже не знаю, с чего начать с ними разговор по существу решаемой задачи. Они умеют только делать выводы, умеют «оптимизировать», могут часами говорить о «критическом пути» (хотя, у них гораздо лучше получается говорить о «критических днях»). Они не знают даже азов инженерной науки, в которую пытаются запустить свои потные дрожащие от похоти ручонки. Бесконечные разговоры о чудесном отдыхе на Канарах и о том, как славно вчера они попили пивка и покатали шары в боулинге с заезжими пиндосами. Самое печальное – они не хотят учиться! Активно того не желают… А когда доходит до дела, то они оказываются никому не нужными. Доходит до абсурда. И это – чистая правда! В той сфере, где я работаю, предлагается так много интересных и хорошо оплачиваемых должностей, базирующихся в самых необычных местах – от Сахалина и до порта Жантиль. А «покупатели» твердят в голос – «Молодые не нужны, нам нужны те, кто получил СОВЕТСКОЕ образование!». Не подумайте, что я брюзжу. Нет! Просто мне становится страшно от осознания одной, очень простой, истины – скоро, совсем скоро, сойдет в братские могилы НАШЕ поколение… Увы! А поколение нынешнее сможет лишь пополнить ряды преуспевающих официанток в «Макдональдсах» и отряды путевых обходчиков нефтепроводов, принадлежащих British Petroleum.

Предаваться гордости никому из нас не позволяют догматы христианской морали. Нам разрешается только лишь тихо радоваться. Вот и радуюсь я тихонько… Радуюсь тому, что учили меня так, как нужно. Что заставляли по десять раз перечерчивать проекции фланцевого соединения, пересчитывать реакции опор статических неопределимых конструкций… Я тихо радуюсь тому, что меня научили работать, научили служить, научили радоваться, научили переживать… Я рад тому, что меня научили ЖИТЬ! Потерянное поколение… Будьте вы трижды прокляты, Михал Сергеич и Борис Мыколайовыч!

Насилие над личностью. Подмена базовых понятий категориального аппарата происходит вследствие элементарного нежелания понять воспитуемым скрытую суть вещей. Зачастую разумная требовательность и правильное, в общем и целом, желание наставить младшего на путь Истины расцениваются представителями «потерянного поколения», как насилие над личностью или попытка вероломного вторжения извне в «святая святых» человеческого бытия. Осознание необходимости такого «насилия» происходит позже. А сейчас я, вообще, не уверен в том, что унылые «герои нашего времени» смогут верно, и по достоинству оценить эти педагогические усилия.

Одинаковость развития. Неодинаковость развития мужчины и женщины… Впервые я столкнулся с попыткой разобраться в этом непростом аспекте человеческого бытия у А.И. Герцена в «Былом и думах». Скажу честно, этот благополучный смутьян, которого разбудили постоянно нетрезвые декабристы, никогда не вызывал у меня симпатий и сочувствия, но здесь он оказался, как ни странно, прав.

Именно в этой неодинаковости и кроется суть многих семейных неурядиц и катаклизмов. Тяжело мужику с академическим или университетским образованием тащить на своём горбу медсестру-воспитательницу из детских яслей. Она не может его понять на генетическом уровне. Не дано ей! Но тут можно избежать катаклизма – он с головой уходит в работу, в службу, стараясь не замечать так раздражающего его монотонного пережёвывания «мировых» проблем. А ещё хуже, ещё несноснее, явление противоположное, когда образованной женщине приходится делить свои повседневные

заботы, да и не только заботы, с необразованным чучелом, числящим себя, по непонятным причинам, в разряде «суперменов». Крушение иллюзий в этом случае неизбежно. Это – вопрос времени. Не более того. Подобной неодинаковостью будет НЕПРЕМЕННО задето самолюбие женщины. Начинается мучительный поиск… Поиск способов, коими несостоявшаяся особь мужского пола будет пытаться удержать возле себя натуру утонченную. И никакой «гвардейский выпендрёж» с татуировками здесь не поможет. Женщину можно напугать один лишь раз. Сломить её будет проблематично. Даже обстоятельства не смогут заставить её подчиниться в полной мере. Юношеская и девичья восторженность от встречи со своим, казалось бы, идеалом разбивается о подводные рифы ежедневных забот – немытая посуда, сгоревшие котлеты, болеющие дети, восемнадцать пресловутых квадратных метров. Искушение в этих случаях бывает очень велико. И удержаться от него может помочь только лишь одинаковость развития. Да и то - не всегда. Так уж устроена жизнь, что острота чувственных восприятий, со временем, в большинстве случаев, сходит на «нет», растворяясь в суете ежедневной рутины. И, со временем, никакие «постельные утехи» не будут в состоянии подержать на плаву подобный мезальянс, если за ним не стоит чего-либо большего. Особого родства, простого умения и возможности говорить со своим vis-a-vis на одном языке, на одной частоте, обращаясь к одним и тем же базовым духовным ценностям. А если их нет?

Лето… Июльская жара… Каштаны на тихих улочках парижского предместья… Рюмочка абсента на письменном столе… Мысли, мысли, мысли… Я лениво перелистываю подшивки пожелтевших страниц севастопольского форума, и перед моими глазами встают скорбные вереницы патентованных провинциальных модниц, черпающих своё вдохновение на «развалах» низкопробного турецкого текстиля, польской бижутерии и дешёвой косметики. Я вижу перед собой легионы местечковых излишне чувственных «жриц безответной любви», окончательно уверовавших в свою звёздную неотразимость и громоподобно извергающих сомнительные истины в последней инстанции человеческого мироздания и бытия. Целое поколение аляповатых «светских львиц», до последнего ростка впитавших семена «разумного, доброго и вечного», заботливо разбросанные по округе мозолистыми ладонями Санта Барбары, рабыни Изауры и невменяемой Вероники Кастро… Потерянное поколение… Вы, с утонченной иезуитской изощрённостью, окружили себя блестящей мишурой с городских барахолок и праздной буффонадой толпящихся вокруг вас придворных шутов и чудаковатых опереточных лейтенантов; вы, совершенно наивно, возжелали прожить сытую и весёлую жизнь. Жизнь без каких-либо обязательств перед своими ближними, жизнь без малейшей попытки аргументации и безжалостной философской оценки своих мыслей, слов и поступков. Вы, теряя драгоценное время, готовы часами упиваться кисло-сладкой горечью своих смехотворных переживаний; готовы по-цицероновски витийствовать без повода и по поводу своих мелочных обид и неведомых мне разочарований. И, за чередою этих никчемных разговоров о тряпках и позах, в которых удобнее всего совершать обыденные физиологические отправления, вы так и не можете разглядеть свою духовную опустошённость, за которой отчётливо проступают страшные контуры чёрных ночей забвения и Вселенского вакуума. В безудержной погоне за иллюзорной патокой призрачной возможности сладострастного удовлетворения своих низменных потребностей вы, подобно примитивным хищницам, явившимся мне, в моих кошмарных снах, из дремучего мрака африканских джунглей, так и не можете остановиться в своём безумном поиске… Не можете оглянуться назад, не можете строго спросить с самих

себя за весь тот блуд, который вы сотворили своими собственными руками, и последствия которого вы хлебаете сегодня «в три горла» из антикварных корыт, предназначенных для кормления отвратительно хрюкающих свиней.

Вы, в своём истерическом самомнении, уже давным-давно уподобились некогда жестокому прокуратору Иудеи Понтию Пилату. Вы, не задумываясь ни над чем, и, даже не дожевав бутерброд с кабачковой икрой, ежесекундно готовы дать ответ на вопрос о том, что есть Истина. Вы берёте на себя смелость безапелляционно определять меру вины каждого встречного, вы готовы выносить не подлежащие ни сомнению, ни обжалованию смертные приговоры… Кто вам дал таких прав? Никто! И жизнь бьёт вас за это наотмашь. Она не щадит вас за ваше патологическое гипертрофированное самомнение, за невежественное попрание вами нравственных парадигм прошлого; за ваше пренебрежительное отношение к людям, которые дали вам жизнь и выносили вас на своих руках; за лживую выспренность вашего убогого категориального аппарата; за вашу воинствующую философскую безграмотность и ваше активное нежелание понять оппонента, каким бы ущербным он вам не казался; за ваше неприкрытое самолюбование, граничащее, зачастую, с откровенным нарциссизмом; за ваш ни чем не оправданный высокомерно-снисходительный тон и лапидарность ваших нравоучений; за то, что вы, уже давно перешагнув барьеры периода полового созревания, так и не удосужились понять, что же является непреходящей ценностью во всей вашей, пока еще бессмысленной, жизни; за ваше неумение отделить зерна от плевел и отличить грешное от праведного…

А мимо Вас, по звонким рельсам простого человеческого счастья, безудержно мчится в дальние дали веселая и красивая жизнь. И это – не уродливые картинки безнравственного бытия, которые можно исподволь увидеть в толпе бездельников, кривляющихся под гнусавый вой саксофона в какой-нибудь «Пиратской Лагуне». Эта замечательная жизнь подобна волшебному хрустальному дворцу из добрых детских сказок, которые читали около ваших колыбелей ваши замечательные мамы - в этом дворце слышны весёлый смех и красивое пение; в нём видны образованные, умные, подтянутые в строевом отношении и изящные люди; там царит искренняя непродажная любовь… А вы, по-прежнему тупо, стоите на обочине полнокровной жизни, увидев в этом сказочном дворце только свою загаженную клетку, в которой стоит покосившаяся продавленная лежанка, покрытая давно нестиранными скомканными простынями, ревниво хранящими на себе следы засохших физиологических выделений ваших не всегда трезвых одноразовых попутчиков…

Какие же хорошие мысли вложил в своё время А.И. Куприн в последние горячечные слова поручика Назанского!!! От них я и оттолкнулся… Так что – не судите строго! Лучше я бы сказать всё равно не смог.

Франция, Парижский округ, Рюэй-Мальмезон, авеню Поль Домэр, лето, 2009